

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+

№ 34

ПЕРМЬ 2024

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 34

ПЕРМЬ 2024

УДК 882(059)
ББК 84(2Рос-Рус)6я53
Л 55

Лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.

Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» в рамках проектов
«Пермская библиотека» и «Литературное Прикамье»
подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (<https://mk.permkrai.ru/>).

**ПКОО «Союз писателей России» благодарит галерею «Марис-Арт»
за содействие в оформлении альманаха.**

Редакционная коллегия:
Главный редактор – В. А. Богомолов
Отдел поэзии – А. В. Мальцев
Отдел прозы – М. К. Дуленцов
Отдел международных связей – И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы – А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** альманах. – Пермь: ПКОО «Союз писателей
России», 2024. – 132 с. – (вып. 34).
ISBN 978-5-6048219-9-2

В оформлении альманаха использованы работы члена Союза художников
России **Алексея БАЛМАСОВА**.

На обложке – «Красная кружка», 2024, бумага, акрил.

На шмуцтитule части 1 – «Сон», 1998, графика, бумага, глубокая печать,
акварель.

На шмуцтитule части 2 – «Солнечным днём», 2024, картон, акрил.

На шмуцтитule части 3 – «Девушка с книгой», 2004, картон, акрил.

ISBN 978-5-6048219-9-2

9 785604 821992

© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РОДИНА

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Борис ШИРШОВ. ОСКОЛКИ. Стихотворение 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

РОДИНА

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Максим ШАРДАКОВ. ЗА ДЯДИКОЛИНОЙ СПИНОЙ. Рассказ 15

ПИСАТЕЛИ ПАРМЫ

Виктор РЫЧКОВ. АРЧИК. Рассказ 26

ЗАЯЦ И КАПУСТА. Рассказ 27

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Игорь ТЮЛЕНЕВ. ЕРМАКОВО ПОЛЕ. Стихи 6

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне
Николай БАШМАКОВ. ДУЭЛЬ ТАНКИСТА С КАВАЛЕРИСТОМ.
Глава из книги «Не дай погаснуть свече» 30

Юлия АНФЁРОВА. ГОСТИНЦЫ ОТ ЗАЙЧИКА. Рассказ 44

ГРОЗА. Рассказ 45

ПОЭЗИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЧУСОВОЙ

Сергей СТАРКОВ. ПОЗДНЯЯ ВЕСНА. Стихи 58

Сергей КОЛОМОЙЦЕВ. УЗНАЕШЬ: СЧАСТЬЕ – В ОБЩЕМ ПРОКЕ. Стихи 63

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПРОЗА

ВРЕМЯ. ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Игорь КРЕСТНИКОВ. ПОРТРЕТ СРЕДЬ БЕЛЕЮЩИХ БЕРЕЗ. Интервью 81

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Геннадий ВЕРШИНИН. НАШ ПОЭТ.
Воспоминания о Валерии Возженникове. Из переписки 86

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ.
ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАРОВОЕ НА СВИДАНИЕ
С ЮНЫМ ФЁДОРОМ ДОСТОЕВСКИМ. Очерк 100

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина
Фёдор ВОСТРИКОВ. БЛАГОДАРЕНИЕ. Стихи 68

Борис ШИРШОВ

ОСКОЛКИ. Стихотворение

Металла ржавые осколки
Ложатся тяжко на ладонь.
Они грубы, остры и колки.
Их разметал войны огонь.

Крупичи злого урагана,
Они бойцом привезены
С твердынь Мамаева кургана*,
С далёкой волжской стороны.

Кому они неслись навстречу,
Когда земной разверзся ад?
Кто ими в битве был посечен,
Враг, друг или мой сражённый брат?

На том кургане знаменитом
Металл вскипал и снова стыл.
Когда бы небу стать магнитом,
К нему курган бы воспарил.

Но кровь людская тяжелее
Железа, стали, чугуна.
И, застывая и густея,
Насквозь курган прошла она.

И освятила славой русской
Приволжский город на века...
Нет, не металл, а крови сгустки
Беру. И дрогнула рука.

Борис Валентинович ШИРШОВ (24.06.1923 – 08.11.1975, г. Пермь) родился на Артёмовском прииске в Иркутской области в рабочей семье, переехавшей вскоре на Урал. В 1939 году Б. В. Ширшов окончил семилетку, работал в областных газетах. Большая часть его жизни прошла в Перми. После окончания пулемётно-миномётного военного училища Борис Валентинович попал на Степной фронт. Воевал под Сталинградом, в сентябре 1943 года при наступлении на Харьков гвардии лейтенант Ширшов был тяжело ранен. Награждён пятью медалями. После демобилизации работал во фронтовом агиттеатре. Вернулся в Пермь, сотрудничал в газетах. Стихи писал с детства, первое опубликовал в 10 лет. Издал более 20 книг для детей и взрослых, наиболее известная из них – «Сто загадок» для малышей.

* Мамаев курган – возвышенность на правом берегу Волги в Центральном районе Волгограда, где во время Сталинградской битвы происходили ожесточённые бои. Ныне – историко-мемориальный комплекс с памятником-ансамблем «Героям Сталинградской битвы», главный монумент которого – «Родина-мать зовёт!».

Часть 1

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ЕРМАКОВО ПОЛЕ. Стихи

ЧУВАШСКИЙ МЫС

А на Мысу стоит орда,
Холодная до посиненья.
Ноябрь – России обновленье!
Сказал Ермак: – На штурм айда!

Казачий струг из-за бугра,
Затем ещё один и дальше...
Армада русская храбра
Под вёсел ритм в суровом марше!

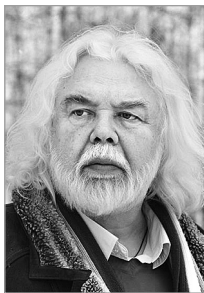
Их десять тысяч – нас пятьсот,
И нас пока что не боятся.
Но всё равно мы будем драться,
За нами русский мир идёт!

Кучум, став ханом большинству,
Набегом досаждал Уралу.
Наивный, взять хотел Москву,
Дабы снискать Батыя славу...

По небу пролетел орёл
На камни пал, но не разбился,
Он в души казаков вселился –
Небесный луч в кольчуги вплёл!

И встал Ермак, насупив бровь.
И возгремел: – Эй вы, поганцы!
Стамбул нам гадит и британцы,
Тем и другим мы пустим кровь!

Прекрасен рукопашный бой,
Но страшен для врага любого.
Тем паче сброда воровского,
Который был нам послан тьмой!

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года в посёлке Новоильинском Нытвенского района ныне Пермского края. Окончил Пермский строительный техникум (1973), Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Первый поэтический сборник вышел в 1983 году в городе Москве – «Братина». Публиковался в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции. Автор двух десятков поэтических сборников. Член Союза писателей СССР/России (1989). Секретарь правления Союза писателей России (2003). Лауреат различных литературных премий, в том числе международных. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2018). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012), других ведомственных, общественных наград. Живёт в городе Перми.

Ермак из ножен меч извлёк
Среди товарищей отважных
И русским матом трёхэтажным
В атаку казаков увлёл!

Дружины страшен был бросок
На мыс Чувашский крутолобый,
На посвист стрел и голод копий –
Взбегали вверх наискосок!

Глотая славу и огонь,
Взлетал казак, стрелой убитый.
Не будет Родиной забытый –
В веках никем не побеждён!

От боя покрасневший мыс
Волной свинцовой замывала
Река по имени Иртыш,
Как рукавица боевая!

Лежат товарищи в воде,
Шевелятся словно живые...
Затянет раны ножевые
Вода холодная на дне.

Смеркалось. Захлебнулся бой!
Кучум бежал, оставив войско.
В веках восточное «геройство»
Давно известно нам с тобой.

И воины вокруг Ермака
Сгрудились, славя миг Победы!
Ивана Грозного полпреды,
Приплывшие издалека!

Сибирь к Московии близка
Вмиг стала по трудам казачьим.
И православный стяг, как мачта,
Пронзил седые облака.

ДИВНЫЙ САД

Есть в Ермаковом поле Дивный сад!
Елфимова Аркадия священный!
Деревья иль писатели стоят –
Здесь каждый гость хозяина бесценный!

Тот сад плывёт по небу в ясный день,
Роняют кроны золотые липы,
Когда сентябрь лежит, как гобелен,
Не различишь – восторги или всхлипы!

Вот дерево Проханова! Крупин!
Ну и, конечно, Валентин Распутин!
Волшебный сад для страждущих уютен...
Для каждого, для женщин и мужчин.

И я свою здесь липу посадил –
Не знаю, может это не по чину?
Но я влетел в Сибирь, догнав дружину.
Теперь могу сказать, что я здесь был!

ВАСИЛИЙ СУРИКОВ

Плечом подпёр Чувашский мыс,
Очеловеченный в металле?
Василий Суриков – из стали?
Нет, он из Правды – приглядишь!

Вот эта правая рука
В Россию Ермака вписала!
Какая музыка звучала...
Струной – татарская стрела!

Уже написанное «Утро
Стрелецкой казни». Злобен Пётр!
Его лицо от крови мутно,
Его кафтан от крови пёстр...

Василий, чуя кровь казачью,
Взял кисть и... покори́л Сибирь!
Вот живописца сверхзадача –
Ему не нужен поводырь,

Чтоб снова побывать в Тобольске,
Запомнить волны Иртыша
Свинцовые... Скорбит душа
О казаках, павших геройски!

Погибло больше в сотни раз
Людей в столице иль слободке...
Здесь Суриков убитых спас,
Вернув на холст в казачьей лодке!

ТОБОЛЬСКИЙ АНГЕЛ

От солнца Сибирь пожелтела.
Сентябрь! Прямо в центре стою
Сибири! Какое вам дело?
Я здесь, словно ангел в раю!

Вот Ангел Тобольский на круче
 Возносится над Иртышом!
 А люди, сбежав от толкучки,
 Застыли под белым крылом.

В душе зарождается песня,
 А в сердце – родные слова,
 И там от восторга им тесно!
 У них на Сибирь есть права.

До Тихого океана
 Бегут, спотыкаясь с тех пор.
 И реки петлёю аркана
 Набросил Ермак на простор!

Вдали Чусовая и Кама
 От солнца тягучи, как воск...
 И Ангел Тобольский у храма
 Хранит для России Тобольск.

АВВАКУМ В ТОБОЛЬСКЕ

Добрёл до Тобольска
 Петров Аввакум
 От храмов Московских,
 От проклятых дум.

Его крестный путь
 Со спины не стряхнуть.
 Но можно легко,
 Как полу, подоткнуть...

А Никон-то, Никон,
 Над церковью смеясь,
 Святые стал книги
 Он править для нас?

Зачем эта ересь
 Пролезла в Москву?
 Зачем эта нечисть
 Так льнёт к божеству?

Был принят в Тобольске
 Тепло Аввакум!
 В Сибири по-свойски,
 А не наобум!

А сколько он харь
 Скоморошьях разбил.
 А сколько медведей
 С цепи отпустил.

А бабам дай зрелищ
И хлеба всегда.
Ухватами била
Его слобода.

– Молюсь за тебя
Богомерзкий народ!
Дождями смывал ему кровь
Небосвод.

Возносятся ели
На небо сквозь тьму.
И ангелы пели
В Тобольске ему.

Он веру ташил на себе,
Как Христос,
Что брёл на Голгофу,
Истерзан и бос!

Он призван был Богом
Исполнить Завет –
Любить всех убогих.
Любовь – это Свет!

Любовь – это вера
И в Крест, и в Христа!
Ей разве есть мера?
А впрочем, пуста

Без Бога судьба!
Твой же вытопчет след
Тел грешных борьба,
Гул никчёмных побед!

Поздней в Пустозёрске
Сгорит Аввакум...
А нынче в Тобольске
Он твёрд и угрюм!

Он Никона ересь бранил,
Русь любя!
Огонь, как в бою,
Вызывал на себя!

Как Савонарола,
Живьём был сожжён.
И пеплом его
Пустозёрск был прошён.

ПЁТР ЕРШОВ
И КОНЁК-ГОРБУНОК

Здесь против неба град стоит,
Живёт тобольский в нём пиит,
Что сказки для детей слагает,
А как – никто не понимает.

Плетнёв вслух сказку прочитал
Студентам... Пётр поэтом стал!
Хотя осмнадцать годков
Ту сказку сочинил Ершов!

Не верят многие тому,
Как Шолохову, посему,
Что слишком молод, из глуши,
Не сформирован пласт души...

«Рои поэтов-однодневок» –
Писал Аксаков, слеп от гнева.
И добавлял, что в Петербурге
В шагреневоy им гнить брошюрке...

Пиит стряпухе шепчет в ухо,
Хотя стряпуха тугоуха:
– Сам Пушкин, мол, за ним стоит.
Он знает, где ларец зарыт!

А у Тобольского Кремля
Иртыш, словно спина коня,
Рвёт берега узлами мышц,
Как Горбунок! Не разглядишь –

Такая скорость и разбег!
Несётся к нам из века в век!
Тобольск – столица всех мастей,
И Кюхельбекер, как злодей

Сюда был сослан... Но светло
Нам снится Царское Село!
А там и Пушкин, и Ершов
Как генералы русских слов!

Тобольск ещё и мозг Сибири.
Страница Золотой Псалтыри –
Текст, набранный на небесах
Не затерялся чтоб в лесах!

И мы страницу ту читаем,
Ершова сказку вспоминаем,
Что всякий русский назубок знать должен!
Славься, град Тобольск!

**О ПАМЯТНИКЕ
ВОЕВОДЕ ЧУЛКОВУ**

У подножья Кремля
Струг на камне стоит.
Спицей польский костёл –
Нам в подарок?..
Хоть ругать
Богородица не велит,
Струг с матросами белыми
Жалок!
На таком струге можно ль
Сто метров проплыть?
Хоть при помощи
Местных весталок!
Показали чиновники
Глупую прыть,
Распугав по болотам
Русалок.
Тот, который стоял
На Чувашском мысу,
Зря плевал, что ли,
В спину Кучума?
Я страницу тобольскую
Перелистну –
Вдаль веди,
Ермаковская Дума!

ЕРМАК. ПОХОД В СИБИРЬ

Седой Урал – земли махина!
Века катают валуны,
Как будто мощная пружина
Работает в груди страны!

И строго Строгановых башни
Взирают на лесных людей,
Тех, что вытаптывают пашни
И угоняют лошадей!

И жгут в монастырях иконы,
Наносят Родине урон!
Дремучих чаш хамелеоны
Доверили Кучуму жён!

Но Кама даст глоток свободы,
В Сибирь бросая казаков!
Коли не могут воеводы
Царёвых защитить купцов....

Покуда не до Стен Китайских
Иль Цареградских берегов,
Нагайка рвёт лесных волков,
Чтоб их перекроить в домашних!

А дикий берег Иртыша
Дождётся скоро храбрых россов,
Казачьей славою дыша
И отражая лбы утёсов!

ДРУЖИНА ЕРМАКА

Эх ты, воля царская,
Да судьба казацкая,
Степь да волчий вой!
Сгинем в скачке бешеной
Среди бредней лешего,
На пути не стой!

Ждёт Сибирь далёкая,
Реками широкая.
Сладок конский пот!
Конскими копытами,
Душами забытыми
Путь торим вперёд!

За седым Уралом
Запада навалом –
Впереди Восток!
Верная погибель
Или русский вымпел
Из державных строк.

Будет кем неведом
Победитель предан.
С пятки на носок
Вздрючит бес Кучума,
В царскую кольчугу
Вмыт речной песок...

Не в гнилой Европе,
Здесь в крови утопит
Тех, кто был высок...
Тот, кто с чубом русым
Первым павшим русским
Победил Восток!

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ

Чумацкий шлях нацелен на Сибирь!
Залязгала железная дорога,
О Пояс Каменный чирикнув, как снегирь –
Отсель простор разбросив от порога!

Вот на холме разлапистая ель
Или могучий кедр в сырой чашобе.
И в эти дни тебе не нужен хмель,
Кроме желанья – побывать ещё бы!

Ты вспомнишь всё, что не было с тобой.
Богатырей в лучах кремлёвской славы!
Ермак-Садко в кольчуге золотой
Со дна реки шлёт репортаж кровавый.

Ермак уснул... С Иртышскою струёй
Шакал-Кучум в казачий стан пробрался,
И кто-то в этот миг не надьшался –
Он ханскою задушен был камчой!

Иртыш здесь переплёлся с Чусовой
И с серебром волос моей Державы.
И Пояс Каменный в кольчуге золотой
Скрепил печатью русские заставы!

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Максим ШАРДАКОВ

ЗА ДЯДИКОЛИНОЙ СПИНОЙ. Рассказ

«...Я не делал ничего такого, чего не делали бы все остальные: здесь упасть, отползти, пригнуться, встать за укрытие, переждать секунду артоналёт, лёжа на дне воронки, нырнуть в канаву от летящей сверху бомбы – в общем, я делал всё то, что делали все, каждый вокруг нормальный солдат, боец, человек. Других, поступавших иначе – не видел, не знал, за два года бесперывной фронтовой жизни не встречал ни одного».

И. М. Смоктуновский

– Каски снять, котелки – прочь, чтоб не брякали, «сидора» – тоже вон!

Невысокий, но молодежато подбористый сержант проворно содрал с себя лишнюю амуницию, затем достал из измазанных глиной галифе неожиданно чистый по военному времени носовой платок и, бережно сняв с груди новенькую геройскую звёздочку и орден Красной Звезды, завернул награды в тряпицу.

– Ни к чему фрицам знать, что по их души героини идут – больно чести много. А вот гвардейский значок оставим на божий страх, – озорно подмигнул он безусому солдатику, тарашившему на бывалого воина восторженные глаза, опущенные длинными девчоночьими ресницами. – Парень, я не шучу – скидай вещмешок! Что ты там прячешь? Никто твои хохоряшки не тронет. Как говорится, нема дурных сюда соваться. Все «дурные» вон, на «нейтралке» отдыхают. Вечным сном и в ангельских званиях...

Разом посуровевший сержант указал на несколько бугорочков в серых шинелях и замурзанных ватниках, что застыли в разных позах на изрытой воронками равнине. У некоторых даже издали были заметны перекошенные от боли, забитые землёю рты и белели изодранные в страшной агонии нательные рубахи.

Это были красноармейцы 75-й Гвардейской стрелковой дивизии, подкарауленные опытным гитлеровским снайпером в полосе атаки. Немец, которого так и не смогли засечь, откровенно издевался. Стрелял метко и не всегда сразу наповал. Иных бедолаг подло мучил: ранил в живот, в горло, а чаще – в пах. А потом по-садистки наслаждался нечеловеческим криком, от которого у бойцов, особенно из необстрелянного пополнения из Средней Азии, леденела кровь в жилах, и командиры никакими уговорами, руганью и угрозами расстрелом уже не могли поднять их в бой.

Максим Алексеевич ШАРДАКОВ родился в 1972 году в городе Очёре. Выпускник исторического факультета Пермского госуниверситета и юридического факультета Западно-Уральского института экономики и права. Офицер запаса, служил в уголовном розыске и войсках МВД. Член Союза журналистов России. Работал в газетах «Звезда», «Советский спорт», «Известия», печатался в различных федеральных и региональных СМИ. Трижды дипломант журналистской премии им. А. П. Гайдара. Автор четырёх книг прозы. Действительный член клуба «Пермский краевед». Живёт в городе Перми.

Комполка Маковецкий, дрожа от ярости, собрался самолично, как стемнеет, найти и на куски порезать гадину.

– А чего темноты-то ждать? Пока мешкаем, этот изверг ещё столько же ухлопает, – с деловитым спокойствием высказался Герой Советского Союза сержант Николай Носков. – Я – охотник, так что эту породу знаю: волчара бешеный, которого даже свои сторонятся. Таких упырей я у себя в Очёре не один десяток перестукал. Им спуску нипочём давать нельзя. Зазеваешься – полстада загрызёт. Не ради жрачки даже – из пустого баловства...

– Михалыч, тебя ж ещё недавно из кусочков собрали и дышать с трудом заставили! Тут силёнки нужны, и нехилые, а ты, как мне доложили, и до ветру всё ещё на карачках ползаешь, – забеспокоился командир. – На тебя и так уже три похоронки отправляли – не пушу...

– Я скрадом, товарищ подполковник, по ложбинкам да пригоркам. А ночь не нам, а ему в преимущество – ищи-свищи его впотьмах... И сил моих не считай, до Берлина их хватит!

– А вдруг он там не один?

– Этот-то? Этот оди-и-ин – никто к такой мрази в напарники не пойдёт. А не веришь мне – дай пару бойцов: Халила и... – Носков огляделся, – хотя бы вон того приبلудного солдатака. Эй, как тебя там? Кешка?

Кешку послали с донесением в 231-й стрелковый полк, и он тут так и остался, потому что вернуться обратно у него не было никакой возможности, даже ночью. Немец остервенело бил по плацдарму, простреливая каждый клочок земли, бросался в яростные контратаки.

– Не бойсь – дезертиром не сочтут! Сам видишь, некуда отсюда дезертировать – только в «могилёвскую губернию»... Оставайся с нами, сынок, – по-отечески успокаивал солдатака Носков. – На-ка вот, поклюй немного и покемарь, пока немец разрешает. – Пододвинул он котелок с аппетитно дымящимся кондёром из пшённного концентрата с кониной. – Смелее тычь – силёнки нам ещё потребуются...

С этого момента Кешка уже ни на шаг не отходил от заботливого сержанта, который умудрялся даже в самом пекле блости своих бойцов в сытости, «наркомовской пьяности», в тепле и на полном табачном довольствии.

Кешке шёл уже девятнадцатый. Дома в Красноярске он крутил кино в солдатских госпиталях и пробовал играть в местном драмтеатре. Впервые увидел спектакль, Кешка навсегда потерял сон и постоянно надоедал худруку просьбами дать хоть какую-нибудь малюсенькую ролюшечку. Но на сцену его пускали редко. И не потому, что Кешка был бездарным лицедеем, а наоборот: его актёрский талант уже тогда озадачивал, ломал каноны, и режиссёры проявляли вполне логичное по тем временам благоразумие, «зарубая» парню даже пустяшные выходы с «Кушать подано!» – как бы тот не отскоморосил чего-нибудь «лет на десять без права переписки»...

И ещё Кешка в нетерпении ждал, когда наступит призывной возраст. Но когда в Сальских степях пропал без вести его отец, Кешка, не сказав домашним, пошagal в военкомат. Смышлёного сибирячка определили на учёбу в Киевское пехотное училище, ещё в начале войны эвакуированное в Ачинск. Но лейтенантские погоны примерить Кешке так и не удалось. За драки, актёрские чудачества и «длинный

язык» из училища его турнули и от греха подальше отправили прямиком на фронт – как раз к самому «веселью», на Курскую дугу, на пополнение 75-й Гвардейской дивизии, понёсшей большие потери. Бойкого парня назначили связным при штабе полка. Однако те, кто думает, что эта служба «ковыряй в носу и не бей лежачего», глубоко заблуждаются.

Связь на фронте – первое дело, но... Взять хотя бы проводную: так, сколько кабеля ни намотай на катушку, его всё равно до того, куда надо, не хватит. К тому же она портилась от непогоды и выходила из строя даже после несильного обстрела. И ещё походи попробуй найти порыв, когда ошмётки проводов разбросает на сотню метров кругом и не поймёшь, где тут твой кабель, где соседский, а где и вообще фрицевский. А радиосвязь, как шутили фронтовики, была на передовой такой же редкой, как связь полова.

Поэтому командиры по старинке больше доверяли самому надёжному виду связи – человеческой. Исключительно смелых и смекалистых бойцов, кто лаптем шей не хлебает, стороны света не путает и, если надо, даже мёртвый дойдёт и приказание доставит, командиры определяли в связные.

Кешка каждый божий день мотался туда-сюда под огнём: то козлом скачет по кочкам, то червём ползёт. Где по брюхо в болотной жиже, где – по самую макушку. А тут, на Днестре, всё больше рыбкой, ладно хоть не топором... Не раз охотились за ним немецкие пулемётчики, щедро сыпля длинными очередями по беззащитной на красной от крови воде Кешкиной фигурке, прямо как по Чапаеву в кино. И на земле, конечно, в покое тоже не оставляли: шинель у солдатика была как решето, по каске пару раз так звездануло осколками, что по сей день звон в ушах. Но жив – спасибо лысьвенским рабочим, что эти шлемы штампуют...

У штанов карман с мясом выдрало – заштопать некогда. Сил нет, как совестно: станешь командиру козырять – весь срам наружу. Будто перед красной девкой...

Каблук ботинка разворотили, даже сапёрную лопатку, и ту продырявили, а на Кешке хоть бы царапина. Даже пальца за всю войну не порезал! Чудно Кешке, но и страшно – надолго ли такая фартовая полоса? Сколько товарищей, таких же отчаянных, но менее удачливых, полегло прямо у него на глазах. Одного танк раздавил, второй в Днестре утоп. Третий было уже вернулся: перевалившись через бруствер, радовался, что жив, всё пытался сигарку свернуть, тряс Кешку за плечо, сбиваясь на нервный смех со слезами, хотел рассказать про то, какой он счастливый... Но не успел ни рассказать, ни покурить – прямо в затылок ожгла неизвестно как залетевшая в окоп шальная пуля. Так что даже бывалые бойцы не завидовали связным, называя их «посыльными на тот свет».

Сержант Носков сам не раз бывал в этой шкуре. Однажды комполка отправил его на машине с секретным донесением. По пути «виллис» наскочил на мину – Носкова так шарахнуло, аж сапоги слетели! Но пакета он не выпустил. В санбате доктора пытались вырвать его из рук, но он от них оборонялся как от фрицев, по всем правилам рукопашного боя. Нашупал в кармане лимонку, выдернул кольцо да так и сидел, шипая себя за ухо – боялся впасть в отключку. Медперсонал, конечно, врассыпную, даже безнадежно лежащие тяжелораненые

мигом сползли с коек и, против всех законов медицины, проворно покинули помещение. И только когда сержант увидел знакомое лицо командира, он позволил себе потерять сознание.

Днепр Носкову, в отличие от других героев, пришлось форсировать несколько раз. Легко сказать: ведь на куда меньших речушках, что и курица с цыплятами, перьев не замочив, вброд перешли бы, теряли наши при переправах до половины личного состава, а тут – Днепр! Ещё со школы в памяти Носкова остались назубок вызубренные слова Гоголя: «Редкая птица долетит до середины Днепра!.. Кто из козаков осмелился гулять в челне в то время, когда рассердился старый Днепр? Видно, ему неведомо, что он глотает, как мух, людей».

«Козаки»-то, может, и не осмелились бы, а бойцам Красной Армии пришлось. И даже без всяких челнов – на углых плотках, а чаще – нагишом, держась за склизлые брёвна или скатанную в ком амуницию. А бурю лучше, чем боженка всевышний, изображали немецкие орудия и пулемёты. Да-а, налопался осенью 1943-го чудный Днепр свежей солдатинкой до отвала, а тех, кого не смог проглотить, прибило волнами к обоим берегам, и до того густо, что никакой чёлн не смог бы причалить, не задев тел утопших...

Первый раз Носков переправлялся на ту сторону вместе с разведчиками, и, увидев, какую силищу собрали немцы, чтобы сорвать форсирование, сразу понял, что тут будет настоящий ад. Перед боем он, как мог, старался успокоить своих солдат, учил, как правильно держаться на воде, не бояться встречного огня. Безусые пацаны, необстрелянные, многие из которых и плавать-то не умели, верили Носкову. И в службе, и в дружбе он был для них виды видавший сорокалетний дядька, всё на свете знающий и умеющий отец-командир, с каким в компании и жить легче, и помирать не так страшно. Но глядя в молодые лица бойцов, Носков себя не обманывал. Он-то понимал, что очень многие не доплывут до берега, да и тем, кто всё-таки уцелеет и доплывёт, суждено пережить или, скорее всего, не пережить ещё один кромешный ад, удерживая плацдарм. Поэтому он обманывал их. Обманывал тем святым обманом, каким пользуется священник, благословляющий идущих на смерть за родную землю и за други своя...

Под свинцовым градом он первым ступил на берег днепровского острова, оглянулся назад и даже повеселел, когда увидел, что большинство парнишек, которых он инструктировал – мокрые, голоштаные, дрожащие от холода и страха, наперекор прогнозам всё же выжили, инстинктивно следуя за его спиной в слепой вере, что дядю Колю не могут убить, а потому нет места безопасней, чем подле него. «И оружие не побросали, не утопили – молодцы, мальчишечки! – радовался Носков, стряхивая с гимнастерки пучки водорослей. – Прямо как тридцать три богатыря и с ними дядька Черномор!»

Собрав остатки роты, он повёл бойцов в атаку, и немцы, утраченные этого воинства, со свистом и гаем бросившегося прямо на пулемёты. И фашисты, побросав эти пулемёты и всё остальное, задали стрекача из своих окопов к старому руслу Днепра, где у них были запрятаны большие лодки. Чтобы не дать им спастись, Носков с несколькими смельчаками зашли в тыл к отступающим фрицам и оттолкнули лодки от берега. Участь попавших в западню врагов была предрешена – в азарте боя пленных не брали...

Но плацдарм надо было ещё расширить. Старый рыбак и охотник Носков по только ему ведомым приметам нашёл безопасный брод через днепровскую старицу и скрытно провёл на нему штурмовую группу. Как снег на голову налетели бойцы на немецкую оборону, выкурили гитлеровцев из блиндажей и окопов, и стояли там насмерть, пока на выручку не подоспели свежие батальоны.

Так Носков третий раз за сутки форсировал Днепр, а пришлось и четвёртый, но уже в другую сторону... Восемь человек осталось от роты, да и то, как говорится, неполных – кому ногу оторвало, кто руки лишился. Носкова нашли среди груды тел – своих и чужих. Сам командующий армией Черняховский приказал: «Если жив, найти во что бы то ни стало!» Искали долго, потому что сам на себя не был похож Носков, родная мать бы не узнала – не человек, а отбивная котлета. Но дышал, потому его бережно, как Ахиллеса на щит, положили на какой-то притвор и на этом «ковчеге» переправили в тыл...

В госпитале Носкову вручили две награды сразу – «Красную Звезду» и Звезду Героя с орденом Ленина. Едва оклемавшись, сержант написал письмо на родной Очёрский завод, где попросил земляков впредь не верить похоронкам и... дал дёру из палаты. Так он снова оказался в своей родной дивизии, в пятый раз форсировав Днепр.

На Носкова целыми делегациями приходили любоваться как на чудо, расспрашивали, трясли руку и даже качали. Несли подарки – банку тушёнки, кисет или сэкономленные сто граммов. Сам Козьма Крючков в Первую мировую не имел столько славы, как Носков, но тот казачок всё больше по штабам да великосветским будуарам геройствовал, а сержант прятался от лишнего внимания на передовой, хотя и не всегда успешно.

Однажды командир дивизии Горишний привёл на передний край военного корреспондента в длинном кожаном реглане, с пухлой левой сумкой на плече.

– Вот он, наш герой, – генерал указал на невысокого сержанта в чиненном-перечиненном обмундировании. – Носков Николай Михайлович, парторг роты! Тот самый!

– Симонов, – протянул руку корреспондент и улыбнулся.

«Ого, тот самый! «Жди меня!» – в свою очередь удивился Носков, переживая за свой неказистый вид. – А я, кулёма, даже сапоги не надраил».

Но корреспондент «Красной Звезды» был на войне с самых первых дней, поэтому не ждал, что настоящие герои – это обязательно громили богатырского телосложения системы «Афанасий восемь на семь»: грудь колесом, с будённовскими усищами, обвешаны медалями и оружием, как рождественские ёлки. Как раз наоборот, таких парадных молодцов на передовой он почти не встречал. И писать ему приходилось про народ попроще, с наружностью вовсе не портретной. Но именно они лупили в хвост и гриву хваленых «сверхчеловеков», вместе с кожей снимали с них европейский лоск, превращая этих «нибелунгов» в жалкие ничтожества – в то, кем они, собственно, и являлись на самом деле. Поэтому Симонов не заметил ни измазанных окопной глиной ладоней старого солдата, ни вьезшейся в морщины на его лице пороховой гари. Не обратил внимания на прикрывшие дырки от пуль и осколков грубые заплатки, которых не стесняться надо – гордиться ими. Не разглядел

замызанной обуви, которую, солдату некогда будет почистить ещё, может быть, до самого Берлина.

И Носков оценил эту деликатность.

Корреспондент, словно Ленин, приятно картавя, начал задавать вопросы. Но Носков до того ступешевался, что ничего толкового ответить не мог – будто язык отнялся. Вместо описания подвигов сержант вдруг запермячил неразборчивой скороговоркой и стал косноязычно, невпопад подробно рассказывать, как хорошо у него на родине в Прикамье, каких он щук ловил в Очёрском пруду и сколько белых грибов собрал последним перед войной летом на балуевских сколках. В итоге Симонов, вместо подвигов, с его слов записал в блокнот только одно более-менее полезное – рецепт ядрёной вотячкой самогонки-кумышки.

Конечно, Симонов, как человек бывалый, сразу раскусил простецкую хитрость Носкова, который ни словом не обмолвился о своём геройстве, зато многое поведал о своих сослуживцах-земляках Фроле Васькине и Павле Чернове, Альберте Кроните и Андрее Топоркове, что, как уверял сержант, куда больше него отличились на днепровских плацдармах. Симонов сам был не хвастлив, поэтому солдатскую скромность уважал и с бестактной настойчивостью, свойственной большинству «акул пера», в душу не лез.

– А ведь у меня мама в Прикамье, – с грустной улыбкой поведал Носкову Константин Михайлович. – В эвакуации – в маленьком зелёном городке, под присмотром милых и добрых людей. Красивая мама моя...

«Эх, добрая ты душа, – с отеческой ласковостью подумал Носков об этом большом и сильном человеке, и таком беззащитном в своей тоске по матери. – Тебе ж, поди, и тридцати-то нет, а по обличью – все пятьдесят. Насмотрелся на наше горе, сердешный, а своё глубоко в душу упрятал. Война, война, войнища...»

– Утрясётся всё! Не переживайте за матушку, товарищ подполковник. Да разве кто посмеет обидеть мать такого сына?

Слова старого солдата вывели Симонова из задумчивости, он на прощание благодарно тронул Носкова за плечо и, чадно пыхнув табачным дымом из трубки, скрылся под его завесой в глубине траншеи...

Точное место, где засел пакостный гитлеровский снайперюга, Носков, Халил и Кешка, как ни глядели в шесть глаз, усиленных трофейной цейсовской оптикой, засечь так и не сумели. Особые надежды сержант возлагал на казаха Халила с его острым зрением степняка-кочевника. По-русски тот говорил плохо, зато был чуть ли не единственным из всего среднеазиатского пополнения, кто не струсил в первом бою. С хищным прищуром, доставшимся ему от далеких предков-чингизидов, Халил спокойно и деловито целился в наступавших немцев, словно по косулям у себя на родине. В то время как многие его соплеменники, увидев, что их товарищи падали мёртвыми, бросали оружие, садились по-турецки и, мерно раскачиваясь, причитали над покойниками, не обращая внимания на выстрелы. Носков, сам рискуя быть подстреленным, в рост подбегал к таким бедолагам и кого пинками, кого, как котят за шиворот, пригибал к земле. А потом, как парторг, терпеливо и доходчиво объ-

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

яснял необученным парням, которые ещё недавно запивали кумысом баранину в своих юртах и от паровозного гудка наземь падали, что такое война, зачем они здесь и за что воюют...

– Ну, брат, что видишь? – с надеждой спросил Халила сержант, но тот лишь смущённо оглянулся и пожал плечами.

– Тогда с богом! Каски снять, котелки – прочь, чтоб не брякали, «сидора» – тоже вон! – подал команду Носков...

Рассредоточившись, они поползли в том направлении, откуда прозвучал последний выстрел – медленно, осторожно. Кешка, как мог, копировал ловкие движения Носкова, ужом сновавшего между кочек и мимо трупов убитых снайпером бойцов. Сержант, казалось ему, будто шапку-невидимку надел: вот только секунду назад в трёх шагах мелькнула подошва его сапога, а теперь на этом месте пусто – даже трава не примята. Но снайпер, в отличие от Кешки, всё видел и начал постреливать в их сторону – поначалу всё больше для острастки.

Вдруг Халил, словно сурок посреди степи, насторожённо поднял голову и закричал:

– Коля-агай, сол жерден атылады! Жарқыл! (Дядя Коля, оттуда стреляет! Вспышка!) Башка вижу, там-там!

– Я те дам, башка! Свою бестолковку спрячь. Пригнись, балбес, он же по тебе бьёт! – злым и громким шёпотом Носков пытался образумить казаха, но тот не унимался.

– Кола-агай, сонда ату! (Дядя Коля, туда стреляй!) Ми... – на звонкой ноте оборвался голос Халила, так и не успевшего выучить русский.

Снайпер, как всегда, бил без промаха...

– Да что ж ты... Эх, Халил, Халил! – покачал головой Носков, глядя на застывшую фигуру казаха. Увы, в такой позе могут застыть только мёртвые...

Догнавший сержанта Кешка тоже хотел посмотреть на Халила, но увидел перед своим носом кулак:

– Чуешь? А-а-а.. Ни за понюшку табаку! Ты ещё у меня только попробуй высунуться, молокосос!

– Дядя Коля, а я ведь тоже засёк, откуда снайпер лупит. Он не под кусточком, а чуть в сторонке засел. Во-он там, – Кешка вновь попытался приподняться, но увесистый подзатыльник пришмякнул его к земле. И вовремя – пуля сочно жулькнула в бочажинку в полуметре от Кешкиной головы.

– Я кому сказал – лежать! Да что ж вы делаете со мной, ребятаки?.. Так, остаёшься здесь! – принял решение Носков. – Мне одному сподручней. Как управлюсь – поднимусь, а ты дашь ракету.

– А если не управитесь, а, дядя Коля? – забеспокоился Кешка.

– Не управлюсь – значит, не поднимусь...

Носков по-пластунски – от кочки к кочке – подбирался к истрёпанному взрывами кусту. С нашей стороны редко и наугад бухала полковая пушчонка, короткими очередями плевался «максим» боевого охранения. Так было уговорено: комполка Маковецкий приказал отвлекать немцев от группы Носкова беспокоящим огнём. Гитлеровцы лениво ввязывались в перестрелку, отвечая вяло и тоже не прицельно. Носков слышал, как из немецких окопов, наспех опутанных частоколом с колючей проволокой, доносились отрывистые команды офицеров, бряцанье оружия и унылая мелодия губной гармоник.

Фрицы ждали новой атаки, а никак не вылазки охотников за своим снайпером. Но сам снайпер знал, что изошрённый садизм русские ему не простят и обязательно попытаются найти и наказать. Однако он всё равно отказался от подстраховки, на которой настаивало командование: опасался, что не такие опытные, как он сам, дублёры только раньше времени демаскируют его позицию. Поэтому немецкий снайпер предпочитал помощь напарников неодушевлённых, которых использовал в качестве приманок: одного он называл Адольф «Мёртвая голова», второго – колченогий Йозеф.

В полусгоревшей избе украинского села снайпер нашёл подушку-думку, углем нарисовал на ней чёлку, слегка бесноватые глазки и ставшую модной в рейхе щётку усов. Натянул на неё солдатскую каску, снятую им с берёзового креста на воинском кладбище – вот и получился Адольф «Мёртвая голова». Мёртвая – это потому, что голова живая не выдержала бы столько попаданий, сколько пришлось принять бедному «Адольфу». А Йозеф, напротив, был совсем без головы, как и его прототип Геббельс, – просто набитый соломой мешок, облачённый в мышинного цвета шинель. Зато Йозеф умел передвигаться – снайпер тянул его за верёвочку, ожидая, когда на этого «живца» клюнет неосторожный красноармеец.

Бедного Йозефа он потерял утром при миномётном обстреле – его клочья разбросало по всей «нейтралке», но успел отомстить за марионетку. Снайпер увидел, как на его поиски выползли трое русских. Двоих он точно убил, но третий словно растворился, и это действовало ему на нервы.

Носков попытался поставить себя на место противника и туго задумался – спрятаться на голой болотистой равнине было попросту негде. Земля вокруг куста была изрыта мелкими воронками – наши мины ложились густо, и вряд ли что живое могло уцелеть. На изломанных сучьях болтались ошмётки обмундирования – видимо, кому-то всё-таки досталось. Однако в выемке у вывороченного корневища Носков заметил торчащую каску. Давно ещё заметил, и с того момента она ни разу не шевельнулась, даже когда вокруг земля кипела от взрывов. Подозрительно...

И тут даже не глазами – кожей «увидел» Носков лёгкое движение, чуть правее куста, словно ветерком по поверхности земли дунуло. Едва заметная кочка с торчащими будылинками слегка приподнялась, и из-под неё дохнуло почти невесомым куржачком пара. Всё-таки не выдержал фашист: может, затекла рука, сжимающая цевьё винтовки, или букашка настырная заползла под мотню и шекочет.

«Вот глазастый-то! – тепло подумал о Кешке Носков. – Вставил фитиля старому охотнику... И Халил туда же указывал, хотел меня, ворону слепошарую, предупредить. Ну, теперь ты мой, голубчик! – Носков осторожно перевернулся на спину, одновременно снимая ППШ. – Автомат – лишняя тяжесть. Пальнуть, конечно, можно, да ведь ещё хрен попадешь! А он, собака, не промажет в ответ».

Носков полёгал на руке старый финский нож, которым ещё в Очёре свеживал убитых волков. Эта финка уже попробовала и человеческой крови – на плацдарме, в рукопашной. Если, конечно, считать фашистов людьми... За голенище сапога Носков по-охотничьи, как учили дед с отцом, запрятал второй нож – чёрный кинжал с воронё-

ным клинком, который сержант машинально попробовал пальцем. Бритва! Это редкое оружие ему подарил старый знакомец по Свердловску, с которым он когда-то учился на курсах рационализаторов, а теперь тот воюет в Уральском добровольческом танковом корпусе.

На одном вдохе, одним броском Носков преодолел расстояние, что отделяло его от снайпера. Немец не успел выстрелить, но хитрым кульбитом вскочил на ноги, словно разорвавшийся снаряд, взвихрив комья земли, жухлую траву и опавшую листву. Когда всё опало, перед Носковым, будто чудовище из детской страшилки, вырос двухметровый гигант, опутанный балахоном маскхалата, в котором он казался ещё шире и громадней.

«Ого, какой верзила – пудов восемь, не меньше! – сержант был неприятно удивлён. – Как он прятаться-то умудрялся, комодище такой?»

Носков с ходу ударил немца финкой в грудь, но тот, выставив локти, отбил атаку. Сержант даже не заметил, как быстро в руке снайпера оказался большой офицерский тесак. Резкий выпад – и теперь уже Носков едва увернулся от смертоносного лезвия. Качнув телом, он исхитрился пнуть носком сапога по кисти: н-на! И тесак отлетел далеко в сторону. Таким приёмом Носков когда-то, ещё в Гражданскую, во время кулацкого бунта под Оханском, обезоружил пьяного бандита, что исподтишка хотел пырнуть ножом-свинорезом красного продкомиссара. Но тот детина был обыкновенной куражливой деревенщиной, а этот фриц – натасканный убийца. Сержант упустил момент, когда немец, по-бычьему нагнув голову, кинулся на него и, боднув в живот, повалил на землю. Несколько секунд они катались по болотной жиже: сержант был ловчее, но снайпер – в два раза тяжелее, поэтому быстро подмял Носкова под себя и начал душить.

Фриц по самые брови зарос пегой бородёнкой, словно барбос свалывшейся шерстью. От него и воняло псиной. А ещё тошнее – загаженным сортиром. Снайпер не первые сутки лежал на позиции в полной неподвижности, поэтому нужду справлял прямо под себя. Сержант пытался добраться до его лица, но пальцы путались и застревали в маскхалате, расшитом какими-то сеточками и тесёмками, как в рыбацком бредне. Тогда Носков схватил немца за мизинец и отжал до упора, пока не услышал хруст рвущихся связок. Снайпер закричал от адской боли, однако хватку не ослабил. Наоборот, ещё крепче заклешил горло сержанта железной удавкой, помогая всей тяжестью своего могучего тела. Оба разом побагровели от напряжения. Носков, обеими руками сцепив фашисту запястья, из последних сил пытался сдерживать напор.

Сержант извивался как червяк под сапогом, но вывернуться изпод такой туши нечего было и думать. Он ногами молотил того по загривку, однако немец ударов, казалось, не чувствовал. Носков понимал, что если он освободит одну руку, тяжесть давления на горло мгновенно удвоится, и кадык может просто не выдержать, хрустнуть словно грецкий орех в дверном косяке. Но и дальше изображать из себя Поддубного было рискованно: весовые категории разные – немец намного сильнее и всё равно рано или поздно его переборет. Прав был комполка – не окреп ещё Носков, чтоб с такими боровами возиться, да и раны, чувствовал он, открывались одна за одной – швы трещали и кровоточили. Единственный шанс – молниеносно добраться

до голенища, где давно жжёт икру златоустовская сталь заветного чёрного ножа...

Немец завершал ещё громче, как бы помогая себе криком. С обеих сторон одновременно загремели частые выстрелы, словно деревенские собаки разноголосым лаем отозвались на ночной шум. Пули засвистели прямо над ними, и снайпер инстинктивно сжался, на мгновение расслабившись. И тогда Носков решился: отдёргнув руку от запястья, он без замаха ткнул выпрямленными пальцами прямо в глаз немцу, почувствовав, как в глазнице что-то лопнуло и маслянисто потекло по ладони. Снайпер по-волчьи взвыл, а Носков согнул ногу в колене и сумел дотянуться до голенища. Ладная рукоять дарёного ножа словно влилась в ладонь. Носков боялся, что нож может выскользнуть из липкой руки, поэтому ударил коротко, под ремень. Немец охнул и захрипел, невредимый его глаз едва не вылез из орбиты, но второй удар – прямо в сердце – затуманил взгляд матовым стеклом смертной тоски. Из рта фашиста выбулькнул кровавый пузырь, и тело мёртвого снайпера тяжёлым зельцем растеклось по Носкову...

Как ни торопился Носков выбраться из-под убитого, это ему сразу не удалось. Сержанта душили приступы кашля: казалось, немец – вот он, мертвее мёртвого, но фантомную хватку его рук на своём горле сержант всё ещё чувствовал остро и явственно...

Носков встал в рост и махнул Кешке шапкой, подавая сигнал. Парень не проспал – красная ракета, по-кошачьи фыркая и шипя, взмыла над равниной.

– Вперё-о-од! – одновременно с трелью офицерского свистка раздался зычный возглас командира, что через миг утонул в многоголосой лавине беспощадного «Ура-а-а!» поднявшихся в атаку бойцов.

Носков, шатаясь от усталости, брёл обратно. По нему не стреляли – фрицам не до него было. Грязный, помятый – будто коровье стадо по нему пробежало, в кровище с ног до головы – тут и своя, и с немца натекло, как с поросюка. Силы оставляли его, поэтому он по земле волочил за ремень трофей – винтовку с оптическим прицелом. На ребре её приклада он разглядел зарубки. Много зарубок...

Сам Носков своим жертвам счёт не вёл. За него синодики писали другие: когда к Герою представляли, сорок семь фрицев насчитали только за один бой. А сколько их было, боёв-то...

Носков вспомнил, как на плащдарме он гранатой уничтожил пулемётный расчёт вместе с десятком фашистов, засевших в тесном блиндаже. А спустя час из трофейного «МГ» сыпанул кинжальной очередью в самую гущу немецких солдат, что скапливались для контратаки, превратив их в гору трупов. А когда эта контратака всё-таки началась, и её дорогой ценой отбили, уничтожив всех до одного прорвавшихся в наши окопы гитлеровцев, то вокруг Носкова нашли ещё дюжину застреленных, заколотых, зарубленных сапёрной лопаткой и задушенных голыми руками врагов.

«Вот и пометил гада! – подумал Носков, пряча за голенище нож. – В аду будет помнить такие зарубки. Зададут ему там чертенята в самую патаку – будет знать, как людей почём зря губить и мучить, и других во грех вводить». Ведь убивать людей его – мирного очёрского

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

рабочего, в отличие от фашистского снайпера, никто и никогда не учил...

Носков медленно подходил к радостному Кешке, когда спятившие немцы неожиданно перенесли огонь на «нейтралку». «Вилка» минных разрывов неминуемо приближалась к молодому солдату, и сержант из последних сил подбежал к Кешке и закрыл его своим телом. Спину Носкова ожгло будто кипятком из банного ковшика, но он был так помят и истерзан, что не почувствовал пару каких-то жалких осколков.

А вот Кешке досталось: от контузии он тряс головой и что-то бессвязно выстанывал, прижимая руки к ушам.

– Я знал, что ты поднимешься, дядя Коля, – разобрал наконец его речь Носков, а Кешка, по-детски всхлипнув, впал в забытё.

– Спи уж, воин! – усмехнулся Носков и, кряхтя, взвалил бойца на свою израненную спину...

Из нашего блиндажа на выручку Носкову бросился сам комполка.

– Михалыч, родной, эх, как тебя опять попятнали-то! Ах ты, господи! Ко второй звёздочке представляю! Подумать только – будешь первым в дивизии дважды Героем! – Маковецкий распростёр объятия.

– Да не тискайте вы так меня, товарищ подполковник! Меня уже помикосил один сегодня – до сих пор нутро со всех дыр наружу лезет. – Носков снова натужно закашлялся. – Не меня – вот его награждай, Фёдор Ефремыч. Если б не Кешка, не засёк бы я снайпера...

– Зелен больно для Героя! Его слава ещё впереди – такой своё обязательно найдёт, – улыбнулся компока, глядя на раскинувшегося в забытё молодого бойца. – Начштаба, пиши реляцию на «отвагу». А как фамилия-то у пацана?

– Там не до знакомств было, товарищ подполковник. Смоктунович, кажись, или как-то так, – устало пожал плечами Носков, вздохнул, снял свою взопревшую от солдатского пота шапку и по-отцовски бережно нахлобучил её на стриженую голову спящего Кешки...

* * *

Спустя полвека эту затерявшуюся в коловерти событий медаль торжественно вручали после спектакля на мхатовской сцене импозантному мужчине с гордой осанкой и в пышном обличье Людовика Четырнадцатого. Народный артист Иннокентий Михайлович Смоктуновский в величии своем ничуть не уступал «Королю-Солнце». Случайно брошенное пророчество комполка сбылось: он нашёл свою славу, и слава его тоже нашла...

Никогда ещё не слышал Смоктуновский столь оглушительных аплодисментов публики. Держа в руках коробочку с медалью «За отвагу», великий актёр плакал, вспомнив суровую осень 1943 года, когда никому неизвестного солдатика Кешку Смоктуновича на себе вытащил с передовой известный на всю Красную армию герой Николай Михайлович Носков. И не закрыл бы своим телом – не было бы у нас ни Деточкина, ни Гамлета, ни Плюшкина...

Виктор РЫЧКОВ

АРЧИК. Рассказ

Давно я знаком с этой семьёй, живёт она в деревне в своём доме. В ней почти полноправным членом является и четвероногий друг по кличке Арчик. Собака сильная, умная, но для посторонних – страшно злая, дом стережёт. Не зря породой – немецкая овчарка. Она дружна с хозяевами и с их детьми – Серёжей и Мишей.

Кто-то скажет: эка невидаль, у многих есть домашние питомцы. Но в том-то и дело, что есть у Арчика одна особенность – уже много лет он просто обожает банные дни.

Начнёт, бывало, хозяин баню топить, а собака уже в радостных ожиданиях – прыгает, играет, бегаёт взад-вперёд, словно торопит его. Иногда и поленья в зубах ташит, мог бы – так и огонь в печи разжёт.

Баня истопится, угли догорят, немного выстоится она, чтобы угара не было. И всё это время Арчик поблизости бегаёт, его невозможно отогнать. Соберётся хозяин с детьми в баню, и собака тут как тут, впереди всех бежит. Только дверь откроют – первой запрыгивает, растянется возле порога, положит голову на лапы и смотрит, как люди моются.

А как начнут париться, Арчик прыгнет на полок, и всё время, пока мужики хлещут друг друга вениками, лежит там, смотрит на них, высунув язык. И жар его не берёт, словно свою меховую шубку за дверью оставил.

Зимой мужики после парилки, потные и красные, как варёные раки, с шумом выбегают в огород и в снегу барахтаются. Пар от них идёт, снег иголками всё тело колет, а им приятно и радостно. И со-

Виктор Васильевич РЫЧКОВ родился 16 февраля 1959 года в деревне Трошево Кудымкарского района Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области. Писатель, краевед, общественный деятель. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1981), работал преподавателем истории и обществоведения в школе № 9 г. Кудымкара. Окончил Уральский социально-политехнический институт (1991) в Свердловске (ныне – г. Екатеринбург), Российскую академию государственной службы при Президенте РФ в Москве (2002). С 1983 года на выборных должностях в молодёжной общественной организации, затем преподавал, работал в партийных и советских органах. В 1994 году принят на государственную службу и назначен начальником отдела, затем заместителем главы администрации Коми-Пермяцкого автономного округа. С декабря 1997-го по 2000 год – Полномочный представитель Президента РФ в Коми-Пермяцком автономном округе (КПАО). Заместитель главы администрации КПАО (2001–2008), возглавлял государственную приёмную Уполномоченного по правам человека в Пермском крае в г. Кудымкаре (2010–2012). Исполнял обязанности министра по делам Коми-Пермяцкого округа (2012–2020). Литературным творчеством начал заниматься в начале 1990-х годов, автор сказок для детей. Первые стихи на коми-пермяцком языке были опубликованы в окружной газете «Парма» (г. Кудымкар), литературно-художественных сборниках «Инва», «Искорка». Первая книга под названием «Оланлӧн шӧрт» («Нить жизни») была издана в 1997 году и включала поэтические произведения на коми-пермяцком языке. Первый сборник стихов вышел в свет в Коми-Пермяцком книжном издательстве (1997). Его стихи переведены на русский, коми-зырянский, удмуртский, марийский, эстонский, французский языки. Удостоен литературной имени Михаила Лихачёва в области прозы (премия Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа) за книгу «Рӧма вӧттэз» («Цветные сны») (2011).

бака вместе со всеми ныряет в снег, прыгает, играет, весело скулит. После холодных процедур все с шумом забегают в тепло.

И только хозяйке это не нравится, трудно ей смириться с тем, что собака вместе с людьми в жаркой бане сидит. Когда она сама идёт в баню, то громко и решительно командует:

– Арчик, стоять! Нельзя!

Но собаку не остановить, она ложится на лапы и на глазах у хозяйки ползет до банной двери. Время от времени оглядывается, словно просит: «Пусти меня ещё разочек, пусти в баню, потом помогу тебе во всём, что ни попросишь». И только дверь откроется, собака – сразу на полочку. Женщина злится, ругается, прогоняет её, но ничего у неё не получается. Арчик всё понимает, виновато кладёт голову на лапу, прикрывает один глаз, а другим хитро смотрит. Так и лежит до тех пор, пока хозяйка домой не соберётся. Тогда только вместе с нею выходит...

Давно уже не был в этой деревне, но знаю, что собака жива и так же каждую неделю ждёт баню.

ЗАЯЦ И КАПУСТА. Рассказ

Сколько живу на свете, но такого ещё не видел, и слышать о подобном не доводилось. Кому ни расскажу эту историю, никто не верит, все воспринимают её за выдуманную сказку. Иногда и себя ловлю на мысли, что мне это приснилось. Вот послушайте, как дело было.

Жила наша семья в небольшой деревне. Детей было много. Со временем все выросли да как птицы разлетелись в разные стороны. И хоть у каждого из нас сейчас свои семьи, но часто приезжаем туда, где родились да сил набирались, где наши родители похоронены.

Вот только в оставленном родном доме не чувствуешь ни человеческого тепла, ни радости, словно он обиделся на то, что без призора его оставили. У него даже окна смотрят как потухшие тёмные глаза. Поэтому теперь, бывая на малой родине, больше хлопочем в огороде, где значительно веселей – он у нас на пригорке и солнечной стороне. Здесь с весны до осени работаем, а работая – и душой отдыхаем. Работы, как всегда, невпроворот. Весной высаживаем, как и многие, морковь, редьку, лук, капусту и другие овощи. Затем пропалываем, поливаем, окучиваем да убираем. И так из года в год.

В прошлом году с нами произошла история, которую можно только в кино увидеть либо в анекдоте услышать. Вспомнишь о ней – обхохочешься.

Было это в июне. Огородные посадочные работы подходили к концу, осталось с капустой управиться. Женщины высадили рассаду, и мы в город вернулись.

Прошла неделя. Приехали снова в деревню, и первым делом в огород – нужно посмотреть, как капуста прижилась. А перед нами неожиданная картина: на капустной грядке сидит длинноухий серый заяц и доедает мягонькие листья капустной рассады. Никто не ожидал такой наглости, кто-то присвистнул, кто-то с криком бросился

на него. Да только хвост у зайца короткий, а ноги длинные – убежал и следа не оставил.

Делать нечего, пришлось капусту заново высадить. А для непрошеного лесного гостя капкан поставили и верёвкой его к столбу привязали.

Через несколько дней вновь вернулись в деревню. И снова в огород – интересно же, кто в капкан попался. А заяц и в этот раз капусту съел и сидит довольный. Словно хозяев дожидается, чтобы отблагодарить их за вкусный обед. Заметил людей, да только его и видели, выскочил и в лес убежал.

До слёз и рези в животе смеялись над увиденным и взрослые, и дети, а больше всего над братом, который считался неплохим охотником. Где ещё такое увидишь, чтобы заяц у охотника в огороде сидел? Капусту в очередной раз пришлось пересаживать – не оставаться же без неё на зиму. В этот раз думали-думали и решили: капкан снова поставить. Но чтобы наверняка избежать очередного урона хозяйству и своей репутации, брат-охотник решил вредного зайца из ружья застрелить.

В течение трёх ночей он сидел в засаде да клевал носом, всё высматривал лесного гостя. Да только заяц так и не появился: то ли капустой сыт был, то ли охотника чуял и просто смеялся над ним. Так родственник и вернулся в город ни с чем.

В третий раз в деревню приехали на двух машинах, взяли всех, кто знал об этой истории. Очень уж хотелось увидеть её продолжение: где наш заяц и какой сюрприз на этот раз приготовил? Чтобы серого раньше времени не спугнуть, машины оставили на дальней дороге и тихонько направились к дому пешком. Вместе со всеми шагал и охотник с зачехлённым ружьем.

В этот раз старый знакомый выскочил нам прямо под ноги из-за старой бани. Ещё чуть-чуть, и он, наверное, сбил бы кого-то с ног. Сердце у всех ушло в пятки от неожиданной встречи. Снова крики да охи-ахи, но только, видно, заяц пуше испугался. Развернулся и стрелой помчался по улице прямо в деревню, только его и видели. Охотник наш не успел даже ружье своё снять.

А нам ничего не оставалось, кроме как посадить капусту ещё раз. Сколько бы ни ездили после этого в деревню, зайца больше ни разу не видели. Может, случился у него после последней встречи разрыв сердца. Может, собаки поймали его да съели, а может, нашёл он себе в чьём-то огороде более тихое место и провёл там остаток лета. Но в нашей памяти встречи с ним навсегда остались яркими воспоминаниями, вызывающими добрую улыбку. Где теперь наш гость – даже и не знаем.

А вы случайно его не видели?

Часть 2

Николай БАШМАКОВ

ДУЭЛЬ ТАНКИСТА С КАВАЛЕРИСТОМ. Глава из книги «Не дай погаснуть свече»

*...Бой идёт святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.
«Василий Тёркин», А. Твардовский*

В наше время многие умники и умницы задним числом расписывают во всех красках поражение Красной армии в сорок первом, возлагая ответственность на те или иные исторические персоналии и поясняя миру, как надо было поступать и действовать в той ситуации. Силён задним умом, как видно, не только мужик. На самом деле выдумывать здесь ничего не надо. Если тебе в тёмной подворотне внезапно врезали кулаком, то для ответного удара потребуется как минимум прийти в себя, по-русски говоря – очухаться. Только тогда, собрав силёнки, ты можешь нанести ответный удар, а потом уже, мобилизовав силы, драться до победного.

Подобное и произошло в сорок первом. После нокаутирующего удара Страна Советов все первые месяцы войны прилагала усилия для того, чтобы устоять на ногах и не упасть. Очухалась, когда немцы уже дошли до Москвы. Именно здесь Красная армия нанесла по захватчику первый увесистый удар и показала всему миру, что страна не повалилась, не встала на колени подобно прочим странам «просвещённой» Европы, а способна драться до полной победы.

В самую кульминацию оборонительного сражения под столицей на станции близ города Новый Оскол 2-й кавалерийский корпус погрузили в эшелоны и по железной дороге перебросили под Москву. Сюда собрал свои лучшие силы Гитлер, сюда же собирала резервы и наиболее мобильные части Ставка во главе со Сталиным. Здесь решалась судьба Советского Союза: устоит или не устоит?

Разгрузались кавалеристы на станции Михнево под Серпуховом. Сосредоточились в Волоколамске, где поступили в распоряжение 49-й армии Западного фронта. Здесь же разгружалась прибывшая с Дальнего Востока 112-я танковая дивизия полковника Гетмана. Корпус с танковой дивизией были объединены в оперативную группу под командованием Белова.

В Волоколамске всех бойцов и командиров корпуса подстригли и повели в баню. Всю одежду и обувь, которая за пять месяцев

Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972) и Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер, полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор пяти книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017).

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

боёв изрядно поизносились, сожгли. Выдали новое, с иголки, обмундирование по зимней форме одежды. Особенно все радовались новеньким полушубкам и шапкам-ушанкам. Слишком холодным показался московский ноябрь после Украины. Единственное, что казаки не сдали, – кубанки. Припрятали до лучших времён. На отдых и доукомплектование дали три дня.

Простому бойцу, слабо знающему географию, в глаза не видевшему карту и не разбиравшемуся в приказах начальства, непрерывные бои и постоянно совершаемые марши могли показаться сплошным отступлением и даже бегством от западной границы до столицы страны. Однако у Михаила имелась крупномасштабная карта Украины, по которой он отслеживал боевой путь своего полка. Немного разбирался он и в общей обстановке. Понял, что с южного направления их корпус перебросили под Москву не от хорошей жизни. Именно здесь назревало генеральное сражение, и условия, в которых надо было вступать в бой, под Москвой были гораздо хуже. В первый же день при разгрузке эшелона они попали под сильную бомбёжку, после которой работы у медиков хватило на всю ночь.

У командиров всех степеней расслабиться и передохнуть во время, отведённое для отдыха, не получилось совсем. Необходимо было встречать, осматривать и ставить в строй прибывшее пополнение. На пополнение корпуса маршевыми эскадронами из Сибири и с Урала прибыло почти четыре тысячи человек. С лошадьми, но без седельного снаряжения. Некоторые из новобранцев в седле вообще не умели держаться. Азиатские низкорослые кони оптимизма тоже не добавляли. Старые, опытные казаки ворчали, но делать было нечего – что есть, то есть. Впервые придётся идти в бой с неподготовленными кавалеристами.

В первый день отдыха, с утра пораньше, Михаил со своей неизменной медицинской сумкой направился в эскадроны осматривать новобранцев. Прибывшее пополнение было легко отличить от старых вояк. В отличие от получивших полушубки кавалеристов, те были одеты в солдатские шинели. Впрочем, мороз их не шокировал. Ноябрь в Подмоскovie казался холодным только европейцам да южанам. Для уральцев и сибиряков это был обычный, вполне себе заурядный морозец. Подходя к расположению 1-го эскадрона, Михаил услышал, как пожилой усатый сержант распекает молодого парня:

– Ты пошто, паря, седло задом наперёд надевашь? В кавалерию попал, а, поди, и верхом-то ездить не умешь?

Молодой оправдывался:

– Дык я в седле и не ездил никогда! Мы в ночное лошадей без сёдел гоняли!

«Да... казачки такому пополнению не сильно обрадуются», – усмехнулся Михаил. Сам же, услышав знакомую уральскую речь, приободрился. Уральское произношение, от которого его пытались отучить в школе и в медицинском училище, заставляя разговаривать на «городском» языке, а точнее, на литературном русском, вызвало в душе бурю чувств. От него повеяло домом. Так разговаривали коренные жители в Красной Слободе и в окружавших её деревнях: Мельниковой, Голяковой, Зуевой, Замотаевой, Ермаковой, Мизинке... Он давно приспособился к сленгу донских и ставропольских казаков, без труда понимал язык украинцев, но, услышав с детства

родной говор, обрадовался как ребёнок: воевать отныне будет с земляками!

– Здорово, земляки! – весело поздоровался он. – Откуда будете?

Сержант изучающе, с лёгким прищуром посмотрел на Михаила: дескать, может, ты и хороший человек, но неизвестно, что от тебя ждать, – и коротко бросил:

– С Урала мы!

– По говору понял, что с Урала. Откуда конкретно?

У сержанта допрос незнакомца вызвал подозрение, он ответил уклончиво и сам задал вопрос:

– Из разных мест. Есть пермяки, свердловчане, с оренбургской области... А ты кто, мил человек, будешь?

Михаил улыбнулся и успокоил бдительного сержанта:

– Да не пугайтесь вы: я из Свердловской области. Сержант медицинской службы Алексеев, фельдшер полка, в котором вы будете служить. Пришёл проводить осмотр. Больные или с жалобами на здоровье есть?

После этих слов сержант заговорил с Михаилом совсем иным тоном, как с вышестоящим командиром:

– Сержант Фролов, – представился он. – Есть больной, товарищ сержант медицинской службы. Фёдор-вотяк, третий день хиридат, замучил своим кашлем! Видно, простыл, пока ехали в теплушке, а к врачу идти не хочет, уросит!

– Да не уросит он, – встрял молодой новобранец, – он врачей как огня боится! Толмит одно и то же: иглами, говорит, колоть будет. Мужики над ним изгаляются, а он ни в какую...

– Ну, раз на фронт попал, врачей должен перестать бояться. Здесь без нашего брата много не навоюешь. Где он, этот Фёдор?

– Я покажу, товарищ сержант. Меня Кирюхой кличут, фамилия Ермаков. Я с Елани, а вы с какого района будете?

– Со Слободо-Туринского. Учился в Ирбите, в Елани у вас бывал неоднократно.

– Так это ж совсем рядом! Мы с вами земляки! – обрадовался парень. – Вот хорошо-то, а то моих всех в другой полк отправили, а здесь одни пермяки!

– Ладно, Кирилл, показывай, где ваш больной, по дороге поговорим.

Паренёк повернулся к Фролову:

– Разрешите, товарищ сержант?

Сержант Фролов, слушавший их диалог, махнул рукой и строго, чтобы молодой не забывал, кто для него начальник, предупредил:

– Проводи доктора, и назад. Будем учить тебя в седле держаться! Через три дня в бой, а ты седло надевать не умешь!..

...Павел Белов сидел в штабе корпуса, который размещался в уцелевшем здании сельской начальной школы, размышлял и обдумывал, как лучше обратиться к командующему армией. Выдалась та самая минутка отдыха, когда можно было после ожесточённых боёв перевести дух, оценить произошедшее и наметить ближайшие действия. Контрнаступление его группы не удалось, но встречный удар немцев они выдержали и оборону с большим трудом стабилизировали.

Наступление с самого начала пошло не по плану. 14 ноября группа Белова должна была нанести контрудар в районе Малеево

против ударной группы 4-й полевой армии немцев, изготовившейся для нанесения решающего удара на Москву. Наступательную операцию спланировали и другие соединения 49-й армии, которая обороняла этот участок фронта. Но группа войск противника, сосредоточившаяся для наступления на Серпухов, начала наступление чуть раньше. В результате произошло несколько встречных столкновений, и наступление против сильного противника сразу же забуксовало. В течение пяти дней кавалерийский корпус и танковая дивизия, на вооружении которой в основном были танки старого образца, вели встречные бои. Продвинуться вперёд не удалось, но дрались не напрасно: наступление на Москву армии фон Клюге сорвали. Им удалось полностью нейтрализовать малую клешню немцев, нацеленную на Кунцево. Кавалеристы с танкистами выстояли, несмотря на то что в кавалерии треть личного состава были новобранцы, а танкисты-сибиряки вообще участвовали в боях впервые. Потери были большими, но Белова радовало одно: необстрелянное пополнение держалось в боях на удивление стойко. Уральцы и сибиряки не имели боевого опыта, но оказались азартными и сметливыми, действовали в бою энергично и смело, и это по-настоящему изумило Павла. Нет, не напрасно говорят, что они особой породы. Сибирь и Урал – территории с суровым климатом, а это своеобразная плавильная печь. Переселенцы из России смешивались с местными народами, и с годами там выплавился тип людей, которых и стали называть «сибиряками» и «уральцами». Сплав получился что надо! Воюют без году неделю, а головорезам Клюге изрядно накостыляли!

И всё же общая обстановка складывается неблагоприятно. Южная клешня – танковый кулак Гудериана – очень сильна. Тем, кто держит оборону под Венёвом, приходится нелегко. Этот любимчик Гитлера способен на многое. Достаточно вспомнить его операцию по захвату Киева.

Павел погрузился в более ранние воспоминания. Командующего Второй танковой армией Гудериана он знал лично. Встречались в начале тридцатых годов на полигоне под Казанью. В то время отношение к Германии было другое. Возможно, неудачная революция в Германии этому способствовала, и рабоче-крестьянская власть Страны Советов всё ещё сочувствовала немецким рабочим и крестьянам. А может, у троцкистского руководства во главе с Тухачевским были насчёт Германии какие-то свои планы. Так или иначе, а опытные красные командиры и теоретики взялись обучать будущих генералов фашистского режима. Вместе с другими осваивал на полигоне новые советские танки и ветеран Первой мировой Гейнц Гудериан. Встречались они мимолётно, всего несколько раз, но Белову хватило времени, чтобы составить о Гудериане своё представление. Гейнц оказался ему излишне надменным, чопорным и лицемерным, человеком с двойным, а то и с тройным дном.

Зачем понадобилось приглашать немцев, даже теперь, по прошествии времени, Павел понять не мог. Может, думали: посмотрят на мощь Красной армии и воевать против Страны Советов не захотят? А может, и в самом деле высшие армейские чины ротали на немцев? Во всяком случае, немецкие офицеры в Советском Союзе не просто учились. Они выявляли сильные и слабые места наших танков и

другого вооружения, чтобы затем немецкие конструкторы создали свои, более совершенные образцы.

Изучали они и нашу тактику и стратегию. Среди прочих уловили главную стратегическую идею советских полководцев: заменить ударные конные армии прорыва стальным кулаком – танковыми армиями. Идея хорошая, но её практическое применение в Красной армии шло ни шатко ни валко. Этому была масса причин. Сначала открыто вредили троцкисты, потом не меньший урон нанесли армии репрессии. Руководители НКВД получили огромные полномочия, но слабо знали истинное положение дел в армии, и «за связи с троцкистами» сгребли как под гребёнку многих военных теоретиков и генералов, в том числе – невиновных. Помешал и опыт использования танков в Испании, где танки успешно применялись лишь в качестве поддержки пехоты. Да что сейчас руками махать, опоздали! Пока воевали с врагами внутри страны, немцы создали танковые армии прорыва и неоднократно опробовали их в Европе.

От воспоминаний и размышлений Павла оторвал связист:

– Товарищ генерал, командарм на проводе!

«Сам позвонил, не надо придумывать повод», – Белов направился к телефону:

– Слушаю, товарищ командующий!

– Как обстановка, Белов?

– Пока всё спокойно, товарищ командующий. Немцы перешли к обороне, подтягивают резервы, – и, не давая командарму времени на раздумья, перешёл к главному. – Самое время сейчас отойти за Нарву, под её прикрытием организовать оборону и привести в порядок части и соединения корпуса и танковой дивизии. Потери у меня большие!..

– Не бери сразу быка за рога, Белов. На южном крыле критическая ситуация. Гудериан охватил с двух сторон Венёвскую группировку и за сутки её разгромил... Путь на Рязань открыт. Немецкие танки прут на Каширу. Если с ходу захватят существующие мосты через Оку, то им останется до окраины столицы сотня километров! Войск прикрытия там нет! Так что вместо отдыха готовься к маршу. Жди!.. Тебе позвонят из штаба фронта!

Павел Белов никогда не злоупотреблял матом, но сейчас грубо выругался. Свершилось то, чего он подспудно ожидал. Гудериан прорвал оборону. И теперь сильно потрепанный в боях кавалерийский корпус вместо отдыха должен выступить в роли спасительной соломинки, чтобы «заткнуть дыру» на Каширу. Задача практически невыполнимая, если учесть, что у немцев на этом направлении собрано свыше шестисот танков.

Слова командарма полностью подтвердились. Вечером 24 ноября Белов получил приказ, который отдал ему по телефону лично Жуков. С Жуковым он был знаком давно, знал его крутой нрав и понимал: никаких поблажек от него ожидать не стоит. Так и случилось. Все доводы Белова командующий фронтом оставил без внимания. В ответ на жалобы и просьбы громко кричал в трубку, еле сдерживая раздражение:

– Всё правильно, Паша, да... конечно, понимаю: невыполнимо... большое расстояние... лошади не перекованы по-зимнему... гололедица! Понимаю я всё, пойми и ты, чёрт возьми: танки 2-й армии

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

рвутся к дыре на Москву, а закрыть её кроме тебя никому! Пусть твои орлы берут любой транспорт, и все – на Каширу! Нужно обязательно опередить немцев, обязательно! Посылаем в поддержку остатки танковой дивизии Гетмана. Сам двигай в Мордвес к командарму пятидесятой Балдину, уточни обстановку и план взаимодействия. Наделяем тебя особыми правами, бери под себя всех, кого сочтёшь нужным. Ты персонально отвечаешь перед Верховным за удержание Каширы. Понял? Задержи Гудериана на три дня, Павел! Задержи! Сделай! Желаю!.. Давай!.. До связи!

Не выполнить такой приказ означало подписать себе приговор. Белов вызвал начальника штаба, заместителей и начал действовать. 2-й кавалерийский корпус совершил марш протяжённостью сто пятьдесят километров на неподкованных лошадях по обледенелой дороге за сутки с небольшим. 26 ноября передовые части корпуса частично сосредоточились за Окой, в деревне Суково, и в Кашире. Три полка 9-й кавалерийской дивизии всё ещё были на марше. К этому же времени подошёл и сводный танковый батальон. Это было всё, что смогла наскрести танковая дивизия Гетмана, потерявшая в сражении под Серпуховом большую часть танков.

Кашира была объята огнём: немецкая авиация бомбила её непрерывно. Войска 2-й танковой армии немцев перед решающим броском отдыхали вместе со своим хитрым, расчётливым и хладнокровным командующим. Они ждали от противника слабо организованной обороны, намереваясь на следующий день совершить бросок до Оки, с ходу форсировать её, а там уже идти до окраин Москвы, не встречая сопротивления.

Во время совершения марша Белов мучительно размышлял, пытаясь найти оптимальное решение для выполнения задачи: «У меня два противоположных варианта: занять глухую оборону либо контратаковать. На первый взгляд оборона предпочтительней. Корпус понёс большие потери, усиление танками слабое. Но даже в обороне сил для того, чтобы непосредственно биться с ударными танковыми частями немцев, не хватит. К тому же у меня нет под рукой частей для создания второй линии обороны. Так что если противник прорвёт первую и единственную линию, то путь на Москву ему будет открыт. Но задачу выполнить надо! Как? Наступление пунктуальный Гудериан не начнёт, пока утром не прощупает нашу оборону. Этим и надо воспользоваться. Нужно сделать всё, чтобы он это наступление и не начал!»

В результате раздумий Павел склонился к принятию абсолютно парадоксального и нелогичного с точки зрения военного искусства решения: с раннего утра атаковать противника кавалерией и остатками приданных частей и подразделений по всей протяжённости растянувшихся коммуникаций 2-й танковой армии Гудериана. Вечером в деревне Суково за Окой Белов провёл судьбоносное совещание с командным составом корпуса. Подчинённые командиры сидели перед ним уставшие, измотанные тяжёлыми боями и внезапным маршем в тяжелейших условиях. Белов верил в них как в самого себя. Не раз проверенные в боях, они способны выполнить любую задачу. Им бы отдохнуть чуток да покончить с неопределённостью и сомнениями, которые их мучили. Они ждали от своего командира конкретного решения. Павел же хотел, чтобы они поняли, хорошо почувствовали

и полностью приняли его решение, в какой-то степени авантюрное, но в данной обстановке единственно верное...

Перед тем как озвучить решение, Белов предложил выслушать начальника разведки и начальника штаба корпуса. Те уже подробно доложили ему обстановку, он знал всё, что они скажут, но хотел, чтобы командиры соединений и частей услышали сведения из первых уст.

Начальник разведки корпуса подполковник Нефёдов свою должность занимал не зря. За сутки с небольшим он сумел собрать разведанные, для сбора которых пехотному командиру понадобилась бы неделя:

– Товарищ генерал, высланные в тыл противника группы конной разведки докладывают, что передовые части немцев сильно оторвались от тылов и второго эшелона. Группа Гудериана растянулась от Тулы до Каширы. Многие немецкие части связаны боями с отступающими частями и подразделениями Красной армии. Сплошной обороны в тылу немцев нет: из-за холода ночью они сидят в населённых пунктах. Думаю, что самое время пройтись по тылам немцев и нарушить снабжение их ударных частей!..

Белов задал Нефёдову только один уточняющий вопрос:

– Оборону передовых частей прощупали?

– Так точно! Ударные части немцев отдыхают в населённых пунктах. Сплошной обороны перед фронтом нет! Она имитируется отдельными подразделениями охранения. Враг уверен, что перед ним никаких наших частей нет. Мы можем застать его врасплох. Момент для того, чтобы контратаковать, очень удобный...

У начальника штаба полковника Ильинского было иное мнение. Он отстаивал жёсткую оборону:

– Три кавалерийских полка Девятой кавалерийской дивизии задержались при передаче участка обороны и всё ещё находятся на марше. В лучшем случае подойдут утром, когда немцы уже начнут атаку. Приданных частей маловато: танковый батальон и три дивизиона «Катюш». Верховный Главнокомандующий лично выделил для корпуса две тысячи автоматов, дивизион пушек ЗИС, которые хорошо бьют немецкие танки. Но для наступления этих сил мало. Считаю, что надо перейти к жёсткой обороне по берегу Оки. Уверен, прикрывшись рекой, мы сможем выполнить задачу и задержать немцев на три дня...

Поддержал начальника штаба и полковник Кручинин, командовавший сводным танковым батальоном:

– Я, товарищ генерал, тоже считаю, что от моих танков больше пользы будет в обороне. В контрнаступлении немцы, имеющие явное превосходство, сожгут мои танки в первом же встречном бою.

Дав высказать подчинённым своё мнение, Белов не стал затягивать совещание и изложил свою задумку:

– Нам поставлена задача задержать войска Гудериана на три дня, пока не придут и не развернутся за Окой и перед Рязанью свежие дивизии резерва. Но только обороной мы не сможем остановить немцев. Поэтому мы не будем пассивно обороняться, а нанесём Гудериану контрудар!

Полковой комиссар Щелаковский, в голосе которого слышались явная обеспокоенность и тревога, неуверенно возразил:

– А не погубим ли мы корпус, товарищ генерал? У Гудериана ещё много танков. Может, всё же лучше уцепиться в обороне?

Белов предвидел сомнения, которые сам уже преодолел. Ответил твёрдо:

– В нашем положении гораздо лучше ударить полусонного, ослабившего зверя под дых, чем сидеть и ждать, пока он выспится и сам нанесёт нам смертельный удар. Если пойдём на главные силы в лоб, то, несомненно, понесём большие потери и будем биты. Мы будем действовать иначе. Мы должны воспользоваться сложившейся обстановкой, прорвать линию обороны его подразделений прикрытия и, не ввязываясь в затяжные бои с главными силами, ударить по тылам армии. И пусть они нас по гололёду догоняют! Этим мы дезорганизуем всю группировку немцев, посеём панику, отрежем их ударные части от второго эшелона и тылов, а без снабжения немцы не воюют. Они панически боятся окружения, и без горючего, боеприпасов и продовольствия последний бросок на Москву не начнут! Кроме того, установившиеся холода нам тоже на руку. Техника плохо заводится, и, чтобы мороз сыграл в нашу пользу, утром мы должны опередить противника и начать наступление раньше, чем они её заведут и подготавливаются к бою. Внезапность и мороз нам помогут! Мороз сегодня воюет не на стороне моторов, а на стороне конницы!

Энергичная речь командира воодушевила офицеров. В их глазах загорелся азартный огонёк. Пройтись по тылам рейдом – это не в обороне в лютый холод сидеть! Согласились с решением командира и начальник штаба с комиссаром. Командир, авторитет которого в корпусе был непререкаем, сумел переубедить их. Ильинский лишь задал уточняющий вопрос:

– Как быть с частями, которые ещё не подошли и находятся на марше?

У Белова готов был ответ и на этот вопрос:

– Их перенацелить. Они прямо с марша должны развернуться на юг и ударить по тылам армии Гудериана. В затяжные бои не ввязываться, главная задача: перерезать и нарушить коммуникации врага, уничтожать горючее и боеприпасы, создать у него иллюзию полного окружения и сеять побольше паники!.. Сейчас уточним детали, после чего штабу подготовить приказы дивизиям и частям, а я пока доложу своё решение командующему фронтом.

Жуков с планом операции согласился, но ещё раз напомнил об особой ответственности Белова перед Ставкой и страной.

Утро 27 ноября выдалось морозное. Температура была рекорды, к тому же дул холодный, пронизывающий ветер. Ещё затемно кавалеристам был объявлен приказ Верховного Главнокомандующего: «За проявленную отвагу в боях с немецкими захватчиками, за стойкость и героизм личного состава 2-й кавалерийский корпус преобразован в 1-й гвардейский кавалерийский корпус». В решающий бой конники пошли в звании гвардейцев.

Стальной кулак «быстроногого Гейнца», ударив по Венёву и не встречая серьёзного сопротивления, пролетевший почти до Оки, ослабился. Мирно отдохавших немцев, рассчитывающих следующую ночь уже спать в предместьях Москвы, разбудили залпы артиллерии и трёх дивизионов «Катюш». Артподготовка ещё не стихла, а конные и пешие гвардейцы, подержанные танками, ринулись в атаку по всему фронту. Внезапный артиллерийский удар, а особенно жуткий гул и вид реактивных снарядов, к которым закалённые в боях гитлеровцы

никак не могли привыкнуть, посеял у противника панику. Передовые части побросали не заведённую на морозе технику и начали отступать. Немецкому командованию посыпались донесения, что части атакованы внезапно появившимися сибирскими дивизиями, которые явно просмотрела немецкая разведка и которым нет числа.

Белов, уже хорошо изучивший немцев, передышки противнику и времени на сбор разведывательных данных о «новых сибирских дивизиях» не давал. Кавалерийские полки обходили немецкие гарнизоны по складкам местности и наносили удары по противнику с тыла, этим только усиливая панику и бегство немцев. Особенно удручающе действовал на немцев огонь артиллерийских батарей на конной тяге, который те внезапно открывали с тыла. Это уже походило на прорыв крупной воинской части русских. Попытки контратаковать в условиях мороза и гололедицы у немцев совсем не получались. За кавалерией они попросту не успевали...

В первый же день враг был отброшен на пять-десять километров. Передовые ударные части немцев вынуждены были перейти к обороне, о наступлении на Москву в такой обстановке не могло быть и речи. Успешно развернул Белов и те кавалерийские полки, которые не успели к сроку подойти к Кашире. Прямо с марша они ударили по глубоким тылам 2-й танковой армии (каждый полк по своему направлению), парализуя снабжение и материальное обеспечение боевых частей и ещё больше усиливая у противника панику.

Между тем со стороны Рязани начали подходить свежие части резервной армии, которые с ходу вступали в бой с передовыми частями армии Гудериана. И предположения Белова начали сбываться. Деятельность его конницы в тылу 2-й танковой армии привела к тому, что немцы, побросав технику и вооружение, начали в панике отступать. Несмотря на строжайший приказ Гудериана, гитлеровцы бросали танки, оставшиеся без горючего и боеприпасов, технику, артиллерию, снаряжение и имущество. В частях немцев царила растерянность, подразделения выходили из подчинения. Все дороги были усеяны трупами убитых и замёрзших немецких солдат и офицеров.

...Полк, в котором воевал Михаил, ещё с вечера был остановлен на марше в небольшом лесу. До утра командир дал бойцам отдохнуть. Кавалеристы, выдержавшие тяжелейшие бои под Серпуховом, надеялись, что их отводят в тыл для отдыха и пополнения сильно поредевших подразделений. Вместо этого утром им зачитали два приказа. Согласно первому, их 72-й кавалерийский полк получил звание гвардейского и был переименован в 4-й гвардейский кавалерийский полк 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Другой приказ гласил, что полк разворачивается на юг для совершения рейда по тылам 2-й танковой армии противника.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – невесело вздыхали бойцы. Вместо отдыха и пополнения – снова марш, полная неизвестность, стычки и бои в тылу врага... Но настроение поднял политрук, который вслед за командиром напутствовал кавалеристов:

– Когда-то в этих местах русская конница громила обозы Наполеона! А чем мы хуже наших предков?! У нас есть перед врагом преимущество в манёвре! И русский Морозко сегодня на нашей стороне!

...Михаил ехал в своей повозке, которую нещадно трясло по застывшей земле, лишь слегка припорошённой снегом, и не мог до-

ждаться привала. Левое заднее колесо держалось на честном слове, буквально на волоске от поломки, а Семён всё гнал Звёздочку и Ласточку, чтобы, не дай бог, не отстать от тачанок, в колонне которых они совершали марш. Уже третью деревянную проскочил полк без боя, всё глубже вдаваясь в территорию, захваченную немцами. Довольно долго они шли по дороге, петлявшей по лесу, наконец выскочили из лесного массива, и сразу же впереди затрещали выстрелы. Эскадроны завязали бой возле деревни, в которой, по данным разведки, остановились бензовозы с горючим. Михаил хлопнул Семёна по плечу:

– Стой! Давай посмотрим колесо, иначе останемся без повозки!

Свернули в сторону и остановились прямо у опушки леса. Тачанки улетели к деревне. Следом загрохотали тыловые повозки. Возле них остановился сержант Окунев:

– Что у вас случилось?

Михаил кивнул на колесо:

– Помогай! Колесо совсем развалилось. Попробуй остановить тыловиков, у них есть запас, только выпросить непросто!

Окунев моментально понял задачу и побежал к дороге. Немного погодя вернулся с колесом:

– Не хотел старшина отдавать, но я ему пригрозил, что если ранят, прямо в поле его в тылу у немцев оставлю!

– Зачем же такие страсти?

– Да чтоб медиков уважал. Скупой он у них, как Кошей Бесмертный! Снега зимой не выпросишь...

Пока меняли колесо, колонна тыловиков ушла к деревне. Окунев взялся им помогать: втроем справились быстро. Выстрелы со стороны деревни начали стихать. Только собрались ехать, как вдруг Семён, уже забравшийся на облучок, негромко крикнул:

– Немцы!

– Где?! – закрутил головой Окунев.

– Вон через поле бегут к лесу! Прямо на нас выйдут!

– Придётся воевать, – будничным тоном сказал Михаил, достал трофейный пулемёт и скомандовал ездовому: – Сеня, отведи лошадок в лес, чтоб не зацепило, а мы с сержантом «гансиков» встретим!

Семён увёл лошадей, а Михаил с сержантом залегли на опушке. Немцы числом до трёх десятков человек и впрямь бежали на них. Видимо, стремились не просто к лесу, а намеревались выйти к дороге, которая вела через лес. Когда они приблизились, Михаил дал по ним длинную очередь. Рядом бұхал из карабина Окунев.

Немцы залегли и начали палить в ответ. Над головой засвистели пули. Михаил перестал стрелять и вжался в землю. Завоеватели воспользовались паузой, вскочили и снова побежали к лесу, но уже не на них, а вправо. Несколько тёмных фигур остались неподвижно лежать на снегу. «Попал, значит!» – обрадовался Михаил. Он дал вдогонку по бегущим три короткие очереди и свалил ещё несколько человек. Остальные скрылись в лесу. Только тут заметил, что Окунев не стреляет, сержант был ранен в плечо. Ранение не очень тяжёлое, но требовалась срочная перевязка. Пока раненого перевязывали, со стороны деревни подскочил Григорий Люшня, с ним – несколько человек из его эскадрона:

– Мишка, мы тебя потеряли! Что у вас тут за стрельба была?

Михаил показал на лежащие на снегу фигурки:

– Вон, Гриша, пока мы колесо меняли, завоеватели к нам пожаловали. Так от вас удирали, что прямо на пулемёт попёрли... Эти осталы, а десятка два в лес ушли.

Григорий махнул рукой:

– А... преследовать сейчас их нет смысла: стемнеет скоро. Но далеко они по такому морозу не уйдут. Утром найдём.

Немцы дрались в деревне остервенело. В плен сдались только раненые. Когда деревню освободили, стало понятно: «воевать до победного» их заставил страх. В центре деревни стояли три виселицы. Немцы повесили старика и двух пацанов. Надпись на груди старика гласила «За нарушение германского порядка».

Работы у Михаила в этот вечер было много. Два человека были убиты и одиннадцать ранены. К счастью, ранения были пулевыми и не очень тяжёлыми. В эту ночь бойцы впервые за последние дни спали в тёплых домах. Михаилу под медпункт был выделен отдельный дом.

Утром ребята из четвёртого эскадрона привезли в медпункт двух окоченевших от холода немцев – унтер-офицера и рядового. Старший группы сержант Усольцев пояснил:

– Нашли мы твоих беглецов в лесу, Алексеев! Замёрзли ночью все, кроме двоих. Зрелище жуткое!.. Кто где сел, на том месте и окочурился. Не пощадил их наш Морозко: мундирчики-то на них летние... Командир полка приказал привести фрицев в чувство. Он сейчас подъедет и лично их допросит.

Пришлось Михаилу заниматься завоевателями. Обмороженные, еле живые, с потухшими глазами, доведённые до состояния полной обречённости, когда человек уже примирился с неизбежностью смерти, они представляли не жуткое, а жалкое зрелище. Сердце Михаила было ожесточено к врагам. Он осматривал накануне снятых с виселицы старика и мальчишек. Сам расстрелял из пулемёта около десятка фашистов, но при виде этих обмороженных вояк его сердце кольнула жалость. В глазах этих солдат не было никакого намёка на людей «высшей расы», только животный страх. Он дал немцам глотнуть спирта, растёр обмороженные участки тела, и «гансики» немного ожили.

Прибыл командир полка, недавно получивший звание полковника, с особистом и политруком. Михаил с новенькой медалью на груди, которую ему вручили ещё во время боёв под Харьковом, принял ся было рапортовать, но Баумштейн остановил его:

– Мы, Алексеев, к твоим подопечным. Надо допросить их. Они в состоянии разговаривать?

– Так точно, товарищ полковник, немного отогрелись вояки, губами шевелить могут, а вот насчёт мозгов не уверен...

– Ничего, сейчас мы им и мозги расшевелим!..

Баумштейн, не пользуясь услугами переводчика, начал допрос унтер-офицера. Сам спрашивал и переводил, особист лишь что-то помечал в своём блокноте и изредка тоже подбрасывал вопросы. После того как было выяснено всё, что касалось принадлежности и задания, которое выполняло подразделение, политрук спросил о том, что в деревне произошло накануне. Баумштейн задал вопрос и перевёл ответ немца:

– Говорит, что их рота подвоза горючего должна была везти топливо для танков, но задержалась и под вечер была атакована

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

русскими сибиряками. Сибиряки перебили всех, и только ему с группой в тридцать человек удалось бежать. Возле леса русские обстреляли их из пулемётов. (Михаил при этих словах усмехнулся). До леса добежали двадцать два человека. Но к своим выйти они не сумели. Ночью заблудились в лесу, и к утру все, кроме них, замёрзли. Их подобрал конный разъезд.

Политрук, внимательно слушавший перевод, недоумённо спросил:

– Почему он считает нас сибиряками?

Баумштейн задал вопрос и, выслушав ответ, улыбаясь пояснил:

– Они всех, кто одет в полушубки, считают сибиряками. Говорит, что они прибыли с Урала и из Сибири, воюют не по правилам и в своих шубах совсем не боятся морозов.

Ответ унтер-офицера и рассмешил, и удивил. Особенно особиста.

– Не по правилам, говорит, воюем? Пусть пояснит, что там за правила такие...

Командир полка вновь поговорил с унтером, и уже без усмешки начал пересказывать его ответ:

– Говорит, что ночью воюют и в мороз, а в это время надо отдыхать. И жестокие сибиряки очень. В нарушение конвенции пленным не оказывают помощь и расстреливают их. У сибиряков основная поговорка: «Смерть за смерть и кровь за кровь!»

Политрук снова не удержался от вопроса:

– Заслужили, значит! Спросите у него, товарищ полковник, за что старика и пацанов повесили?

Ответ немца был стандартным:

– Говорит, что их повесили за военное преступление против армии Германии: старик убил немецкого солдата, а ребяташки прокололи на бензовозах шины...

Ответ пленного на последний вопрос дополнил зашедший в дом старик с роскошной седой бородой, которая не могла скрыть изуродованную ещё в годы Гражданской войны правую половину лица. До прихода немцев он исполнял обязанности председателя сельского совета:

– Иван вилами заколол солдата за то, что тот его дочь изнасиловал, а мальчишки решили отомстить за мать...

Михаил слушал ответы немца и тихо закипал гневом. Столько повидал за последние месяцы зверств со стороны фашистов, а эти душегубы ещё хотят, чтобы с ними воевали «по правилам»! Не сдержался и в нарушение субординации встрял в разговор:

– Товарищ полковник, а вы спросите его, за что они наши машины с красными крестами обстреливают, санчасти и госпитали бомбят? Это ведь тоже конвенцией запрещено!..

Командир полка удивлённо посмотрел на фельдшера. Он знал Алексеева как человека спокойного и уравновешенного, но его просьбу выполнил. Ответ немца озадачил всех:

– Фюрер говорит, что раненый солдат противника опасен вдвойне, поэтому раненых жалеть нельзя!

Политрук, бывший преподаватель истории, прокомментировал ответ «фрица»:

– Вот она – логика фашистов! То, что нельзя другим, им можно!

Гитлер отпущение грехов дал!.. Уже не первую сотню лет европейцы пользуются этой циничной и лицемерной логикой по отношению к России...

На этом допрос был закончен, прибыла высланная рано утром разведка. Командир полка отдал распоряжение:

– Всё! Времени на «душешипательные» беседы с этими вояками больше нет! Через час выступаем.

В назначенное время полк пошёл дальше. По данным разведки, совсем неподалёку в сторону переднего края выдвигалась колонна немецких машин с продовольствием и снарядами. Михаил с Семёном снова тряслись в своей повозке. На окраине деревни, поднимая в морозное небо клубы едкого чёрного дыма, горели те самые немецкие бензовозы, которым накануне героические пацаны прокололи шины...

Ещё до начала общего контрнаступления под Москвой, в период с 27 ноября по 7 декабря, группировка Белова совместно со свежими дивизиями резерва не только задержала наступление 2-й танковой армии немцев, но и нанесла ей жестокое поражение. Немцы были отброшены обратно к Венёву, где они совсем недавно за одни сутки прорвали оборону русских.

У Гудериана после этого поражения случился сердечный приступ. Шутка ли, какой-то кавалерист из вчерашнего дня разгромил его прославленную танковую армию, которая в результате вышла из повиновения, побросала танки и позорно бежала. Ему нечего было докладывать Гитлеру, кроме того, что «русские воюют не по правилам». Гитлер пришёл в ярость, снял оставшегося по вине русской кавалерии «без ног» «быстроногого Гейнца» и отправил его в резерв, иначе говоря – в почётную ссылку. Это была вторая и последняя встреча Белова с Гудерианом. Кавалерист выиграл дуэль с танкистом.

Следом за Гудерианом, после того как стало ясно, что план общего наступления на Москву окончательно провалился, Гитлер сместил ещё три десятка генералов. Вне сомнения, не привыкшим к морозам европейцам пришлось в эту осень и зиму изрядно помёрзнуть. Но победа под Москвой была одержана не за счёт этого. Немецкий воин, главным достоинством которого считалась стойкость, встретил превосходящего его в стойкости и силе духа противника. Солдаты и офицеры Красной армии сумели в этом сражении одолеть немцев, не обладая общим техническим и численным превосходством.

Наступление фашистской армады выдохлось. Под Москвой немцы впервые массово начали осознавать: затеяв войну на уничтожение «неполноценных» народов, они подписали себе смертный приговор. Война к исходу сорок первого года должна была победоносно завершиться. Вместо этого войны фюрера сами из охотников превратились в дичь, которую противник бил без всякой жалости и человеколюбия. Под Москвой фашисты получили только первую раздачу. Вместе с немцами медленно, но уверенно начали переосмысливать войну и их европейские вассалы. Как говорится, с этого момента процесс пошёл... Пришедшие на Бородинское поле наёмники французского легиона, спешившие в Россию, чтобы поквитаться за 1812 год, добились только того, что их похоронили в ту же самую землю, в которой лежали их легкомысленные предки.

А 4-й Краснознамённый гвардейский кавалерийский полк, совершая рейд, продолжал выкуривать немцев из сёл и деревень.

9 мая 2024 г. – 79-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне

Во время одного из боёв фельдшер полка Алексеев вновь отличился, взяв в руки пулемёт. Но на этот раз вместо похвалы получил от начмеда дивизии выволочку:

– То, что ты проявил геройство и участвовал в отражении атаки, похвально. Представим тебя к награде. Но то, что потом увлёкся – это плохо. Пока ты лихо сражался с немцами, раненые истекали кровью... В армии, а на войне особенно, каждый должен заниматься своим делом. Твоя задача – спасти своих бойцов! Вовремя оказанная помощь является решающей для спасения жизни человека!

В общем контрнаступлении и последующем рейде 1-го гвардейского кавалерийского корпуса по тылам врага Михаилу участвовать не довелось. Освободив Венёв и разгромив ударную группировку Гудериана, части корпуса наткнулись на организованную оборону. Противник бросил все силы, чтобы остановить кавалеристов. Особенно свирепствовала авиация. 2-я гвардейская кавалерийская дивизия вынужденно перешла к обороне. В этот самый момент и случился авианалёт, показавшийся кавалеристам настоящим адом. На освобождённое село, в котором расположился штаб полка с подразделениями обеспечения, налетело около двух десятков бомбардировщиков. После налёта в селе осталось только три целых дома.

Михаил этого ада не видел. Первая же бомба завалила его и двух раненых бойцов в доме, где был оборудован медицинский пункт. Не слышал он и того, как командир полка всем оставшимся в живых отдавал строжайшее распоряжение:

– Разобрать завалы! Найти всех: и мёртвых, и живых!.. Пропавших вести быть не должно!..

Михаила и солдата, которого он перевязывал, отшвырнуло в угол деревянного строения, и они чудом не были раздавлены рухнувшим потолком. Боец был без сознания и тихо стонал. Михаил, несмотря на контузию и осколочное ранение в грудь, был в сознании, но выбраться из завала самостоятельно не мог. Ноги были зажаты, словно в тисках. Сколько прошло времени, пока товарищи до них добрались, он не помнил. Время, проведённое под завалом, показалось ему вечностью. Помнил только, как в момент, когда до него добрались и стали освобождать ему ноги, он потерял сознание.

Очнувшись, увидел живого и невредимого Семёна. Ездовой тоскливо смотрел на него, по лицу казака текли слёзы:

– Миша, как я рад, что ты живой!.. Я уж думал, что накрыло всех сразу...

Михаил впервые видел, чтобы Семён плакал, будто ребёнок, и слабым голосом попытался ездового успокоить:

– Так чего ж ты ревьешь, будто дитё малое? Жив – значит, повоюем ещё!

В ответ плечи ездового содрогнулись, он громко, по-бабьи, зарыдал и с тоской воскликнул:

– Мы-то повоюем!.. А вот Звёздочку и Ласточку наповал! Прямым попаданием бомбы... Гады фашистские, ненавижу!..

Михаила увезли в корпусной медицинский эскадрон. Там ему удалили осколки из грудной клетки, обработали придавленные ноги и отправили на лечение в московский госпиталь. Вместе с Михаилом был госпитализирован с тяжёлым ранением его земляк из Елани Кирюха Ермаков.

Юлия АНФЁРОВА

ГОСТИНЦЫ ОТ ЗАЙЧИКА. Рассказ

Для взрослых сенокос был тяжёлой работой – «сушим адом», как говорила бабушка Дуся.

Нужно было сначала вручную скосить литовкой эту высокую, по пояс, траву на всей большой поляне, отведённой специально для покоса. Затем сгрести лёгкими деревянными граблями огромные прокосы, сложить в аккуратные валки, потом эти валки стаскать в стога. Потом пригнать трактор с телегой, перевалить на него целый стог, осторожно довести до дома и сметать.

На всю эту работу уходило несколько дней.

Бабушка очень переживала, когда шёл дождь, потому что сено могло испортиться и сгнить. Пришлось бы искать новое место, где косить, и заново начинать эту тяжкую работу. У каждой семьи в деревне был свой покос, на чужую территорию заходить было нельзя, а на колхозное поле выходить тем более, да и не было там травы, потому что поля засеивались овсом или рожью, иногда горохом и даже подсолнухами. Вот и приходилось косить в лесу на полянах. Заодно можно было полакомиться сочной земляникой, которой в то время было немного, потому что все лесные луга обкашивались.

Когда наконец работа в лесу была сделана и сено привозили домой, для всех наступал недолгий отдых. Женщины устало снимали высокие резиновые сапоги, вытряхивали из них мусор, обтирали побелевшие от влаги ноги. Мужчины отпивали кваску из услужливо поднесённого бидона, деловито переговаривались, осматривали снаружи конюшню, телегу, примеряли, куда лучше подогнать трактор, чтобы получилось впритык к сеновалу. Потом каждому помощнику назначалось своё дело, которое он будет выполнять, когда будут метать сено. И наконец, все становились на свои места. Работа вновь закипала.

Сено было невероятно душистое. Оно попадало за шиворот и кололо тело. На сеновале в воздухе золотилась щекочущая пыль, от неё хотелось безудержно чихать. Нам, детям, в этот момент разрешалось топтать сено – приминать, чтобы больше влезло. Мы были счастливы пурхаться в нём, утопать в шуршащих тёплых ворохах, падать спиной, кувыркаться и ходить, как будто по сугробам, высоко поднимая ноги. Но на одном месте долго нельзя было копошиться, а то сено потом может спреть – слежаться и заплесневеть от влаги.

Поздно вечером работа заканчивалась, женщины собирали последние клоки сена у конюшни, мужчины умывались, встряхивали мокрые

Юлия Леонидовна АНФЁРОВА родилась 6 марта 1990 года в селе Полва Кудымкарского района Пермской области. Ещё со школы интересовалась диалектными словами своей местности, читала много литературы. Это привело её на филологический факультет Пермского педагогического университета, который окончила в 2021-м. За время учёбы посетила много сёл и деревень Пермского края в составе лингвистических экспедиций доктора филологических наук Ивана Алексеевича Подюкова. Работала учителем русского языка, затем ушла в репетиторство и открыла детский центр. В 2023 году издала книгу о своем детстве «Болская деревня». В ней автор представила уникальный мир родной земли, историю своей семьи и те самые увлекательные «бабушкины словечки». Живёт в городе Перми.

рубахи и платки, устало дымили куревом. Бабушка Дуся к этому времени топила баню, звала всех за стол и от души благодарила каждого за помощь. Расходились уже поздно ночью, усталые, но счастливые.

Наутро баба Дуся мне говорит:

– Бежи скорийё сюды, зайчик тебе гостинец принёс!

Я обрадованно спрыгнула с кровати, вбежала в кухню, а в печурке (выемке в стенке русской печки) стоит земляничный букетик, украшенный крупными ароматными ягодками. Некоторые из них ярко-красные, другие – беловатые.

– Бабушка! А ты где зайчика видела? Он, что ли, сам прибежал?

– Конечно, сам. Я по дороге на покос его видела. Выскочил из лесу и говорит: «Передай, мо, баба Дуся, внучке ягодки!»

И улыбается, наблюдая за тем, как я радостно и осторожно, чтобы не уронить, лакоплюсь чудесной лесной земляникой, которую она нарвала для меня ещё вчера на покосе.

ПРОЗА. Рассказ

На следующий день бабушка Дуся меня разбудила рано.

– Сегодня наш черёд пасти коров. Оплатайся да бежи на улицу. Платок-от на печё возьми. Скоро уж пригонят коров-то.

– Бабушка, а вичку мне сделаешь? Чтобы гнулась хорошо, а на кончике листочки были.

– Но, сделаю, сделаю.

С собой у нас котомка с едой: картофельные и сметанные шаньги, луковые пироги, варёные яйца, хлеб на всякий случай (вдруг корова домой не пойдёт, тогда её можно заманить: хлеб, посыпанный солью, скормим ей по кусочку), соль, зелёный лук и квас.

Квас бабушка делала хороший: кислый да сладкий. В деревне водилось правило: если пришёл гость, его обязательно надо напоить квасом или брагой. Для этого у хозяек была специальная, тодельная, коричневая или белая литровая кружка.

– Иди, Санко, испей брагу-ту. Хороша шибко получилася брага, порна, вечер токо чедила.

И сначала сама глоток делает, а уж после и гостю предложит, чтобы показать, что и вправду хороший квас, не отравка.

– Но, беда хороша брага! От, умеешь ты, Васильна, брагу делать! Кхе, кхе, – ответит Санко, побряхтит и от удовольствия прищурит глаз.

– Ты понорови да ишо испей. У меня там цела фляга да мисочка стоит, тебя дожидачча, – смеётся бабушка. – Давеча Володька у Парани заходил, принёс мне ишо хмелины-те на пиво, буду ставить в другот раз.

Ежели приходил гость, а брагу не подавали, то так говорили про хозяев:

– Ее чё! В пустой избе нально побывала. Кружку браги не подали. Это куды годно?

У нас дома был специальный чан для бражных дел. Перед праздниками и на Семик (поминальный день на седьмой четверг после Пасхи) все хозяйки готовили брагу. Это было большое дело.

Сначала бабушка Дуся насыпала рожь в большую кастрюлю, заливала дряблой водой и оставляла набухать. Заносила в избу ростильник (неглубокий ящик). Он был в каждом доме, его берегли и использовали строго по назначению. Пересыпала набухшую рожь в него и ставила на три или пять дней для проращивания. Ростильник стоял на лавке, и бабушка с нетерпением ждала, когда появятся росточки на зёрнышках, подходила к ящику, разговаривала с ним: чё, мол, не растёшь, шары-те выставило?

Когда проклюнутся беленькие ростки, ростильник нужно поднять на русскую печку. Осторожно, не обломав хрупких росточков, переложить всё на большой лист железа, чтобы просохло. В эти дни печку топили, и в избе стоял непередаваемый запах зерна. Бабушка руками перемешивала его, чтобы оно равномерно сохло. Как только зерно «подходило», бабушка сгребала его, добавляла свежий овёс и ехала в соседнее село Пóлву, чтобы смолоть на колхозной мельнице. Молотое зерно называлось бра́жно.

Потом бабушка засыпала бражно в кастрюлю, заливала водой, перемешивала мутовкой, ставила в протопленную горячую печку – преть. Оно постепенно заваривалось и превращалось в светло-коричневую кашу, а сверху покрывалось сладковатой корочкой. Бабушка вынимала кастрюлю из печки, давала остыть, потом цедила через сито, разбавляя водой. Получалась преснуха. Преснуху тоже можно было пить, она была вкусная, но пустоватая.

А чтобы получилась настоящая брага, в преснуху баба Дуся добавляла мел – закваску из хмеля и немного сахара. Ставила корчагу с брагой на лавку ближе к печке, давая ей настояться и уксинуть.

Примерно через сутки бражка подходила: появлялась пенка. Бабушка, волнуясь, помешивала её черпаком и помаленьку пробовала – решала, удалась ли бражка. Ежели удалась – торжественно наливала в литровую кружку и первой отхлёбывала, смакуя и причмокивая, искала в бражке те самые нотки кислоты, сладости и хмеля. Иногда могла и в маленькую кружечку налить, делала по-слаще и звала меня:

– Бежи, девка, чюрскай брагу-то. Ох, хороша получилася, как молоко! Много-то не пей жо, а то хмельна станешь.

(Я небольшими глоточками пила пресную бражку как божественный напиток, и даже всё ещё помню этот неповторимый вкус).

У бабушки Паши тоже был целый обряд угощения брагой.

– Заходи жо, кума, брагу-ту испить.

Кума зайдёт, встанет под порогом.

Бабушка выйдет с кружкой, отхлебнёт первой, потом ей протягивает:

– Испей жо, кумушка.

Та примет кружку, попьёт и возвращает бы её хозяйке.

Бабушка тыльной стороной ладони тихонько оттолкнёт кружку в сторону гостя и говорит:

– Да ишо, кума, испей.

Гостя опять прикладывает к кружке, отвечает:

– Да напилася уж.

– Да испей, испей, брага-та тёпла, сүтошна.

Та снова отпивает:

– Напилася, напилася, – и отдаёт кружку хозяйке.

Посидят они, поговорят, и бабушка снова несёт кружку. Угощения повторяются.

Соседка Федосья и дед Максим частенько захаживали к бабе Паше выпить бражку, побаять. Иной раз по полдня угошались. Дядя Вася Плотников, молодой, могучий мужик, мог три-четыре кружки замахнуть, а потом уходил довольнёхонький.

* * *

В тот день мы с бабушкой угнали коров к сосне, которая росла у дороги. Кто и когда её посадил – богу ведать. Наверное, она дикая, то есть сама выросла, потому что раньше здесь были луга. Говорят, что этой сосне целых сто лет, а может быть, и больше. Мы с бабушкой вдвоём не могли обхватить ствол, надо было третьего человека звать.

Бабушкину чёрно-белую корову звали заморским именем – Эмка. У других были Зорьки, Белки, Пятнашки, Февральки, Марты, Апрельки.

А почему у бабушки была Эмка – неизвестно. Она её привела с Ключёвской фермы совсем молодой коровкой-первотёлком. Бабушка тогда работала там дояркой. И когда обратилась в правление колхоза с просьбой купить в колхозе корову, ей ответили согласием и сказали: «Выбирай какую хочешь».

Эмку она давно приглядела в своей же «группе», поэтому долго не тянула, а сразу же и привела её домой.

Так Эмка стала главным членом бабушкиного хозяйства, и платила ей за это большой благодарностью, давая утром и вечером полную подёнку вкусного, тёплого молока. Она была послушной коровой.

Бабушка хорошо за ней ходила. С добром открывала ворота, встречала с пастбища, спрашивала: «Ну, сытая-нет сёдни евилася? Травы-те поднялися, можно уж досытёшинька наисья». Иногда бабушка чистила ей шерсть щёткой, чтоб корова была опрятной, не-сердито поругивая её: «Чё бабы-те в деревне скажут? Кака грязнуля у Дуськи вышла!» А Эмка косила на неё большим тёмным глазом и как будто поддакивала, мотая головой.

И вот сидим мы с бабой Дусей под сосной, жарко, скучно, пауты и мухи одолевают, прямо беда. Бабушка дремлет, клюёт носом, песни пытается петь, чтобы не заснуть:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Ташшичча с сумой на плечах.*

*Бежал из тюрьмы тёмной ночью,
В тюрьме он за правду страдал.
Идти дальше нету уж мочи –
Пред ним расстилачча Байкал...*

– Бабушка, а кто такой Байкал?

– Байкал-то? Дак это большушшее озеро, в ём вода-та как зер-кало – не поморшища. Оно в Сибири есь.

– А Сибирь – это чё?

– Это тёмнуший лес, там лисы да мидвиди живут. И высокоушие горы стоят. Поболе сосны будут, дай-ко дак, – и рукой показывает на вершину.

Я поверила. Потому что если выше сосны, то и вправду высокие.

И так протяжно опять запоёт, так заунывно, что мне плакать захотелось.

– Бабушка, не пой! А то я зареву сичас.

А бабушка сама чуть не ревет, так жалко ей и бродягу, и мать, и особенно за судьбинушку их горькую обидно. И где границы судьбы бродяги, а где бабушкиной – уж не видать.

Наконец баба Дуся пододвинула к себе сумку с едой, и мы молча начали обедать пирогами да шаньгами, запили их бражкой, а хлеб, конечно, не тронули.

Хлеб бабушка всегда нарезала тонким острым ножом, прижимая к груди круглый ерушник. Ломти получались ровные и ноздреватые, коричневая корочка всегда хрустела и долго жевалась. А с луком, молоком или квасом было очень вкусно, и язык пощипывало. Интересно, что у каждой хозяйки хлеб имел свою форму, запах и вкус. Я могла есть только бабушкин хлеб, а чужой совсем не могла, не глотался он.

А потом я спрашивала через каждые полчаса:

– Бабушка, а когда уже домой?

Баба Дуся ворчала:

– Ноо, началоось. Постони, постони ишо. Сказано: долго будем, до вечера, как сончо переметнёцца на ту сторону, тожно и погоним коров домой. Смотри, како небо-то – завтра, наверно, ведро будет. По ягоды слетам с утра. Может, уж и поспело чё.

Тут она увидела, что Настасьина корова побрела в кусты у речки.

– От, леша́ча корова! Понесло иё опеть куды не следует! Я тебя сичас дубиной-то отхайдакаю, дак узнашша! Увязнёшь в ричке, дак я чё тожно буду делать, шата́шша ты корова! Тамока вода-та по колено!

Но корова Насти Немой не слушала бабушку, как та из поры выходила – ругалась, и уверенно брела к речке. Баба Дуся схватила свою толстую вицу, похожую и правда на дубину, и погналась за коровой, размахивая подолом и чавкая сапогами по болотной воде. Трава у речки стояла по пояс, так что мне было видно только её белый платок и слышно грозные окрики.

Я дремала, лениво отковыривала кору сосны, запихивала травинки в тоненькие трешинки ствола.

Вот это сосна у нас! Поднимешь голову вверх – солнце где-то там высоко-высоко проглядывает через паутину хвойных иголок. Макушка чуть-чуть покачивается от ветерка, который всё играет, шумит иголками. Тепло у сосны сидеть, шишки перебирать.

Мы с Танькой к сосне не ходили. Да и к речке тоже. Нельзя без разрешения уходить из дому. Зато мы издалека угадывали, где у речки топко: там трава темнее и заманчивей, а ещё лягушатник растёт. Летом здесь, где посуше, жёлтых купальниц видимо-невидимо.

Мама их собирает в красивые букеты и ставит в трёхлитровую банку. Цветок у купальницы плотный, едва видна мохнатая, мягонькая серединка. Понюхаешь – весь нос жёлтый, чихать охота. Ещё мне нравятся мелкие розовые часики. Сорвешь такой цветочек возле муравейника, покрутишь за ножку, отпустишь, а лепестки в обратную сторону раскручиваться начинают – как будто шагать.

Деревню за речкой тоже сморил полуденный сон. Тишина стоит. Но собаки всё ж таки гавкают изредка, да телята в загородах жалобно мычат. Коровы наши шуршат хвостами, бьют себя по бокам.

Спать мне захотелось так, что глаза слипались, но оводы, того и гляди, норовили укусить, поэтому вичка моя всегда была наготове.

Интересно, у мух есть ум или нет? Кажется, что есть. Вот пристанет к тебе муха, ты её отгонишь, а она облетит вокруг тебя и снова гудит у самого уха. И как будто видит, что ты на неё замахваешься – сразу улетает. Значит, понимает всё и есть у неё ум.

Бабушка Дуся вернула корову в стадо и тоже отмахивалась от мух:

– Вот эть кака зараза! Донимат и донимат! Норовит съись ли, чё ли. Провались жо! Навязалася на меня, грешную.

Я сию похикиваю от её слов, но украдкой, чтобы она не заметила.

Алёшка и Колька однажды показывали, как они паутов запускали с травинками. Поймают паута, наколют его задним местом на травинку, отпустят и смотрят: у кого дальше полетит, тот и выиграл. Забава у них такая была. А паутов-то жалко.

Коровы улеглись на отдых. Они лениво жевали жвачку, изредка чесали головой бока, смотрели по сторонам большими умными глазами, вострили ухо.

– Бабушка, а как это – жевачка у коровы? Она, что ли, есть у них? Это же неправда.

– Ишо кака правда! Конешно, есь. Нажуют траву, отрыгнут и тожно снова жуют – хрупают. Это и называцца жвачка, – отозвалась бабушка. – А ты чё думала? Не магазинска эть жевачка это у их.

Чуть погода вдалеке за речкой раздались крики – кто-то отчаянно ругался. Бабушка пробормотала:

– Манька опеть хайло-то дерёт. Санко костерит, нально. Всё ему от иё попадат. Чё хайло-то драть? Отсенокосилися уж поди. Это мы ишо не рабливали, литовку в руки не брали. Дозовись иди попробуй Мишку да Вовку! Хоть помочан собирай.

А Мишка и Вовка, мамини братья, приходили на любую работу по первому бабушкиному зову – что картошку садить, что сено косить. Два раза уж не приходилось говорить. Это она так ворчала, для порядку.

А потом, смилостившись, сказала:

– Бежи, конфетку дам. Лампасейки тебе купила. На, не просыпь токо.

Эти маленькие разноцветные конфетки были без фантиков, назывались заморским словом «Мон-пан-сье». Я любила зелёные и жёлтые, они кисленькие были, а красные – очень сладкие, их всегда на потом оставляла.

На болотце рядом с сосной прилетели утки – это было настоящее чудо. Потому что птицы и звери близко к людям не подходили, хотя и жили рядом. Вода для уток была тёплая, они с удовольствием пурхались в ней.

Мы сидели молча, бабушка дремала, но старалась не уснуть, не проглядеть коров. Я собирала цветы и искала землянику, но она ещё только набирала цвет. Безжалостно одолевали мошки, жалили липучие мухи и огромные пауты.

– Морочат. Дож будет, мухи-те вон как жалят, – тревожно оглядывая небо, сказала бабушка Дуся. – Надо коров дозорить.

И ушла проверять коров и овечек, все ли на месте, не забрёл ли кто в неположенное место.

А по небу и вправду пошли тучи, беспомощное солнце тонуло в них, выныривало и уходило обратно в синюю пучину. Над Полвой небо было грозовым, тёмно-синим, а это значило, что туча скоро доберётся сюда.

– Бежи, девка, домой, пока гроза не началась. Я тутака с коровами остануся, а ты бежи давай. Гром-от не бойся, он не страшный, ничё тебе не сделает.

– Бабушка, не пойду! Я не успею!

Больше всего на свете я боялась, что со мной, не дай бог, случится история, которую мне бабушка Паша рассказывала.

– Правда ли, нет ли, не знаю, мене Настасья сказывала. Одна женщина летом пошла пасти коров в поле. Тутака гроза стала собирачка. Гром-от загремел, будто колеснича едет – громыхат у Ильи Пророка. Ну, она и не подумай вовсе – погнала коров под сосну, котора на пригорушке стояла. А больше ничё и не росло на поле-то. Трава да кустики каки-то. Коровы-то чё, ушли. Им этъ куды скажешь, туды и идут. Розбрелися оне. А дож уж запокрапывал. Сверкат небо-то. Гром гремит. Пресвята Богородича, пречистая сила, охо-хо. Одна корова возьми да убеги из-под сосны-то. Женщина – за ей. Выбежала в чисто поле да и упала тутака без памяти. Огонь-от иё тожно настиг. Молния-та небесна. Скоко она пролежала, кто знат. О ту пору бабы проходили. С покоса нально шли. Увидали бездыханную, подбежали, а от иё ток идёт! Оне давай иё скорий окапывать землёй! Ну, отошла малёхо, до дому едва увели. Как она не померла, родимая? Богу ведать. Теперича как токо гроза идёт, она в постель ложичка, обязательно на деревянну кровать, одеялами укрывачка – носа о́сё не кажат. Баяла она, что тело-то окалыват, шибко сáдко (больно). Так и померла бы, боговая. А чё, конешно бы померла. Бабы-те спасли тожно иё.

Вот такая страшная история.

Я рванула домой напрямую по мокрой картошке. Бабушка разрешила. Сказала только, чтобы быстро и большими шагами, потому что сырой огород топтать нельзя. Хорошо, что сосна близко к нашему дому растёт, через жерди на заборе перелезть – и уже в огороде окажешься.

По пути морковку сорвала. Хвост ей обчекрыжила, сполоснула в бочке с водой и съела на ходу. Вкусная морковка с грядки, молочная как будто.

Забегала в дом и залезла на кровать.

Бабушка Паша проснулась от моего топота.

– Это кто там топает? Это ты, девка? Я вздрогнула нально от твоего стука-бряка. Гром-от загромыхал, я под одеяло и зализла, ничё не слышу тожно. Баушка твоя где-ино осталася? С коровами?

– Да! С коровами. Под сосной мы сѣдня их пасём.

– Но там давно не пасли, подросла нально трава-та. Ты этъ вымокла начисто? Мокро-то платьте сыми жо, одень сухо. Шерстяны носки в комоду нучо погледли жо. Есь ли? Вот этъ беда, откуль и налетело... Бежи-ко поеешь маленько, голоднёхонька еть нально. Сичас,

ну-ко обожди, похлёбку лину тебе. Это чё... така старая уж я стала, враз и не соскочишь с койки-то, куды девачча.

– Бабушка Паша, а сколько тебе лет?

– Чё? Скоко лет? Дак еть восемь дисятков уж с лихвой. Я уж за-памятовала год, когда родилася. Шибко давно это было, оии... при царе Горохе.

– Бабушка, а кто такой царь Горох?

– Царь Горох-от? А кто жо ево знат. Был, да и сплыл, говорят. В старину-ту ково ль токо ни бывало. Вот я и родилася о ту пору.

И начала медленно вставать с кровати.

Пока бабушка Паша садилась, покряхтывала, искала свою дубинку, чтобы опереться на неё, я спрыгнула с кровати и пошла на кухню.

Русская печка была ещё тёплая, там в загнеде (в тёплой золе) стояла большая чугунка с похлёбкой. Мне было не под силу её достать даже ухватом.

– Ты чё, девка, удумала? Не смий! Надорвёшша! Опрокинёшь ишо чугунок-от на себя, обваришша, дак я потом чё с тобой буду делать. Я сама-та не спворюю его с места сдвинуть. Куды уж тебе. Иди молоко налью. Ичко вот ишо есь...

– Бабушка, а оно всмятку? Я только такое люблю! Если не всмятку, то не буду. Там желток невкусный.

– Смятку, смятку. Иди-ко бери жо маленьку-ту ложочку да с хлебом. Соль ишо макай, чтоб скунее было.

Пока бабушка Паша, постукивая палкой, ушла в сени за молоком, которое стояло в ведре с холодной водой, чтобы не прокисло, я принялась за яйцо. Бабушка Дуся мне всегда утром варила такое. Надломит сверху скорлупу, обчистит маленько, ложечкой смешает варёный белок и жидкий желток прямо в яйце, посолит и кормит меня с ложки. А ещё днём иногда даёт лукову соль – сырое яйцо, разболтанное вилкой с солью и зелёным луком.

А весной бабушка делала ишенку из пистиков (которые на поле растут в сырых местах в начале мая). Их вся деревня собирала, как только они выйдут. Бабушка нарубит пистики сечкой в корыте, убьёт туда яички, молока добавит. Всё это выльет на сковородку или в железную банку из-под магазинской селёдки – и в печку. Запечётся ишенка, румяная такая корочка получится – аромат на всю избу!

– Айда-те ись, робята, пистишно-истишно поспело! – позовёт к столу баба Дуся.

Все едят, нахваливают, какая пышная да вкусная ишенка получилась. Я любила водичку хлебать, которая между ишенкой и стенками сковородки натекала.

Поели мы с бабушкой Пашей, снова до кроватей дошли, улеглись. Гром гремит, дождь стучит по крыше, на улице ни души – все попрятались, а у нас тепло и уютно в доме. Часы тикают, кошки с печки прыгают, лижуся. Телевизора, конечно, нет, да и не к чему он.

– Ох, ох, вымокли все коровы нать-то. И Дуська вместе с имя. От еть, хорошо как пролило, хоть картошка пушше нарастёт.

Бабушка Паша долго глядит в окно.

– Как итсенокосимся ныне, будёт дож идти дак... Шибко тяжёла работа – сено-то косить.

– Бабушка, расскажешь про сенокос?

– Почё тебе это знать, дева? Да я уж и рассказывала не раз.

– Ну, пожалуйста, бабушка Паша!

Я любила слушать её истории, очень уж интересно она говорила старыми словами.

Она сидела на своей кровати, положив тяжёлые, натруженные руки с выпуклыми дорожками вен на колени, смотрела невидящими глазами куда-то перед собой, как будто вспоминая далёкое, но такое до боли родное и знакомое. Помолчала, потом негромко, с остановками начала рассказывать, но не мне, а больше себе напоминать, как они когда-то ходили на покос.

– Ну ладно, расскажу уж, чё, коли в требу тебе. Шибко тяжёлушша это работа, оии... Пока соберёшша, дак ишо день-два уйдёт. Поначалу надо все литовки, грабли да вилы-те перебрать, осмотреть: может, чё случилось с имя после зимы. Литовки отбить, наладить, чтобы не вертелось литовишшо в руках. Забить клинушок, коли надо, опробовать в деле: окосить маленько подле забора да где да. У грабель оглядеть зубья-те: все ли на месте, кои росшатаны – оправить, насадить. Вилы еть надо вострые на покос-от, зубья чтобы все на мисте были, без прорех и с крепкими черенишшами.

Ну всё, топере можно завтра с утра, благословесь, и выходить. Косить хорошо с раннего утра, по росе. Когда трава сырая, тогда легче она поддаёчча, да и соньчо ишо не так жарит. Правда, мошкара лесна налетат попить кровушку-ту, шибко лезет везде. И еть, вражины, до смерти заидят, токо дайся имя! Опосля место-то вздувачча да шибко долго сербит (чешется). Мы еть раньше штанки-те не нашивали, в юбках всё, дак оий как зудело, чё уж говорить...

Ну ладно. Слушай тожно дале. Хороший косильшик прокос-от берёт широкуший, литовка у него летат звонко да бойко... Зынь-зынь токо, зынь-зынь...Когда семейшиков на покос собралось многушшо, встают все рядами, друг за дружкою, и пошла работа. Передние – за-всегда крепкие мужики. За имя бабы. Токо и слышно: «Бе-ерегись!» Да и надо опасачча, как ино? А то еть несдобровать, на запятки-те косой зайдут дак.

Ну, к обеду тожно идут в тинёк, падут с устатку на тёплу землю, полдничают, чем бог послал.

Чем полдничали? Да по-разному. Хлеб-соль, перо луково, огурчи, у кого поспели к той поре, по ичушку брали, испечённому, молоко, кто желат. Пирогы, опеть жо, луковы... Ну и пить – брагу обязательно. Брагу-ту много брали, туёс-два... Робишь, дак еть пить-то шибко охота.

– Бабушка, а дальше что? – мне уже не терпелось узнать, чем дело кончится.

– Ну вот, выкосили, слава-те богу! Топеря обождём день-два, пускай подсыхат. Где тонко – трава-та плоховата была, дак на другой день и готово, высохла. А где толсто навалёно, не розбросано косильшиком, там доле сохнуть будёт. Или вот где трава хорошуша стояла: в логах да у леса – клевер там или мышьяк, тожо дольше сохнуть будёт. Отава (трава, выросшая после первого скоса) завсегда быстриё сохла. Да ничё, лишь бы ведро постояло, да ветерок дул, оно уж всяко высушит. Сено-то, которо под дож не попадёт, колды готово, дак шумит, в руках не мякнет, и духмяно тако.

Бабушка Паша зашевелила руками, как будто шупала сено по-настоящему, шурудила его и подносила к носу. Лицо её изменилось,

посветлело как будто. Так ей нравились эти воспоминания, так скучала по тем временам, когда она была ещё молодой, могучей. А мне было её очень жалко, потому что сейчас она сидела передо мной старенькая и немощная, как будто и родилась сразу такой. Незнакома была мне та бойкая женщина, у которой было тоже своё детство и молодость. «Жись-та она шибко скоро проскакиват, одна надёжа на робят и остаёчча».

– Ну топере возить надо, – продолжала бабушка. – Ране еть сено-то важивали домой на лошадях, трактора не были. Вот на лошадёнке к вечеру уж и приидёшь на покос-от. А до этого его, сено-то, надо сгрести да скопнить ишо. Сперва гребёшь, по волосинке тянешь из-за ёлочки, из-за кажного кустика – глядишь уж и валок хорошущий насобираала. Где сыровато, не просохло ишо – разбросашь поширше, чтоб скорий сохло. После ишо его пошевелишь – вот оно и готово дело.

Топеря копнить. Вилами по валку идёшь собирашь, перекидывашь в кучки, ну, в копёшки-те. А если большу копну задумала собирать, толды надо сносить ети копёшки в одно место. Сила есть, дак навильниками стаскашь, а нету – носилками можно. С имя лигче, вдвоём еть. Не в ку пору стаскашь. Тожно подьидёшь на лошаде, на телеге, да и почнёшь грузить. Надо умюочи грузить: на обеи бока навешивать, накладывать поширше сено-то, чтоб больше влизло. На возу-ту помощничка стоит в ту пору, поправлят мои навильники да укладывает. Шибко страшно на высокоушшой копне али зароде стоять, маленько токо забудешша и улетишь назадь пятки, сама не догадашша.

Тожно сверьху, посерёдке, бастригом прижмём да верёвкой бастриг-от затынем, а то еть розваличча по дороге. Ну, топеря домой, с богом! А ишо дома сколь робота с сеном-то, охо-хо! Ладно, на повитях ишо место есь, дак туды стуришь его. А нет, дак еть придётся омёт метать. Тут и вся работёнка! Сперва лёжки на зимлю накидашь, чтобы уж не отопрело от сырой земли да ишо стожар воткнёшь посерёдке. И опосля токо зачнёшь складень разводить...

Опеть жо без товаришша худо: надо утаптывать, укладывать навильники-те, гледеть: шире ли, уже. Да вершить с умом, чтобы гладкой вышел по бокам, сверьху без ям чтобы, да не скособенился, а то еть кака осень ишо будет: на-ко дожлива, дак еть прольёт омёт донизу. Мама опосля у нас всё говорила: «Ох, и наробилася я стоеь до пристатку, пойду на голбеч, посумерничаю» (посплю).

Бабушка Паша слегка улыбнулась и вздохнула:

– От скоко я тебе наговорила сёдни, девка! Это чё еко место! Рот-от устал баять. Отдохнуть надо маленько. Бежи жо, пряник тебе дам.

И начала искать заветный мешочек с гостинцами под своей подушкой, долго шуршала, развязывала его, наощупь искала пряник среди горстки конфет и печенюшек.

– На-ко поешь да шибко не кусай, чупкай. Зубы-те сломашь ишо.

Пряник был шоколадный, изрядно подсохший. Его и правда приходилось только чупкать и понемногу грызть, но от этого он становился только вкуснее.

Когда пряник был съеден до крошечки, я опять подошла к бабушке, которая ещё не спала, а как будто рассматривала потолок:

– Бабушка Паша, а давай из пластилина чё-нибудь слепим?

– Ну спасу нету от тебя, девка... Уди ты! Какой ишо пластялин? У меня пальцы как коры.

– Как это – как коры?

– Как, как! Не гнучча, старые уж стали, одна кожа да кости осталися.

– Ну давай, я слеплю тогда, а ты поиграешь со мной?

– Оии... Ну неси, неси свой пластылин али как ево там. Чё токо ноне у вас нету-ка, всяка всячина навалом. Мы еть ране едак-ту не жили.

Я нашла свой пластилин, который мне мама оставила, пододвинула стул к бабушкиной кровати и начала лепить. Бабушка Паша тоже взяла комочек пластилина и вскоре поставила передо мной настоящую посуду: малюсенькую кружечку с ручкой, чайник с крышечкой, тарелку и кастрюлю.

– Ого, бабушка, а ты как это слепила? Это же всё как настоящее!

Бабушка Паша посмеивается:

– Как, как! Вот едак, – и на пальцы свои показывает.

Я налепила пирогов и колбасок, сложила на пластилиновые тарелки, и у нас вышло настоящее чаепитие.

Немного погодя я спросила:

– Бабушка, а когда моя мама приедет?

– Скоро уж, скоро, мила дочь. Чё, затосковала ты ли, чё ли?

Бежи, неси спички, погадам.

Я побежала на кухню за коробком спичек. Надо, чтобы он был не целый, а уже начатый.

– Вот сичас и поглядим, когда мать-та приидёт.

И начала раскладывать рельсы и шпалы из спичек. Если спички кончатся на рельсах, то значит скоро приедет мама, если на шпале, то ещё долго ждать. Я с замиранием сердца ждала, что же выпадет. Рельсы!

– Ура! Значит скоро приедет мама моя, да? А когда?

– А я почём знаю? Скоро – значит скоро. Маленько осталось. Како сёдни число?

– Я не знаю.

– Ох, я уж и подавно не знаю никаки числа. Колендарь-от на стене висит, дак кто его колды срывал ишо? На бабу Дусю вся надёжа. Придёт, дак спроси у иё. Устала я с тобой, пойду лягу, лапости шибко болят. Иди жо поишиши у меня бутылку-ту с муравьями. Куды и завалилася. Я давеча мазала ногу-ту, дак уж всё прошло. Старость она вишь кака – не дай бог!

Я нашла бутылку с настойкой из муравьев, открыла её и стала намазывать ноги бабушке. Они у нее были худые-худые, с загрубевшими пальцами.

– Ох как гриёт! Беда хорошо! Спасу нету, как ноют ноги... Ну, теперича посплю маленько. Ты смотри, не балуй. Скоро уж баушка коров пригонит.

– Ладно!

Конечно, мне не хотелось спать от новости, что скоро приедет мама. Интересно, сколько дней осталось? Наверное, подарок мне привезёт. И конфеты.

Что же делать? Бабушка Паша спит, бабушки Дуси ещё нет дома. Скучно. Я перелистала свою тетрадь с рисунками, которые мне дядя Вова так красиво нарисовал. Он даже сумел лесенку с настоящими ступеньками нарисовать. А я могу рисовать её только зигзагом. Лица

у людей хорошо получаются у дяди Вовы, а ещё собаки и коты. Как это он научился? Я тоже хочу.

О, кукла Катька в углу сидит нечёсаная! Я её давно в руки не брала. Надо причёсать как следует. А какую причёску сделать? Хвостики и косички я уже плела. Может, подстричь? Точно! Сделаю ей волосы до плеч. А что, это же красиво!

Так, где у бабушки ножницы, которыми она овечек стригла? Она сказала, что они острые и их в руки брать нельзя. Но я же быстро отстригу и положу их на место, как было. Бабушка не узнает.

Вот и ножницы. В комод оказались.

Я расчесала куклу и начала стричь. Ножницы слишком большие для моей руки, тяжёлые. Криво получается. Ровняла я, ровняла, да и доровняла до ушей.

Ну вот, мама заругает меня. И бабушка тоже. Но ведь мне надо же на ком-то учиться волосы стричь. На кукле можно, хоть и не отрастут они у неё. А на своих волосах, интересно, получится или нет? Где там зеркало было?

Я взяла зеркало, поставила его на стол, выбрала пучок своих волос надо лбом и стриганула. Конечно, криво! Надо ровнять теперь. Но чтобы не так, как у Катьки. Обидно мне стало, что не получилось. Я закрыла лицо руками и заревела. Ох и попадёт мне за это!

Я убрала ножницы обратно в комод, волосы со стола сгребла и закинула подальше в маленькую печку. Всё, вроде бы ничего не видно. Успокоилась немного. И про волосы на своём лбу потихоньку забыла.

Тут послышалось далёкое мырганье коров. Бабушка Дуся идёт, коров домой гонит! Я обрадовалась, носом упёрлась в оконную раму, оглядела дохлых мух и бабочек, паутинку между рамами, и стала отковыривать замазку в углу окна – ждать, когда же появятся коровы и баба Дуся.

Вечер у бабушки Дуси был долгий. Коров пригнала, дождалась, пока хозяева всех разобрали. Эмку подоила в подойницу, пенное молоко процедила в банки. Собаку, кошек напоила, которые сбежались на звон ведра. Налила молоко мне и бабушке Паше. Когда остряпалась, ушла в огород поливаться. Пока бабушка Дуся хозяйничала, гремела в ограде вёдрами и вилами, по привычке поругивалась вслух, бабушка Паша позвала меня к себе.

– Айда жо ко мне, девка. Ложися, сказку расскажу тебе про липову-ту ногу.

Я любила эту страшную сказку. Жуть сковывала меня, и в темноте мерещились шорохи и тени.

Я залезла на кровать, прижалась к худенькой бабушке, вдохнула тряпичный запах её кровати и приготовилась слушать.

– В одной деревне жили старик со старухой. Ись у них нечё было, корову да другую скотину уж не дёржали – силы нету, староватые уж были. Как теперича жить имя? Сё равно маленько охота чё-то мясное да вкусное. Ну, старуха и говорит старику:

– Иди, старик, в лес-от, да принеси маленько мясо. Я в печке коску-ту (косточку) напарю да похлёбку сварю. Беда как охота мяско поись!

Ну чё, взял старик топор, да и пошёл в лес. Чельный день бродил-ходил, ничё тоесь не нашёл.

«Ну, – думат, – видно, старуху нечем будет порадовать».

Пригорюнился, да и завернул уж домой.

А на ту пору вечер наступил. Лес-от притих, почернел. Страшно стало старику. Идёт тожно дале.

Вдруг увидел – мидвидь лежит, посапыват. Ну, чё делать? Стукнул топором, да лапу-ту и отрубил.

Схватил её да побёг домой. Бежал, бежал... бежал, бежал... заскочил в ызбу да на все запоры и заперся.

А мидвидь проснулся, да как заревёт страшным голосом:

– По всем сёлам спят, по всем деревням спят, одни старик со старухой не спят, мою лапу варят, мою шёрстку прядут!

И пошел тожно к имя.

Злушший. Идёт, ковылят.

Старуха-та огонь в ызбе погасили, окончи занависили да в голбече и схоронилися. Ну, слышат: мидвидь к ихней ызбе подошёл, каак зачал в оконча-те стучать да в двери скрестися! Шибко испужалися оне, глаза-те закрыли, думали – уж смирть ихняя пришла...

– Бабушка Паша, не рассказывай дальше, я боюсь! Вдруг и к нам медведь придёт? – жалобно стала просить я.

– Не болтай, которо не подходит дак. Кокой ишо мидвидь? Это еть сказка, ты чё, девка! Это не по-настоящему всё. Мы колды маленьки-те были, нам ету сказку мама с тятей рассказывали. Мы тоже ох и боелися. Тятя ишо как заговорит страшным голосом! А мы маленьки, чё, боимся, конечно. Я к иму жмуся, жмуся. Он нас обнимет да дальше рассказывает. Ну чё, будёшь дальше-то слушать али нет?

– Буду, буду!

А сама ни жива ни мертва от страха лежу, ног не чую.

– Ну, слушай толды. От, залезли они в голбеч-от, сидят. Мидвидь затарашился к имя в ызбу, ходил искал, ревел. На полати лазил, на западне глядел, под шосток заглядывал, ухватом ворошил в пече.

А голбеч-от старик плохо закрыл.

Мидвидь ето увидел, открыл тожно ставень-ет за колечко, да и упал в яму к имя. Старик-то со старухой как выскочат оттудова! Ставень-ет захлопнули, да и убежали в деревню.

Вот така сказочка. Ложися тожно сюды, смирёно лежи, не скися.

Бабушка Паша подвинула мне свою подушку, сама только на её краешек с другой стороны голову положила. Кровать у неё была узкая, тесная.

Тут бабушка Дуся зашла домой, зажгла свет на кухне.

– Здорово живём! Ну, чё делаете? Спать уж легли али нет ишо? Я сёдни шибко долго провозилася с этими коровами, затемняла.

– Бабушка Дуся, только не выключай свет! Я боюсь!

– Ково ты боишша ишо? Опеть сказку про липову ногу рассказывали? На ночь-ту почё таки страсти слушать? Бежи-ко сюда.

Бабушка взяла меня на руки и перенесла на свою кровать:

– Добры-те люди уж скоро просыпачча начнут, а наш брат ишо и не ложился. Ходим-бродим уповот... Так и быть уж, расскажу ишо тебе про кисоньку-мурысоньку.

И начала мягко водить подушечками пальцев по моей руке от плеча до кисти и шёпотом приговаривать:

– Кисонька-мурысонька, где была?

– У дедушки с бабушкой.

– Что пила-ела?

- Сыр да маслице.
- Где сыр?
- Собачка съела.
- Где собачка?
- В лес убежала.
- Где лес?
- Огонь выжег.
- Где огонь?
- Вода залила.
- Где вода?
- Быки выпили.
- Где быки?
- Девки в горы угнали.
- Где девки?
- Девки сели на доску и уехали в Москву!

Давай теперича тебе подую спинку, чтобы крепче спалось.

- Давай, - уже засыпая, сказала я.

- Спи, любая-дорогая, кукла моя. Спи, не бейся. Угомони ногите. Смотри, лоб-от заглядывают в окошко.

Я выглянула из-за бабушки и посмотрела в дальнее окошко. За ним светилась большая круглая луна - тот самый лоб. Мне стало не по себе, потому что виделось, как будто луна и вправду молча разглядывает наш дом. Я быстро легла обратно и укрылась одеялом. Бабушка погладила меня по волосам, сильно подула между лопаток - стало приятно и горячо. Тепло разлилось по всему телу, и я заснула без задних ног.

Сергей СТАРКОВ

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА. Стихи**МИГ, В КОТОРЫЙ ПОЯВИТЕСЬ ВЫ**

Откровения свыше...
 Изумлённого дня арабеск...
 Я почти что не слышу
 этот голос прозрачных небес.

Лопотание неба –
 тихий шорох аллеиной листвы...
 Причитаю:
 «Вот мне бы!..»,
 Но мои причитанья мертвы.

Я хочу раствориться
 в жёлтой суши бегущего дня.
 Я хочу расстроиться,
 чтобы всюду хватало меня.

Я хочу расколотся,
 как Европа по Па-де-Кале,
 и хватаюсь за солнце,
 за лучи, пригибая к земле.

...Вечер красит ресницы
 в цвет обоев ночных казино...
 Ничего не случится.
 Ничего не случается,
 но...

Сергей Владимирович СТАРКОВ родился 1 сентября 1955 года в селе Нердва Карагайского района (Пермский край). Окончил географический факультет Пермского государственного университета по специальности «метеорология» (1977). Работал инженером-синоптиком в Туркмении, в г. Красноводске. После возвращения на Урал, с 1981 года работал в Чусовском районе учителем истории и географии, 24 года – директором вечерней общеобразовательной школы п. Всевятский. Первая поэтическая публикация относится к 1973 году. Печатался в периодических изданиях, коллективных сборниках. Первый поэтический сборник вышел в 2004 году в городе Чусовом. Автор 7 книг: «Слово о любви, печали и других банальных чувствах» (2004г), «Белая радуга» (2005), «Одиночество» (2006), «В летающем городе» (2007), «Молочные реки» (2012), «Время многоточий» (2013), «Мои кроткие короткие» (2018). Лауреат краевых конкурсов им. А. Л. Решетова, П. И. Шестакова. Член чусовского литературного объединения «Живое Слово» (с 2006). Увлекается бегом, футболом; побеждал на краевых чемпионатах по лёгкой атлетике. Живёт в п. Всевятский Чусовского городского округа (Пермский край).

на фонарных аллеях
 в индевении палой листвы
 возношу и лелею
 миг,
 в который появитесь Вы!
 Миг, в который появитесь Вы!

НЕВЗЯТЫЕ ДАРЫ

Уныльно...
 дождично... хмурыжно...
 ...По нижней кромке облаков
 летит любовь моя,
 унижена,
 с дырявой сумкою даров.

Она – вчера ещё –
 заботливо
 пекла пирог и жгла камин,
 гостинцы лёгкие готовила
 на встречу бабьих именин,

а нынче,
 в холоде отвергнута,
 летит в насупленную даль,
 то ли в забвение обернута,
 то ли запахнута в печаль.

И сквозь тряпье её обильное,
 сквозь дыры –
 сыплются с дождём
 опалы зябкие рябинные,
 наряды в бело-голубом,
 и золото,
 и акварельные
 частички солнечной жары...

...Летит любовь,
 теряя перья и
 тобой не взятые дары.

...
 А там, внизу,
 ранимы холодом
 и нескончаемым дождём,
 стоят леса.

 Линяют золотом.
 И дышат потным серебром.

УТРЕННИЙ СНЕГ

Через кухонное окно
мы видим
из-под заспанных век,
как розово и легко
падает утренний снег,
как в кофейную гущу
города
сливается молоко,
как рождается сухое
розово и легко.

Желтоклювыми птицами
выскакиваем на крыльцо.
Снег бросается в лица нам
иголистою пылью.
Мы разлукою мечены,
но на завтра махнули рукой
и до самого вечера
кружимся над мостовой.

Холод пыжится, силится –
зряшный,
хотя и крут –
наши слабые крыльца
от этого
перьями обрастут,
наши души метушиеся
примут в себя легко
и кофейную гущу,
и сухое,
и разлитое молоко...

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Был как-то город мой разбужен
чудным событием одним:
бежала женщина по лужам
и по асфальтам голубым.

Не молода уже, не дева,
но тонконога, как лоза,
она глядела только в небо,
и небом полнились глаза.

Она и пела, и летела
(а следом – птичья мелюзга),
и в брызгах взорванных немела,

переливаясь,
 ра-
 -дуга.

Из окон пялились соседи,
 косился милиционер:
 такая чопорная леди,
 а тут – как дура без манер.
 Но та, нимало не смущаясь,
 чуть набок голову склонив,
 в лучах и радуге плескалась,
 мой город чудом одарив.

И в этот миг я понял:
 люди
 пребудут в городе с добром –
 ведь только надо сделать чудо!
 И можно даже босиком!

И не беда, что так натужно
 вползает в улицы весна...

...Бежала женщина по лужам...
 Бежала женщина по лужам,
 любовью утренней полна.

ДАО (ВЕРЛИБР)

Так предсказуем,
 кажется,
 полёт ворона!
 Летит себе чёрная птица
 из точки А в точку Б,
 горлом тревожа пространство,
 крыльями дол разрезая,
 прямо и настойчиво –
 через всё пенное небо.
 Но где же начало пути,
 где завершение?

Древен полёт ворона.
 Он,
 будто ход времени,
 только без зим и лет,
 вёсен и осеней.
 Он,
 словно путь Солнца,
 только без рассветов и закатов,
 востоков и западов.
 Он,
 как жизнь,

только без радостей и рождений,
без друзей и любви.

Не надо,
не летите вослед ворону,
не ищите тайну его.
Кто знает,
может
взлетел он,
пообедав на трупе,
и спешит на заброшенное поле...

Сергей КОЛОМОЙЦЕВ

УЗНАЕШЬ: СЧАСТЬЕ – В ОБЩЕМ ПРОКЕ. Стихи

НА ДВОИХ

Активно – не дерзко, не робко –
проходишь, унылость гоня,
и ставишь лишь правую скобку
в любом завершении дня!

Скользишь и, едва прикасаясь, –
легки, малозвучны шаги:
за ними, водой разбегаясь,
идёт мостовая в круги...

Всё ветер приветливый вьётся,
он с плеском щебечет почти;
и солнцем в их музыке льётся –
что был я не в силах найти.

Какие тут могут быть зимы,
ведь в душах такой тет-а-тет:
когда, оказавшись вблизи, мы
встречаем тот самый расцвет!..

Никто не заметил гармоний,
которые я отыскал;
и неотвратно – понял,
что только тебя и ждал!

ТЫ МОЖЕШЬ БОЛЬШЕ

Вот, сравнившись с великими, трепет;
Что же дальше... ведь путь твой нов.
А поймут ли, по-доброму ль встретят...
Хоть и знаешь внутри, что готов!..

Сергей Владимирович КОЛОМОЙЦЕВ родился 14 сентября 1991 года в городе Чусовом (Пермский край). Окончил Чусовской индустриальный техникум по специальности «Экономика и бухгалтерский учёт» (2013). Первая поэтическая публикация состоялась в газете «Чусовской металлург» (2016). Первый сборник «Эмоций разбитая гладь» вышел в 2017 году. Печатался в коллективных сборниках, периодических изданиях. Член Чусовского литературного объединения «Живое слово» (с 2014). Участник и победитель конкурсов поэзии разных уровней. Обладатель Гран-при Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» (2023). Живёт в городе Чусовом.

Почему бы и нет: в токе прожитых лет –
 Наш черёд задавать высоты!
 Будь душой ты прозаик, а может, поэт:
 Мы на старте – готовые к взлётам!

А рядом... всего бы один человек!
 Кто понял, признал и проникся.
 Увидишь тогда озарённый разбег
 Не в грёзе, не сквозь мегапиксель!

Есть чистые люди – они создают!
 Сверкая звездой неподкупной.
 И снова, и снова – ведут и ведут!
 Смотрите! Вам высь доступна!

Лишь с шага начни, говорят нам они;
 Души красоту не прячьте!
 Ты можешь быть там, коль ещё не из них,
 Кто был у Земли на мачте!

Пожмёшь миллионы протянутых рук,
 Столь тёплых, сколь в лицах счастья;
 И если ты прав – то отыщется друг,
 С кем ясно и в штиль, и в ненастье!

РВЕНИЕ

Смоги, эгоистов теплом переплавь...
 Бездумно шипами их льдин
 Нас колют в душе, озлобляя, и вьявь;
 Порой ты как будто один.

За истину бой,
 Ненавистен капстрой –
 Те силы для правды направь!
 Вновь в жизни облой,
 Удержись, хоть и злой –
 Для правды те силы направь!

Один ты – лишь будто, а после заря.
 Мы морем открытий и вплавь
 С друзьями готовы; поднять якоря!
 ...И на понимание правь!

С любовью большой
 Ты наполнен душой –
 Те силы для правды направь!
 На взлёте настрой,
 Так ни йоты не стой –
 Для правды те силы направь!

И даже в унынии, с ленью, хандрой,
 Без дел потолок не дырявь!
 Хоть взвинчен, хоть добр, хоть мнимо пустой,
 Энергию все не ржавь!

С треклятой тоской,
 Накаляет застой –
 Те силы для правды направь!
 Сюжет непростой,
 Скука жжёт,
 И хоть вой!.. –

Для правды ты силы направь!

В НАЧАЛЕ ТРУДНО

С пелён сочувствие знакомо.
 Да с тем участием, с нутром,
 Уж не в России ли, не дома
 Оно вправляется в геном?

Прошедший год мне этим дорог:
 Как сотню лет назад, в Союз,
 Мы вновь, сбивая гнёт террора,
 Скрепляем руки братских уз!

А руку дать – порой непросто,
 Нас бьют бесстыдно на куски...
 Но ни в войне, ни в девяностых
 Мы не забыли, как близки!

Начало... Да. Ещё нам страждать,
 Ещё немало будет бурь.
 Но радость снова русских граждан
 Меняет взвитый дым в лазурь!

Как солнце, первые улыбки,
 Сухие чувства возродив;
 Пускай живёшь пока не шибко,
 Но снова чувствуешь, что жив!

НА ПОЛЬЗУ РОДИНЕ

Нет, не согнуть нас в рог бараний,
 Не срубишь совесть на корню!
 Хоть густ туман самокопаний,
 Привычно взвинченному дню...

О сути должно б! вяло ищем!..
 Всё как-то больше о себе...

Чтоб не скорбеть над пепелищем,
Поймите – все в одной судьбе!

Узнаешь счастье – в общем проке;
Скуёшь его в своих цехах –
В потоке строк, в ином потоке, –
Исполнен твёрдости в шагах.

Ту скупость слова не приемлю:
Затворных бук, к властям подлиз...
Вести к расцвету Нашу землю! –
Мне смысл, и лозунг, и девиз.

Давно в себе граница стёрта,
Любитель – профессионал...
Пиши стихи такого сорта, –
Чтоб души ими пронимал!

Чтоб не плестись тропой шербатой,
Расправь дорогу – пользой дел;
Те силы не считаю тратой, –
Что для Страны не пожалел!

Часть 3

Фёдор ВОСТРИКОВ.

БЛАГОДАРЕНИЕ. Стихи

ИЗ ДЕТСТВА

Ох и, помню, разливалась
 Наша речка в ту весну.
 Глазом опытным, бывало,
 Не окинуть ширину!
 На спине своей бугристой
 Льды, качая, волокла.
 Лес, мостки, хлева – со свистом
 Разрушала и несла.
 Пацаньё, известно дело,
 Здесь торчало допоздна.
 Может, шуку пеной белой
 Лихо выбросит волна?..
 Предводителем ватаги
 Был в фуфайке парень-бой,
 Полный хитрости, отваги
 Некий Валька Снеговой.
 Под его прямым началом –
 Марш-походы до бахчей.
 Мёд на пасеке качали,
 Ясно, что не на своей.
 Каждый нёс доску ли, палку –
 Стройка «штаба» в ивняке...
 Ну так вот: надумал Валька
 Прокатиться по реке.
 Шест нашел кривой, но длинный,
 Дал команду: «Пацаны!
 Ну-ка, марш за мной на льдину,
 Прокачу до плотинь».
 Показала речка норов –
 Льдину быстро понесло.
 Утихали крики, споры,
 В дымке таяло село.

Фёдор Сергеевич ВОСТРИКОВ родился 6 февраля 1942 года в совхозе «Батрак» (ныне пос. Авангард) Алексеевского р-на Куйбышевской (ныне Самарской) обл. Окончил Куйбышевское культурно-просветительное училище, Пермский университет марксизма-ленинизма, отделение журналистики. Первый поэтический сборник «Отцовское поле» вышел в Перми (1979). Член Союза писателей России (1993). Автор более тридцати книг. Сотрудничает с композиторами, переводит с азербайджанского. Дважды лауреат Пермского края в сфере искусства и культуры, награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ, золотой медалью Российского фонда мира, кавалер ордена Достоевского I степени, Почётный гражданин Алексеевского р-на Самарской обл. Более 30 лет ведёт литературное объединение «Тропа» в Пермском городском Дворце детского (юношеского) творчества. Живёт в городе Перми.

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

Капитан, шестом играя,
Курс держал на плотину.
Мы – команда удалая –
Все рвались на быстрину.
А в команде дружной, право –
Трое школьников-ребят,
А ещё – смешно представить –
Трое было дошколят.
Льдина лопнула, вначале
Раздвоилась. Плеск волны...
Как под парусом промчались
В двух шагах от плотины.
Ни до шуток, ни до песен –
Мальши подняли крик.
Повезло, что нас за лесом
Увидал рыбак-старик.
Земляки под берегами –
Посбежалось полсела.
Подбирались к нам с баграми,
Но река лишь злей была:
Бесновалась, издевалась,
Льды крушила быстринной.
То прокатит мимо валом,
То, гляди, слизнёт волной.
Капитан уже не правит –
Капитанство Богу сдал.
И растерянно ораве:
«Терпим бедствие» – сказал.
Чем бы кончилось? – не знаю.
Льдина в берег – и шабаш.
Приняла земля родная
Наш геройский экипаж.
Что тут было, врать не стану –
Старый дядька Снеговой
Пятки жёг за капитаном,
Словно спринтер молодой.
Погуляла хворостина –
Все виновны потому! –
По горячим нашим спинам,
Да ещё по кой-чему.
А не били лишь Андрея,
Он держался молодцом.
Завершилась одиссея
Драматическим концом.
Что бывало – всё сплывало,
Но в какую сторону?..
Ох и, помню, разливалась
Наша речка в ту весну!

ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ

Такие же лебяжьи облака,
Такие же размашистые дали,
Где мы под шум степного ивняка
Из детства на картошке вырастали.
И я, стараясь прикоснуться к полю ржи,
Обозревая речку под ветлою,
Хочу вернуться хоть на миг в былое,
Да не взмывают к облаку стрижи.
И речки нет, в ручье камыш дрожит –
Душа не возвращается в былое.
Но как тут быть, когда ни поля ржи,
И нет давно посёлочка Ежи,
А с ними – век хотел не расставаться,
И девушка на кладбище лежит,
Которая учила целоваться?!

ОМУТОК

Ручьи впадали в омуток.
Был омуток похож на бочку.
А из него один лишь тёк
Ручьишка тоненький по кочкам.
Каким-то чудом сазаны,
Случалось, в омут попадали.
Пришли однажды пацаны
И сазана в нём увидали.
Тут разломилась тишина,
Тут началась такая давка...
Но вот уж держит сазана
Ровесник мой – Гражданкин Славка.
Девчонки с гиканьем к нему,
А мы стояли виновато.
Я так завидовал ему,
Не я один, а все ребята...
Но листья осень ветром жгла,
Зима метелями блудила.
По свету нас тропа вела,
А детство в древность уходило.
Приехал я издалека
Местам родимым поклониться,
Но ни ручьёв, ни омутка,
Ни детства – сказочной Жар-птицы.
Ивняк топорщится вдали,
Редеет выцветшая травка.
И ноги сами понесли –
А как живёт Гражданкин Славка?!

* * *

Не узнаю родной реки,
 Где берега её крутые,
 Их страж лохматый – ивняки,
 Высокоствольные, густые?
 Где тот стремительный ручей,
 Стрелой летящий из колдобин, –
 В нём дед Калугин – книгочей
 Ловил язей широколобых?
 Да где ж рыбацкие места,
 Куда идти, какой тропкою,
 Где голубые омута,
 Ленивых сазанов покои?
 В одном из этих омутов
 Тонул когда-то брат Петрушка.
 А нынче – подтвердить готов! –
 Достанешь дно обычной кружкой.
 Мы прикипели все к земле,
 За это всем и честь, и слава.
 Но как сгубили мы в себе
 Земли зелёную державу,
 Когда топор в тот горький час
 Разбойно сёк по ивам нашим?
 Была ль заступница у нас,
 Как та некрасовская Саша?
 Я много видел тощих рек,
 И вновь глаза полны печали...
 Эх, люди, люди, в звёздный век
 Мы так душою измельчали.

ОЗЕРО ВЕРШНИК

Вершник – озеро глубокое,
 От лесов зеленоокое.
 Раскудряво от ветров,
 От купальщиц – будь здоров! –
 Нет в округе поразительней,
 И, конечно, соблазнительней.
 То не озеро, а клад,
 Не паслён, а виноград!
 Лишь взбугрят ветра гремучие,
 Как начнут леса дремучие
 Шелестеть о старине
 Не одну легенду мне.
 Как девицы-рукодельницы
 Песней радовали мельницу.
 Разливали дивный свет
 В пору прохоровских лет.
 И народу было ведомо,
 Что хозяин очень преданно

Песни русские любил,
К песнетворцам нежен был.
И приезжие, и здешние,
После праздника на Вершнике,
Отдыхая, речь вели
Да от солнышка цвели.
Погружали груди белые
И молодки, и дебелые.
Им не знать, что под волной
Сверлит оком водяной.
Выходили девы бодрые
Величавы, крутобёдрые.
Может быть, известно им,
Кто любился с водяным?..
Вершник – озеро глубокое...
От лесов зеленоокое...
То, что было – вот беда! –
Не расскажет никогда.

А МАТЬ-ТО ЗНАЛА

У дома клён от холода дрожал,
А я учиться в город уезжал.
Грядущей жизни радовался я,
Мол, ждут в общаге новые друзья.
Манила неизвестность за порог –
И никаких волнений и тревог.
И потому мне было не понять,
Что слёзы льёт, со мной прощаясь, мать?
Вот выучусь культуре – и вернусь,
Работать в сельский клуб определюсь.
А там полчку буду приносить
И травушку бурёнушке косить...
Откуда ж мне по молодости знать,
О чём горюет праведная мать?..
Не знал, а мать-то знала и тогда,
Что уезжал из дома навсегда.

* * *

Морозы откалякали,
Метель в долу слегла.
Сосульки с крыш закапали,
Оттаяла ветла.
Ручьи, буравя пажити,
Торопятся к реке,
Где лёд, дробясь, куражится
На вешнем сквозняке.
А в селах на завалинках,
Как стих, строка к строке,

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

Сидят в платочках аленьких
Старушки разудаленьки,
Как куры на шестке!

* * *

От бобров, от старости, от зноя
Падают деревья день-деньской.
Вздрагивает озеро лесное
Волнами, объятами тоской.
Долго успокоиться не может –
Берег ряской хлещет, как плетями,
Ибо знает, что деревья схожи
С древних лет до нынешних с людьми.
Ночь не зря покоем души лечит,
Память об ушедших бережёт.
Звёзды поминальные, как свечи,
Над Землею Божескою жжёт.

НОЧЬ

Сумраком лесной простор залатан.
Пали росы в травы у тропы.
Из небесной темной скорлупы
Вылупились звёзды, как цыплята.
Сел на ёлку месяц, будто на кол.
Всё ему, бодливому, с руки.
Глянул – заискрились светляки.
Шелохнулся – селезень закричал.
Мир, похожий на исповедальню.
Ивы – исповедницы добра...
За день, набуянившись, ветра
Медленно бредут в опочивальню.

ВОРОБЕЙ

День не в шутку раздождился –
Даже стало холодать.
Я под липой приютился,
Чтобы дождик переждать.
Думал, я один спасаюсь,
Но взглянул, а средь ветвей
Надо мной с куста свисает
Сероглазый воробей.
Я боюсь пошевелиться:
Не спугнуть бы воробья.
Он, видать, меня боится,
Хвостик-кроху теребя.
Ах ты, птаха неземная! –
Приласкать хотел его.
Да язык, увы, не знаю –

Он не знает моего.
Время Пришвиным заняться...
Он молчит, и я молчу.
И не хочет расставаться –
Я ведь тоже не хочу!
Только тучи опустели,
Дождь рассеялся как дым,
С воробьём мы разлетелись –
Он к своим, а я к своим!

БЛАГОДАРЕНИЕ

После зноя ливень беспросветный
Молниями высь перекрестил.
Да грома по жести прокатил
И ударил! Только в час рассветный
Буйные деянья укротил.
Встали в рост хлеба, цветы и травы,
Закипели птичьи голоса.
Всколыхнувшись, ожили леса.
И земли зелёная держава
Потянулась в Божьи небеса.
Смело, жизнелюбо, светоносно,
Не затем, чтоб птицей воспарить,
А затем, чтоб радость сотворить,
За спасенье от жары несносной
Господа Христа благодарить!

* * *

Здравствуй, солнце! Вовремя явилось.
Жарь лучи на взмокшие поля.
Ты для нас спасение и милость,
Ведь не зря ж тебя, миров светило,
Заждалась родимая земля!
А теперь мы будем с урожаем,
Веруя не в шутку, а всерьёз.
С урожаем – значит, продолжаем
Жить на свете, всех опережая,
Позабыв поток дождей и гроз.
Хлеб сберём. И снова землю вспашем,
Чтоб спокойно зимушку встречать,
Чтоб Россию – достоянье наше –
Вечной песней, что раздолья краше,
Материнским словом величать!

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Век живи в желтоглазой кувшинке,
В одинокой речной камышинке,
В предрассветной целебной росинке,
В материнской горящей слезинке,
В бездорожье живи и в предгорье,
В светлой радости, в буйственном горе,
В безысходности и в беспорядке,
И в разливистой тульской двухрядке.
Век живи в православной молитве
И в словесной, но праведной битве,
В хлебе, в музыке, в свадьбе и в тризне,
И в добре, и в любви к отчизне...
Вот и вся философия жизни!..

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

Ему сродни тайга и степи,
И глубь бездонная и брод.
Непредсказуемый Прилепин:
Писатель, воин, патриот.

Прошёл и сказ, прошёл и были,
Чреду кровавых бурь и гроз.
Убить хотели – не убили,
Бесстрашьем русским наградили –
В сердца людей при жизни врос!

«ЗАВТРА»

Газеты «Завтра» нет, пожалуй, выше
В разноязыкой прессе на Руси,
Где каждая страница правдой дышит,
В строках в избытке мудрости и сил.
Встаёт народ Байкала, Волги, Камы,
Как в древности, на ратные дела,
Чтоб стала жизнь по-прежнему светла.
Не зря ж в газете радужные храмы
Звонят, как Русь, во все колокола!

ПУШКИН

Пушкин был русской весной, Пушкин был
русскими утром... Певучестью и грацией
выразил основное в русской природе...

А. Луначарский

I
Был Пушкин русскою весной,
С её весёлою капелью.
Был Пушкин русскою зимой,
С её мятежною метелью.
Был пиршеством и ворожкой,
Осенней грустью, всплеском лета.
Был доброй и худой судьбой,
Судьбой российского поэта.
И долгой ночью, кратким днём
Был Пушкин – русская природа.
Не зря ж в одном вместились в нём
Все времена и боли года!

II
Стёжки теряются в травах,
Берег скрывают кусты.
Ветер волною кудрявой
Трогает робко цветы.
Вздрыгнула рядом осока,
Утка подпрыгнула ей.
Тучка из дали высокой
Краем коснулась ветвей.
Скоро вечерние зори
Вызвездит вновь тишина.
Тихо отправится Сороть
В пушкинские времена.

III
Ветра на отдых спрятались в копне.
Нависли тучи. Небо отзвездилось.
И незаметно в чёрной тишине
Столетье двадцать первое забылось.
И путается Сороть в камыше,
И выдохся соловушка заречный.
И что-то откликается в душе,
Когда в ночи подумаешь о вечном.
Сплошная темень ползает, ворча,
Да невозможно разобрать ни слова.
Но светится в Михайловском свеча –
Должно быть, Пушкин пишет «Годунова».

IV
Утро пробудилось. Ожил бор.
Солнце выкатилось из-за гор.
И любясь собственной красой,

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

Белка умывается росой.
Задышал прохладой Маленец,
Вдохновений пушкинских творец.
Утка порасправила крыла.
Монастырь забил в колокола.
Начал души звоном бередить,
Пушкина пытаясь разбудить...

V
Успокоилась природа.
Одевает землю тишь.
Как дождевки, с небосвода
Звёзды сыплются в камыш.
Да ни шороха, ни всплеска –
В сон впадает водоём.
И темнеют перелески,
И темнеет окоём.
Только липы, звёздным светом
Поднапудрившись слегка,
Ждут влюблённого поэта,
Что придёт наверняка.

VI
Шумят Михайловские роши,
Да не шумят, а даль поют.
И чем древней они, тем проше,
Зовут в извечный свой уют.
Где живы графы и крестьяне,
И первозданный дом и двор.
За самоваром Пушкин с няней
Ведут о сказках разговор.
Фольклором, песней, рукодельем
Пленяет Пушкина она.
А в гости едут Пушин, Дельвиг –
И вновь пирушка допоздна.
В речах гудит Лицей как пчельник.
Друзья, какая ссылка тут,
Когда, как прежде, в час вечерний
В Тригорском Осиповы ждут?!
Скорей коня! Долой волнение.
На плечи плащ. И за порог.
Летит он к чудному мгновенью,
Как самый дерзостный пророк.
В душе «Онегин» и «Цыгань»,
«Арап Петра» в душе кипит,
А всадник скачет сквозь туманы,
Сквозь время вешее летит.
Бессмертье вихрем плащ полощет,
А Пушкин мчится, гой еси!..
Шумят Михайловские роши,
Да так, что слышно всей Руси!

К 225-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

По-юношески весел и ершист,
Хотя уже давно не лицеист.
Куда он скачет: к славе ли, к добру? –
Не в этом дело. Лишь бы на ветру!
И жизнь вольна, прекрасна и легка...
До Чёрной речки целые века.

X
Над Невою тучи отсырели,
Отсырели сосны и цветы,
Разводные невские мосты
И дворцы великого Растрелли.
В моросе ростральные колонны,
Как не раз бывало на веку.
Гулко чайки падают в реку,
Словно с трона царские короны.
Прошлый век в душе не умолкает,
Как с листвою играющий борей.
Тонкий дождик с пушкинских кудрей
В наше время медленно стекает.

XI
От Маленца до Сороти луга,
На днях вскипят густые сенокосы.
Топоршатся кустами берега,
Хмелеет даль от птиц разноголосых.
С холма, поразменявши век второй,
Обхвата в два гривастые деревья
Глядят на мельницу, что под горой
Степенно перемальвает время.
Так было встарь. И нынче вроде так:
Пылится меж усадьбами дорога.
В Михайловское тычется верста,
Но душу жжёт неясная тревога.
Сирень, сутулясь, сжалась под окном.
Родня и слуги умерли от горя,
Что Пушкин не вернулся в барский дом –
Навеки поселился в Святогорье.

XII
Святые Пушкинские Горы,
Приют вселенского певца,
Где слову, музыке и хору
Ни края нету, ни конца.
Звенит природа и клокочет,
В себя вобрав холмы и лес,
Пока к середине душевной ночи
Не вознесётся до небес.
Творец всему – поэт всеильный,
Во тьме не канувший во тьму.

Не зря дороги всей России
Ведут, как к Господу, к нему.

XIII

От Пушкина оттаял наконец,
Меня покинул пламенный творец.
Пронёсся вдохновенной круговертью –
И отлетел в законное бессмертье.

XIV

Разыгравшись на белой равнине,
Развенчала метель тишину.
Закидала в забытом овине
Молодыми снегами луну.
Даль встревожена посвистом бойким...
Так и кажется:
 где-то у вех
Колокольчиком пушкинской тройки
Всё звенит девятнадцатый век.

XV

Глазами полузрячими избушек,
Что горбятся, как бабки, у плетня,
Глазами керосинок и коптишек
Глядела Русь на юного меня.
А я-то знал, что вырасту и ринусь,
Хоть сколько ни случись в дороге бед,
Сквозь тьму тайги и жуткий мрак равнины
Увижу белый выстраданный свет.
И тяжело было, больно и жестоко.
Кровавая душу, предков не корил.
Узрил я Русь и Пушкина, и Блока,
Святую Русь Есенина узрил.
Высоко в небо птицей поднимался,
Развенчивая подлость и покой.
Как пахарь, в землю отчую вгрызался
Душой и поэтической строкой...
Не отрекусь от вымершей коптишки,
От Брестской крепости не отрекусь.
Во мне, как жизнь, и Родина, и Пушкин,
Во мне, как жизнь, есенинская Русь!

Игорь КРЕСТНИКОВ

ПОРТРЕТ СРЕДЬ БЕЛЕЮЩИХ БЕРЕЗ.

Интервью

Книгу Нины Бойко о Михаиле Юрьевиче Лермонтове, удостоенную Лермонтовской премии, представлял в Министерстве культуры России директор Лермонтовского музея «Середников»... Михаил Юрьевич Лермонтов.

«Терпеть не могу, – говорит Бойко, – когда писатели кичатся: у меня двадцать книг, у меня тридцать... Господи! Да напиши ты одну, но такую, чтобы навеки!» Но мы всё-таки скажем читателю, что у неё двенадцать изданных книг и множество журнальных публикаций.

– *Нина Павловна, вы жили на Западной Украине. Что скажете про нынешний укронацизм?*

– В 1970 году я жила и работала близ Львова. Люди прекрасные, гостеприимные, благодарные. Мне было легко и спокойно. Во Львов наезжала по воскресеньям – это очень красивый город, центр в венском стиле, поскольку сто лет был австрийским. Никакого деления на «украинцев» и «русских» не наблюдалось. Так было и в Грузии, где тоже пришлось мне жить и работать. Происходящее теперь на Украине – от алчности отдельных нелюдей: им платят за раздувание вражды, как платили и в Грузии точно таким же. А человек по натуре доверчив. Чем это кончилось для Грузии, все знают...

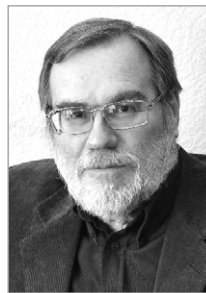
– *Для каждого автора первая книга незабываема – расскажите о своей...*

– Это как раз тот случай, о котором я сказала выше. Наша семья жила в Грузии, муж работал на строительстве гидроэлектростанции, я преподавала фортепиано в музыкальной школе. В 1990 году в Грузии вдруг начались протесты против России! Спрашивается, чего не хватало? По телевизору заклинания из четырёх слов: аннексия, агрессия, агент, оккупант! «Всех русских надо выселить! – слышалось на перекрёстках. – Мы должны возродиться, мы великий народ! Мы не хотим быть придатком России, там всего полно, а в Грузии ничего нет. Мы отделимся, и у нас будет всё!» Кончилось это ночным митингом в Тбилиси. Рвали портреты первого секретаря компартии Грузии, мазали его лицо на портретах чёрной краской, кричали, что он продан Кремлю. Патиашвили вызвал войска, митингующих разогнали.

То, что пришлось мне пережить и понять, хотелось донести до всех людей, чтобы не обольщались «патриотическими» напевами. Так родилась книга «На тот большак». Издание профинансировал

Игорь Викторович КРЕСТНИКОВ родился в городе Березники Пермского края. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета (1984). В журналистике с 1980 года. Работал корреспондентом заводской газеты «Мотовилихинский рабочий», в областной газете «Молодая гвардия» (1982–1990) – от стажёра до заместителя редактора, обозревателем еженедельника «Капитал-Weekly» газеты «Звезда» (1998–2000). Основные темы публикаций: экономика, промышленное развитие Пермского края. Лауреат областного конкурса имени А. Гайдара (1990). Ответственный секретарь, зам. главного редактора краевой газеты «Звезда» (2000–2017). Член Союза журналистов (1985).

Источник: <https://perminfo.com/?reporters=krestnikov-igor-viktorovich-2>.

директор Губахинского ОАО «Метафракс» Анатолий Иванович Ожегов, и я всю жизнь ему благодарна. Но что вытворяло Пермское книжное издательство – редактировали книгу семь месяцев! Когда уже кончилось моё терпение и я гневно вошла в кабинет директора Лебеденко, он заявил: «Вы не Майн Рид». Издательство в это время как раз занималось Майн Ридом – томов 18... Когда наконец моя книга ушла в типографию, Лебеденко потребовал новую мзду – теперь за печать. Откуда мне знать тогда было, что договор на издание книги – это получение книги в готовом виде. Типография «Звезда» не отдала мне тираж, так как Лебеденко за него не заплатил. Пришлось брать по несколько штук, самой продавать, а на вырученные деньги брать следующие книги. Это был ужас – я никогда ничем не торговала, и было стыдно!

И вот однажды мне говорят: «Тебя ищет секретарь Пермской писательской организации – принимать в Союз писателей России». Я не могла поверить – и не пошла. Потом мне напомнили, и месяца через два я решилась. Оказывается, книгу прочитала начальник областного управления культуры Лидия Алексеевна Лисовенко, позвонила в писательскую организацию: «Бойко нужно принимать в Союз». Алексей Леонидович Решетов написал рецензию, а потом с удивлением говорил мне: «Вылезла из дыры – из Губахи, сразу с готовой книгой и никому пятки не лизала». Через год мою книгу похвалил на пресс-конференции в Дивногорске Виктор Петрович Астафьев.

– *Года три назад спектакль по вашей пьесе «Куда вы, облака?», поставленный студией-театром «Доминанта» из Губахи, получил первое место на театральном фестивале в Перми...*

– Только не по пьесе, а по роману-диалогии. Я и представить не могла, как можно материал о коллективизации показать на сцене, – это же целая эпоха с десятками людских судеб. Но Любовь Фёдоровна Зайцева очень талантливый режиссёр, а для таких людей препятствий не существует. Придумала использовать диковинный для театра траволатор, который способен менять сцену за сценой. Я была на премьере. Как хорошо играли артисты! К тому же умное музыкальное сопровождение, создающее выпуклость и настрой, – действие разворачивалось совсем как в кино.

– *Это первая постановка по вашим произведениям или были ещё?*

– Была ещё одна. Детская театральная студия в Домодедово поставила пьесу по моей сказке «Как коты ходили к римскому папе». Ребятишки сыграли задорно, весело, а главное – профессионально, несмотря на то что возраст 7–8 лет.

– *А сами вы пьесы не пишете?*

– Для меня всё решил случай. Прочла в Интернете воспоминания капитана танкера из Санкт-Петербурга, изложенные настолько образно, живо, с юмором, что сразу подумалось: если оформить художественно и добавить любовную линию, будет отличный фильм. Связалась с автором, и с его согласия принялась за киносценарий – фильм по нему успешно бы заменил в новогоднюю ночь фильм «С лёгким паром!». Почти год ушёл на работу. При необходимости Сергей Александрович меня консультировал. Стала искать режиссёра. Откликнулся Василий Валерьевич из Петербурга, помог доработать сценарий. Увы, запустить фильм не получилось из-за нехватки

средств, и по этой причине я сейчас не называю фамилий капитана и режиссёра...

– *Вы меня удивили! Где вы и где Питер? Тем более сухопутная Губаха и флотский юмор?..*

– ...Но проделанная работа помогла мне понять драматургические требования – я уже знала, что нужно. На данный момент готов ещё один киносценарий – по мотивам рассказа Гарина-Михайловского «Клотильда» и три пьесы.

– *И каково в наше время быть драматургом? По чеховскому счёту...*

– А вы знаете, ничего не изменилось со времён Чехова. Что было тогда, то и теперь.

– *Чаше в каком жанре работаете?*

– Во всех. Как говорил Антон Павлович: «Я писал всё, кроме стихов и доносов». Я, например, люблю живопись, и из этой любви родилось 23 очерка о русских художниках.

– *Расскажите, очень интересно!*

– Ну, взять хотя бы картину В. И. Сурикова «Переход Суворова через Альпы». Смотришь и думаешь, что художник показал лишь смекалку великого полководца. Картина не останавливает внимания. Но когда узнаёшь, что это измученная и преданная союзниками, но не потерпевшая ни одного поражения русская армия пробивается в Россию, что Суворов дружеской шуткой подбадривает солдат, – воспринимаешь совсем иначе. В своих очерках я рассказала о создании и участии более ста картин гениев русской живописи XIX века. Вскрыла неизвестные и порой драматические подробности авторских судеб.

– *Были публикации?*

– Неоднократно. Книга «Истории знаменитых полотен» вышла в Ростове-на-Дону. В течение десяти лет московское издательство «Айрис-пресс» издавало мои материалы отдельными папками для школ и колледжей. Также несколько лет подряд их публиковали столичные журналы. Президент Международной галереи «НИКОР» Леонид Феодор писал: «Казалось бы, уже невозможно открыть ничего нового в эпохе Серебряного века, однако, читая очерки Нины Бойко о художниках, понимаешь, как мало мы ещё знаем о них».

За очерк о художнике Крамском мне присвоено звание «Серебряное перо Руси». Выставила материал на сайте ПРОЗА.РУ, и если зайдёте на мою страницу, увидите, что больше всего люди читают очерки о художниках и биографии Лермонтова и Александра III, хотя у меня и романы там есть, и рассказы, и фельетоны.

– *Ну-ка, ну-ка! Разве мало написано о Лермонтове?*

– Да в том-то и дело, что много написано, а представить поэта живым невозможно. К тому же лгут без стеснения. Вот отзыв читателя ПРОЗЫ.РУ: «Вашей книге о Лермонтове суждено бессмертие. Сколькое нового, доказанного Вами! Сколь неопровержимы Ваши аргументы! И сколь безобразен процесс очернения гениальных личностей нашей культуры и истории...» В 2019 году – всего лишь за рукопись этой книги – я была награждена серебряным призом Международного форума «Золотой витязь», проходившего в Пятигорске. Было огромным счастьем прожить в Пятигорске неделю, тем более что наш пансионат находился в двух шагах от домика Лермонтова, а выше начиналась дорога к некрополю, где Михаил Юрьевич был

похоронен. Я всё обошла, узнавая важные детали, которые потом внесла в книгу.

– *Не могу не спросить: касались ли вы темы о сомнительности авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия»?*

– Конечно. Вот выдержка. «Многие годы собирали исследователи творчества Лермонтова его стихи, записанные в альбомы друзей и знакомых и не всегда его рукой. Неудивительно, что пародия Д. Д. Минаева «Прощай, немытая Россия» была ошибочно опубликована под фамилией Лермонтова.

Но разве мог Лермонтов, боготворивший Пушкина, так надругаться над его строкой «Прощай, свободная стихия!»! «Минаев – безнравственный пересмешник!» – раздражённо писал князь Владимир Мещерский. Многие литературоведы возмущённо доказывали непричастность Михаила Юрьевича к данной фальшивке, но, несмотря ни на что, весь XX век Лермонтову приписывалось это гнусное стихотворение, переходя во все школьные учебники, во все томики и собрания сочинений поэта».

– *Когда книга была издана?*

– Вышла в Вологодском издательстве, разошлась по России, будет второе издание.

– *А что скажете про биографию Александра III Миротворца?*

– Он не менее Лермонтова был оболган литературными творцами. Особенно Пикуль старался разрисовать его. А между тем ещё в цесаревичах 36-летний Александр командовал на Балканах 70-тысячным отрядом. «Редкий начальник пользовался таким авторитетом, как цесаревич в своем отряде, и редкому начальнику верили так слепо его войска, как наследнику. Всегда спокойный, уравновешенный, упорный, он эти качества передал и своим подчинённым, и тяжёлая работа делалась в Рушукском отряде без горячки, уверенно» (генерал-майор В. П. Никольский). «О государе-наследнике говорят здесь с восторгом: его обожают от солдата до генерала» (художник Василий Верещагин). Кстати, сам Верещагин во время войны едва не потерял ногу, участвуя в атаке на турецкий фрегат.

Став императором, Александр все силы прилагал к недопущению войн, и за 13 лет его царствования не было войн по всей Европе. Находясь при смерти, измученный застарелым нефритом (который подхватил на русско-турецкой войне, когда проживал в хижине), получал массу телеграмм. «Внимание всей Европы было приковано к Ливадии. В эти дни с особенной ясностью обнаружилось, какой громадный престиж и какое громадное значение имел император Александр III во всей мировой политике. Все без исключения газеты – всех направлений и всех стран – писали русскому императору благодарности, признавая его громадное значение в международной жизни всего мира, отдавая справедливость его миролюбию и благородному, прямому характеру» (С. Ю. Витте).

– *Книга ещё не вышла?*

– Вышла, у меня же с вологодским издательством сложились хорошие отношения.

– *Давно хочу спросить: почему вы не перебрались хотя бы в Пермь?*

– А зачем? От того, что я буду жить в Перми или в Москве, у меня не прибавится ни таланта, ни работоспособности. В Губахе

мне нравится, это мой родной город, тут кругом лес, без которого я не мыслю себя. 12 лет я искала сведения по истории Губахи, перекопав архивы, и таким образом были написаны три книги. Много помог священник Кизеловской церкви Алексей Гоголев. Разве не интересно узнать, что в 1810 году, на подступах войны с Наполеоном, выполняя приказ Государственного Совета, с Губахинской пристани на реке Косье было отправлено казне 15 240 пудов снарядов Кизеловского чугунолитейного завода!

А какое переплетение судеб! 21 октября 1863 года на вершине Крестовой горы был установлен чугунный крест, отлитый на Кизеловском заводе по указанию князя Семёна Давыдовича Абамелек-Лазарева, посетившего Губахинские копи 13 сентября того же года. Высота креста – 3,2 сажени, то есть 6,5 метра. Приятно, что крест поставил именно Семён Давыдович – человек высокой чести, друг Михаила Юрьевича Лермонтова, который, как никто, разбирался в людях и своей дружбой удостаивал немногих. Лермонтов и Абамелек-Лазарев вместе учились в школе гвардейских юнкеров, служили в одном полку, серьёзно увлекались живописью. На проводах опального поэта на Кавказ, после его дуэли с де Барантом, среди товарищей Лермонтова по полку был и Семён Давыдович...

*В руках
у М. Ю. Лермонтова,
директора Национального
Лермонтовского центра
в Середниково,
внучатого племянника
великого русского поэта,
книга Н. П. Бойко
«Лермонтов. Тоска
небывалой весны»*

Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и работала на Западной Украине, в Херсонской области, на Кубани, Урале, Алтае и в Грузии. Член Союза писателей России (1998). Основные литературные жанры: проза, публицистика, документалистика. Лауреат первой премии Всероссийского журналистско-литературного конкурса «Моя малая Родина» (2002), дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (2005), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (2010), лауреат журнала «Молодая гвардия» (2011), лауреат литературной премии имени А. Платонова (2011), кавалер ордена Достоевского II степени (2014), обладатель серебряного приза Международного форума «Золотой витязь» (2019), лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова (2021). Живёт в городе Губахе.

Геннадий ВЕРШИНИН

НАШ ПОЭТ. Воспоминания о Валерии Возженникове. Из переписки

ЗЕМЛЯНИКА СО СЛИВКАМИ...

– Здравствуйте. Вы не подскажете, где живёт Валерий Леонидович Возженников? – спросил вышедшую из сельского магазина женщину.

– Здравствуйте. Вот по этой улице всё прямо. А как ложок перейдёте, дом его второй и будет. На левой стороне. К нашему поэту в гости? – в голосе женщины явно угадывалась гордость за земляка-писателя.

И спустя полчаса мы уже сидим в уютной кухне деревянного дома, у крыльца которого пламенела калина красная: не всю её ещё обклевали птицы, словно чувствуют – вдруг певцу уральского края спелая ягода подарит какой-либо поэтический образ. От шкворчавшей на сковородке глазуньи, от стоящей на столе тарелки с квашеной капустой возженниковского засола во рту скапливалась слюна. А может, и от ещё непочатой чекушечки?

– Хорошо, Гена, что ты сегодня с ночевой. А то приедешь к своей родне в Григорьевское, а ко мне в Постановги на часик-полтора и заскочишь только.

Потерявший полтора года назад жену Валерий Леонидович, из-за недугов ныне редко выезжающий в Пермь, искренне рад навещающим его собратям по перу. С воспоминаний об одном из них и началась наша беседа.

– Каким чутьём я почувствовал, что Миша Смородинов умирает, не знаю. Но с утра сбежал за околицу, насобирал земляники, у соседей взял сливок. Добрался до Юрши, где он жил на 16-м этаже. Захожу – Миша лежит. Вера его растормошила, спрашивает, узнал ли, кто приехал. Он глаза приоткрыл, кивнул – дескать, узнал. Мы пожали друг другу руки. Правда, совсем слабенькое у него рукопожатие уже было. Миша, будешь земляничку? Со сливками? Подбородком кивает: «да». Вера приподняла его, размешала землянику. Три чайные ложечки он проглотил и снова лёг. Под вечер я уехал, а утром он умер. Отведал перед смертью постановговской земляники и ушёл...

Геннадий Васильевич Вершинин родился в Лысьве 17 октября 1949 года. В 1973-м окончил филологический факультет Пермского государственного университета по специальности «Филолог. Преподаватель французского языка». Журналист, прозаик, поэт, бард. Автор одиннадцати книг (проза, стихи). Лауреат Всероссийского конкурса «Золотое перо России» за цикл публикаций о возрождении русской деревни. Один из инициаторов и первый руководитель Лысьвенского литературно-поэтического объединения «Родник». В 2012 году при городском музее основал литературно-историческую газету «Родная Лысьва» и был первым её редактором. Член Союза писателей России (2020). Публикации (проза, стихи) в журналах «Смена», «Урал», «Родная Кубань» (Краснодар), «Стародуб» (Красноярск), альманахе «Литературная Пермь», «Мы – земляки» (Пермь). Живёт в городе Перми.

Такой ещё случай. Принимали меня в Перми в Союз писателей. Просят прочесть свои стихи. Встал и... не могу вспомнить ни одной строчки. Хотя до этого помнил и свои стихи, и чужие. А тут стою как столб – растерялся. Тогда Миша поднялся и прочитал целый цикл моих стихов. Причём не сделал ни одной ошибки не только в тексте, но и в интонации. Не менее десятка стихотворений – они у меня в основном короткие – прочитал Миша комиссии. И Быкова, третий секретарь обкома партии, присутствовавшая на заседании, сказала: «Если стихи автора знают наизусть другие, надо принимать его в Союз». Вот так меня выручил Миша.

– Валера, можно я диктофон включу? Если что-то «родится», перед публикацией дам перечесть.

Леонидыч махнул рукой, и мы поехали дальше.

ПРЕДЗИМНИМ ВЕЧЕРОМ

– Вот за окном самое настоящее предзимье. Нравится мне это слово. Я много раз задумывался, почему почти ни у одного поэта нет стихотворения о предзимье. Это пробел в русской литературе. Есть в стихах весна, осень, зима. А про бабье лето вообще тысячи стихов написаны. Так вот, Гена, я желаю тебе и себе, чтобы в нашем творчестве присутствовало предзимье.

– А может, из-за того обходят стороной это время года, что оно ассоциируется с закатом жизни?

– Кто его знает? Может и впрямь срабатывает инстинкт самосохранения человека. Ведь предзимье – это же опустошение сил. А слово и мысль – материальны. Но если исходить из рязановского утверждения о том, что «у природы нет плохой погоды», то и предзимье заслуживает быть отражённым в литературе.

– Тут мы Михаила Смородинова хорошо помянули. А кто из пермских поэтов тебе ещё близок? Погоди. Хочешь, отгадаю? Алексей Решетов? Очень уж у него ёмкие, образные стихи!

– Понимаешь, Решетов – отдельная поэтическая страна, явление, не побоюсь сказать, мировой культуры. Однако этого поэта надо оценивать не только по масштабу и не столько по размеру стиха, ёмкости по-твоему, сколько по компрессии чувства и мысли. В этом равных ему я не знаю. Вишневский? Так ведь у него слабое давление в строке, почти нет горючей смеси: напряжённости, драматизма. Поэтому вместо мгновенной вспышки получается в одной-двух строчках затянутый по восприятию пшик. Но не в этом суть.

Не надо, помня о библейской заповеди, делать из Решетова кумира. Особенно начинающим авторам. Даже гений из гениев порой не может сказать ярче и образнее, чем какой-нибудь паренёк из деревни Тыковка. Если, конечно, не окумируется. Это тоже относится к закономерностям поэзии. Вся прелесть – в самобытности и своеобразии автора, точнее – его судьбы. Как-то Алексей Леонидович, почуяв, видимо, во мне червь неполноценности, утешил меня: «Да не молись ты на классиков! Все мы пишем одно стихотворение об одном и том же» – «О смысле жизни?» – спросил я. В знак согласия Решетов улыбнулся. Поэтов надо просто любить, а не возносить их до Небожителю.

– Валерий Леонидович, почему, на твой взгляд, уходят из моды поэмы, сюжетные стихи? Сколько поколений воспитывалось на

поэмах Твардовского, я уж не говорю о Пушкине. А ныне какой сборник, журнал ни открой – авангард, рифмованные философские размышлизмы, словом – стихи с претензией на элитное чтение.

– Тут, видимо, дело в утрате традиций как в русской поэзии, так и в прозе. Возьми Толстого. Как он описывает бал! Каждую пяточку, носочек, каждую ноту. А ныне пишут схематично. И мне кажется, русская литература здесь теряет себя. Ведь что такое поэма? Это одухотворённая проза, одухотворённый в стихах быт. Если стихотворение сравнимо с песней, то поэма – это как опера. Там такая глубина заложена! Поэма не случайно от слова «поэзия». Какой всплеск души чувствуется у того же Решетова в «Хозяйке маков»! Это ведь не стихотворение, а поэма. И жаль, что она уходит из русской литературы.

«МНЕ КАЖЕТСЯ, МЫ ВОЗНИКЛИ ИЗ ЛОШАДЕЙ»

Безусловно, находясь в крестьянской избе, в центре российской глубинки, мы не могли не поговорить о деревне – прошлой и нынешней, о труженице-лошадке, без которой, по сути, были бы невозможны сегодняшние полёты в космос.

– У лошадей стать лучше любой балерины. У них грация с рождения, на всю жизнь. Мне вообще кажется, что мы возникли из лошадей. Более благородного и умнейшего животного я не встречал. Не зря ведь, Гена, кентавры-то были!

Однажды слышал такую историю. Ехал по горной дороге верхом на коне новый русский. И хлестал он его, бил каблуками – чем попало. Не выдержал конь: у отвесного обрыва скидывает седока на дорогу, берёт его зубами за пояс и трясёт над пропастью. Но лошади не такие мстительные, как люди. Конь положил его обратно на дорогу и ушёл.

И ещё о лошадке. Еду как-то домой на автобусе, в Краснокамске он останавливается на заправку. Люди вышли. И тут перед нашим взором появляется конь с телегой, идёт поцокивает подковами. И у меня – это был второй случай в моей практике – мгновенно сложились стихи. Правда, тут немножко есть что-то от Блока, – мой собеседник, глянув в окно, на минуту задумался, словно созерцал гарцующего по мостовой коня. И зазвучали идущие из сердца строки:

*И вновь, как полем неоглядным,
Без суетливости пустой,
Четырёхстопным русским ямбом
Проходит конь по мостовой.*

*Не ярк груз: кули, бидоншы...
Но подойди и погляди,
Как перекатывают солнце
Крутые мышцы на груди,*

*Как дышит он в булыжный холод, –
И потеплеет сразу взгляд.
Проходит конь – и следом в город
Скворцы и ласточки летят.*

*И опадает сажа с яблонь.
И веет тютчевской грозой...
Четырёхстопным русским ямбом
Проходит конь по мостовой.*

Здесь как-то сама собой в нашу компанию напросилась Валерина гармошка. «Ты, конёк вороной, передай, дорогой...», «Мы с тобою не дружили, не встречались по весне», «Эх, дороги...», «Огонёк», любимая Виктором Астафьевым и Василием Шукшиным «Миленький ты мой» – каких только песен мы не перепели в тот предзимний вечер!

В ПОДАРОК – ЯПОНСКИЙ БИНОКЛЬ

Из сборника «Белые незабудки», который Валерий Возженников подарил лет пять назад, мне запали в душу такие его строчки:

*Кроха жаворонок в сини
Трепыхается, чудной,
Будто тянет, что есть силы,
Всю планету за собой.*

*К солнцу, к свету, в мир погожий,
Ближе к страдному теплу.
Тянет – вытянуть не может.
Ток струится по крылу.*

*В тесном горле сердце бьётся,
Пух слетает на поля.
И – представьте! – подаётся
За пичугою земля.*

Разве бы могли родиться такие тёплые, лирические стихи, живи Валерий Леонидович где-либо в крупном городе? Кстати, многие писатели из глубинки переселились в своё время в столицу, областные центры. Возженников остался верен селу.

– Дело в том, что я оказался там, где я должен быть. А если бы льготы, звонки, поклонницы, квартира? Квартира в Перми могла бы точно быть. Но и я бы стал другим. Я бы не писал такие стихи о жаворонке, о деревне, о Гнедухе. А писать про трамваи, троллейбусы, электрическую дугу – это не по мне. Меня и мама учила: «Валерочка, куда тебя душа ведёт, туда и иди». Потому я и здесь, в своей усадьбе Постоноги, за что и благодарен судьбе, – улыбается Валерий Леонидович.

А она, судьба, бросала Валеру и на Сахалин, который по заданию Хрущёва поднимал его отец. Однажды 14-летний паренёк плыл на большом теплоходе «Якутия». Раз вышел на палубу с гармонью и заиграл «Сахалинский вальс»: стихотворение с таким названием Валерий прочитал в «Советском Сахалине», а мелодию сам подобрал. И такой славный вальс получился, так задущево его играл юный гармонист – пассажиры на палубе танцевать стали! А когда умолкли басы, капитан теплохода подошёл к пареньку, снял со своей шеи японский бинокль и подарил его Валере.

Вернувшись на Урал, Валерий после окончания школы ФЗО работает в Верещагинском паровозном депо токарем.

– Работал я на тяжёлом станке, обтачивал колесные пары, их бандажи и шейки для грузового паровоза «ФЭД» и для пассажирского «ИС» (Иосиф Сталин). Про паровоз, названный в честь вождя, даже песню в ту пору пели: «Он теперь ведёт «Иосиф Сталин» – самый лучший в мире паровоз», – вспоминает Леонидыч. – Особенно тяжёлой и опасной была грубая обточка детали. Ведь у того же «ИС» ведущая колесная пара весила пять тонн. Представляешь, Гена, каким был сам станок, сколько весили ключи, резцы! Стружколоматели не выдерживали, и стружку приходилось отбивать стальным ломиком. На том треклятом станке стружечной петлёй одному токарю отрезало голову: не успел отбить ломиком стружку... Я по первости так уработывался, что в душевой падал на лавку и отключался. Зато потом армия мне показалась лёгкой прогулкой с семечками.

«ДВА АНГЕЛА КРУЖИЛИ НАДО МНОЙ»

После демобилизации Валерий Возженников окончил исторический факультет ПГУ и более четверти века работал в Постановгах сельским учителем, завучем, директором.

В юности его жизнь, случалось, висела на волоске. На том же теплоходе «Якутия», когда в нейтральных водах все пассажиры по команде капитана укрылись в трюмах, Валерка – интересно же: американские самолёты над самой головой проносятся! – спрятался под парусиной, укрывающей шлюпку. Воздушным вихрем от пролетавших самолётов снесло парусину. За ней бы и парнишка полетел за борт, но в последний момент он успел ухватиться за крепящую шлюпку растяжку. И как-то в паровозном депо малиново-раскалённая стружка, вдребезги разбив защитные очки, едва не лишила зрения молодого токаря. Кстати, шрамы на теле по сию пору напоминают о той проходной, «что в люди вывела» поэта. Спустя годы Валерий объяснит причину своей везучести-живучести:

*Два ангела кружили надо мной –
То были руки матери родной.*

А я уверен: сам Всевышний бережёт поэта российской глубинки, чтобы нам, читателям, дать возможность насладиться его проникновенными, трогающими душу и сердце стихами.

...На другой день Валерий Леонидович заташил меня в сельский клуб: «Сегодня там селяне отмечают День матери. Попросили меня выступить со стихами. Надо сходить. Я слово дал. Давай, Геннадий, и ты пару своих стихотворений прочтёшь. Ладно?»

И мы пошли по заснеженной улице. До клуба метров двести, а Леонидыч раза три останавливался передохнуть: ноги после операции мозжат. Когда же он встал и начал читать землякам стихи, мне показалось, Валерий абсолютно забыл о болячках: так искренне и вдохновенно лились строки.

Пусть почаще крылатый Пегас бьёт копытом у калитки «нашего поэта». Валера, я тебе сердечно признателен, ведь –

Когда стихи твои читаю,
Я слышу жаворонка трель –
И боль в груди моей стихает,
И кружит, кружит чувств метель.

Геннадий Вершинин
Ноябрь 2008 года. Пысьва – Постановги.

P.S. Валерий Леонидович Возженников умер 21 февраля 2011 года, а 22 февраля ему бы исполнилось 70 лет...

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ВАЛЕРИЕМ ВОЗЖЕННИКОВЫМ

* * *

Дорогой Гена, спасибо за царские подарки!... «Крест бесконечный» (переписка писателя Виктора Астафьева с критиком Валентином Курбатовым. – авт.) тоже получил! Спасибо и за стихи, посвящённые мне. Рад также и тому, что ты оставил свой голос на лазерном диске...

Теперь по поводу Сергея Старкова. Ты прав, он силен. Но в силе его – слабость его. Так бывает. Это какой-то двуглавый поэт! И Запад, и Восток. В результате расплывает свой несомненный талант по разным жанровым полям и полянкам... Взмах его поэтических крыльев до того широк и могуч, что, не дай Бог, оторвётся от русских классических традиций... Вот тогда-то завистники (я уверен, что они у Сергея есть) могут сказать: «А орёл-то «безглавый!». В смысле – «безголовый», дурак то есть. Короче, Серёже надо определиться с жанрами. Вот тогда он заблестит не только эрудицией, но и душой. А душа-то у него всё-таки поэтическая. Но коль ты сказал, что у него всё впереди ещё, то я стараюсь приглушить свою тревогу за поэта. Сам не осмелился ему это высказать, хотя он оставил свой адрес. Счтёшь нужным, передай ему мои мысли и обязательно – спасибо за книгу. За книгу-то передай в любом случае «спасибо». Может, это первое впечатление у меня такое. Наворотил он больше, чем весь наш СП написал. Сразу не разберёшься.

Гена, твоя подборка в «Складчине» мне понравилась. А стихотворение «Это кто ж к весне подкрасил...» – просто хрестоматийное. Статьи в газете – добрые и славные! Спасибо!

Гена, так ли необходимо моё фото? Нет у меня подходящих. В крайнем случае, можно скопировать с «Белых незабудок». Так ли необходимы мои стихи? В случае чего, сам выберешь из «Белых незабудок» что-либо.

С Рождеством тебя Христовым! Пусть оно никогда не покидает тебя! Здоровья!

Обнимаю – Валерий.

Канун Рождества 2005 года.

Усадьба Постановги (чуть не написал «Ясная Поляна»).

* * *

Дорогой Гена! Поздравляю с юбилеем ваше литобъединение «Родник». Поздравляет вас и Нытвенское литобъединение «Родник» в лице его руководителя Ивана Григорьевича Игнатьева. Какие жи-

вотворящие имена-тёзки у наших литобъединений! Однако озадачил ты меня своим предложением высказаться по поводу славного юбилея... Попытаюсь высказаться с условием, что ты подредактируешь мои «пенки» или совсем не публикуешь. Не обижусь. Не дорос я до той высоты, чтоб советовать. Просто попытаюсь выразить свои мысли письмом к тебе.

«Поэзия – это от Вышнего Промысла...»

Будь моя воля, я бы всем литобъединенцам приладил особые курсантские погоны: небесно-голубые, с изображением белого ангела в золотом осиянии. Потому как убеждён, что литература, паче поэзия – всё это от Вышнего Промысла. А поскольку звание моё не выше курсантского (профессионалом-то я себя не считаю), то и советовать что-либо другим не могу. Себе – другое дело.

Так вот, лирик Валерик, прежде чем через своё «я» обратиться к читателям, вспомни строки Петра Градова: «Все говорят, что нефти не хватает, а не хватает в мире – доброты». Вот от этой печки и пляши... А не то получишь от чёрта чёрный диплом с отличием.

Не жалуйся на свой малый словарный запас, хотя и пополняй его. «Будто я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне...» Это ли не шедевр образности?! А ведь составлен он из слов, которые по отдельности знает каждый первоклассник. Перефразируй чуюк Николая Бурашникова – и получишь то, что надо:

*Только интересен нам поэт,
А до эрудита нам и дела нет.*

К свободному полёту души и пера относись настороженно. Не духовная ли прелесть тебя носит? Не возомнил ли ты себя полпредом Творца в поэзии? Бывало, бывало с тобой такое: писал обо всём и ни о чём. А настоящие – добрые и Богу угодные стихи пишутся трудно, ибо там, где свет души, всегда вьются силы тёмные, в прямую обязанность которых входит уничтожить чистое вдохновение в самом зародыше. И будут эти силы биться до полной победы или до полного поражения. Если показалось тебе, что из-под пера блеснул нетварный лучик, не приговаривай: «Ай да сукин сын! Ай да сукин кот!» Это тебя Господь пожалел. Поклонись ЕМУ!

Но вот опять не пишется. Не отчаивайся. Пили-строгай!.. Помнишь, когда ты сделал грабли, образ всё-таки показал свой любопытный нос, а потом и весь высунулся из мирового хаоса. И ты успел его, неувлимого, словить. Грабли помогли.

Только не пей, сердешный. «Быть может, истина на дне, да только дна-то нету». Помни об этом откровении Юрия Маркова. И ещё. Будь готов к любой критике. Относись к ней философски. Больше остерегайся похвал, чем разноса... Разнесли же когда-то, по всем планкам и кнопочкам, знаменитую «Одинокую гармонию» Исаковского, а она до сих пор поёт.

Ох как мало ты написал! Не стыдись этого. Следуя русской классической традиции – много не напишешь. Ведь надо так ступить в след классика, чтоб замечен был твой отпечаток... Тут шибко не разгонишься.

Да ты ещё провинциал. А уж им-то сам Бог велел писать лучше

столичных. Если даже будешь на равных – не просияешь... Что поделаешь, закон предвзятости.

Кстати, с какого дуба ты свалился, дурачок? Помни, что с Пушкинского... Не забывай и других учителей – Никитина, Есенина, Твардовского, Астафьева (в прозе, а какая поэзия!)... Почитай их, как родителей. Глядишь, и помолятся за тебя, грешного, перед главным Творцом.

Вот такую памятку я сам себе составил, Геннадий. Бог даст, продолжим разговор.

Обнимаю. Твой Валерий.

Январь 2005 года.

* * *

Дорогой Гена! Здравствуй!

Спасибо тебе за письмо и за публикацию моей памятки (советы начинающим поэтам. – авт.). Всё вышло хорошо. Отдельное спасибо за твои газетные статьи-очерки. По ним можно и надо учиться, как человеку любить человека. Молодец! А той хамке надо самой подыскивать работу... Кстати, хорошо и ёмко ты сказал об этой беде в своем стихотворении... И какой ты крокодил? Ангел ты, Гена!

О себе писать что-то не хочется. Ладно, если просто нездоровится. Беда, когда Пегас во дворе не цокает... и бабочка душу не задевает, и тучка золотая не ночует с тобою. Но уж такая, видимо, доля.

А сугробы-то, давние – прежние, я тоже помню. Идёшь, бывало, на лыжах – да как ухнешь в пещеру снеговую, которую сам когда-то и вырыл. Порой думаю про себя: как хорошо, что тебе есть куда отступить, есть куда провалиться, чтоб не видеть, хотя бы на время, этого циничного и бездушного мира.

Ангел мой Гена, хотя мысленно будь со мной. Это тоже дорогого стоит. А уж заглянешь тогда, когда будет для этого возможность.

Обнимаю. Твой Валерий.

Февраль 2005 года, Постановки.

* * *

Здравствуй, дорогой Генка!

Лежу в участковой больнице. Какая-то обложная тоска. Надо бы писать письмо Геннадию Вершинину, но в суматохе отъезда забыл дома твою книгу новую и обширное послание-приложение к ней. Хорошо, что ещё успел прочитать содержание, кое-что запомнить.

Читая письмо, книгу, искренне переживал и сочувствовал всему сказанному. В конце концов, проникся чувством гордости за тебя и окружающих тебя друзей, их душевными качествами. И то сказать, не будь лично в тебе этих качеств, не исходи от тебя чистая, светлая и деятельно-смирненная печаль – вряд ли у тебя состоялось бы общение, близкое к дружбе, с Виктором Петровичем Астафьевым и его женой Марией Семёновной, с другими людьми тоже. Так думаю – и в душе своей уверяюсь, укрепляюсь.

Из прочитанного вспоминается о душе, которая «мается и ёрзает» (последнее неприятнее первого. Сам испытал). Запомнились строчки «А я решил прощать обиды...». Но, может быть, это моя болезнь придирчивости, однако показала мне в этом стихотворении затянутасть. По-моему, бензин закончился на мысли-строчке: «Где есть оно

(прощение. – Авт.), там нету смерти». А дальше ты уже гонял воздух из-под одной плоскости крыла под другую. В результате чего посадка получилась смазанной, нечёткой.

И зачем это я в своё время, да ещё трижды, жил у разных аэродромов? Да и начинал служить тоже в авиашколе, пока её не переделали в ракетный центр. Вот и шеголяю-понтую, как сейчас выражаются.

Стихотворение о лыжне запомнилось. В нём, по-моему, есть какое-то открытие. Ванна с горячей водою, тепло от камина, тропа полевая, которой ты шагаешь, баллада о песне и, конечно, стихи, посвящённые мне – спасибо! Вот это и вспоминается мне из прочитанного дома. Неплохо всё-таки.

Хорошее впечатление в душе осталось и от прозы. Впечатление устойчивое, хотя журналист в твоей прозе почти на голову выше писателя. Может, так и надо. Откуда мне знать?

Да, где-то в стихах проскользнуло у тебя что-то вроде «по прозвищу Лысьва». Может, «по имени Лысьва»? Тем паче, кажется-помнится, ни размер, ни интонация не пострадают от такой замены. Зато будет теплее и доверительнее.

С. Старков шлёт мне свои стихи. Однако я в каждом ответе косвенно и уже почти напрямую намекаю ему, что мы ягоды разных полей. К тому же в творчестве он – саксофонист, а я – гармонист. Остаётся только молча уважать звуковой и образный ряд Сергея. Переписываться не хочется. Тропу полевую не чувствую.

Вот пока и всё. Жаль, конечно, что нет при себе у меня твоей книжки. А может – к лучшему. Нагородил бы сдуру больше, чем наговорил.

Сам пишу очень-очень редко. Не цепляет...

Творческого и всяческого здоровья тебе! Терпения в твоей крестной судьбе!

Обнимаю – Валерий.

10 сентября 2007 года.

* * *

Дорогой Гена, здравствуй!

Прости меня, грешного, за долгое молчание. Хотел при встрече вместе с тобой пройтись по тексту, высказаться более подробно, советуясь по ходу фрагментарного чтения с тобой. Но не получилось – загремел в больницу. Так обидно! Кстати, спасибо за царские гостинцы, за сам приезд.

Трудно давать любые оценки автору, которого уважаешь и любишь как человека. Любая оценка – тут как бы оценка, даже если заменить словом «мнение». Какое может быть мнение, если безоговорочно уважаешь и любишь почти по-небесному?.. К тому же герой повести, Женя Макушин, почти вылитый Гена Вершинин, если сравнить душевные качества, поступки... Сегодня до обеда себя убеждал, что я тебя вообще не знаю, чтоб быть объективнее. Как уж у меня получится – тоже не представляю.

Многое в повести «Рябиновый август» (в окончательном варианте её название «На краю у лета». – Авт.) мне понравилось, по-настоящему взволновало. Прежде всего – это сама совесть Женьки Макушина. Даже не совесть, а сама Богородица внутри его. В этом, я считаю, главная ценность повести. Это, хоть и трудно, ты сумел выразить,

особенно в дневниковых записях героя повествования. Чего стоит одна венчалная берёза! Хотя я читал Ивана Шмелёва и других, но ценю автора и сами строчки за свежесть образа. Много и других художественных находок. Например, «...а отец взял балалайку да выпустил из неё камаринскую...».

Но, может быть, Гена, мне так показалось, в повести перебор социальной, политической информатики. В результате создаётся временами впечатление, что ты читаешь выдержки из старых газет. Я согласен, что социальная и политическая ситуация косит людей заживо так, что они падают замертво. Сам свидетель. Но перебор...

Не совсем согласен с рассуждениями Женьки перед прыжком в бездну... Спёртый рюкзачок, велосипед, например. На смертном одре – дело другое. А тут ведь перед самоубийством, да на такой высоте. Когда Женька ударился в воспоминания предсмертные, я сразу подумал, что он раздумает прыгать (по законам психологии). Так и вышло. Но всё одно – читателя это ступорит.

И ещё вот о чём. Женьке надо бы дочитать письмо дружка из Трускавца твоей жене. По законам той же психологии он должен был его дочитать.

Что касается мотивов рокового решения героя, то с ними можно согласиться. Однако у меня разыграла струнка сомнения: я не почувствовал глубокой, до кондиции, депрессии героя повести. По моим наблюдения горьким, мужики решаются на смертный шаг после крепкого и длительного запоя. Запоя не было. Короче, мотивацию надо бы ещё раз продумать, хотя мотивация и была в повести, но злосчастное письмо – не последняя капля... Ведь причина суицидов – это глубокая депрессия. Ну не хватает какой-то капли до трубы... Так мне показалось. Но опять же Женька раздумал прыгать, произошёл как бы несчастный случай (ветер, выпитая водка, потеря равновесия...). Так что, Гена, ты тоже критически отнесись к моему мнению.

Рад за тебя, что ты творчески работаешь и даже ездешь – тоже творчески. Молодец! Мне бы с тебя брать пример. Что-то я размагнитился...

Не обижайся за моё сумбурное мнение... По возможности пиши и навешай.

Спасибо за стихи. Второе особо понравилось (о женщине).
Обнимаю – Валерий.

* * *

Дорогой Гена, здравствуй!

Во-первых, спасибо тебе за заботу обо мне, подвижническую заботу. Такое ныне проявляется нечасто.

Признаться, я тогда под парами Бахуса не до конца понял твоей задумки. Ладно, записал на магнитофон. Но готовить текст для «Звезды» было не обязательно. Ведь я почти перестал писать, а то, что написал, до удивления мало. Так вот, твоя статья напомнила мне о моей горести. Право, я не заслуживаю такого щедрого подарка. Чует Бог, это моё искреннее чувство. Огорчился, но и обрадовался. Обрадовался за твой стиль изложения материала, за нешаблонные выражения: «Здесь как-то сама собой напросилась в нашу компанию Валерина гармошка...» Ещё утешился тем, что нет ни капли вранья. Неточности – так это не враньё. Я согласен, чтоб вообще не опублико-

вать. Но и категорически не настаиваю на этом. Ведь в текст вложена и твоя душа, потому и читается материал с интересом, запоём.

Если надумаешь всё-таки публиковать, то можешь оставить свой первоначальный вариант. Но отмечу некоторые уточнения, мизерно кое-что добавлю. Ты уж подредактируй добавления или не вставляй. Плохо я владею прозой (как будто поэзией хорошо).

На всякий случай даю справку о станке. Станок немецкой марки «Рафамед». Высота около трёх метров, длина – около десяти метров. Вес 68 тонн, пять суппортов. Два обдирочных, два чистовых, один – для точки и шлифовки шеек колёсных пар. В обычном станке один суппорт. Одних штурвалов (для координации движения резцов) – десять штук. Обдирочный резец весил приблизительно как охапка сырых дров. Каково таскать его было на точильный круг! Таких станков было всего два на всю Свердловскую железную дорогу. В Свердловске один, другой – в Верешигино. Работал я на станке около двух с половиной лет, хотя другому хватило бы недели, чтоб сбежать. Это уже лично для тебя. На этом треклятом станке стружечной петлёй отрезало голову токарю, не успел он отбить петлю стальным бруском, которым мы отбивались. Мне обрезало стружкой половину ножной икры. Ладно, что всё зажарилось, а то бы сколько крови потерял. Другому токарю отрезало большой палец от правой руки по основанию: на ходу примерял шаблон. У меня до сих пор всё тело в шрамах.

Уточнение о Маше: без неё я вдовствую около полутора лет, а не два. Остальные уточнения – в двух абзацах.

1. Понимаешь, Решетов – отдельная поэтическая страна, явление, не побоюсь сказать, мировой культуры. Однако этого поэта надо оценивать не только по масштабу и не столько по размеру стиха, ёмкости, по-твоему, сколько по компрессии чувства и мысли. В этом равных ему я не знаю. Вишневский? Так ведь у него слабое давление в строке, почти нет горячей смеси: напряжённости, драматизма. Поэтому вместо мгновенной вспышки получается в одной-двух строчках затянутый по восприятию пшик. Но не в этом суть. Не надо, помня о библейской заповеди, делать из Решетова кумира. Особенно начинающим авторам. Даже гений из гениев порой не может сказать ярче и образнее, чем какой-нибудь паренёк из деревни Тыковка. Если, конечно, не окумирится. Это тоже относится к закономерностям поэзии. Вся прелесть – в самобытности и своеобразии автора, точнее, его судьбы. Как-то Алексей Леонидович, почувяв, видимо, во мне червь неполноценности, утешил меня: «Да не молись ты на классиков! Все мы пишем одно стихотворение об одном и том же». – «О смысле жизни?» – спросил я. В знак согласия Решетов улыбнулся. Поэтов надо просто любить, а не возносить их до Небожителей. Кстати, когда Решетов меня утешал, мы с ним пили у него дома, наедине, вдвоём. Если он со мной в чём-то соглашался, то поднимал стопку, возносил даже. У меня в поправке-дополнении – улыбался. Оставь слово «улыбнулся». А то нынче у Алёши столько собутыльников обнаружилось. И все убеждены: раз он пил со мной, значит был другом. Херня!

2. Работал я на тяжёлом станке, обтачивал колёсные пары, их бандажи и шейки для грузового паровоза «ФЭД» и для пассажирского «ИС» (Иосиф Сталин). Про паровоз, названный в честь вождя, даже песню в ту пору пели: «Он теперь ведёт «Иосиф Сталин» – самый лучший в мире паровоз». Особенно тяжёлой и опасной была грубая

обточка детали. Ведь у того же «ИС» ведущая колёсная пара весила пять тонн. Представляешь, Гена, каким был сам станок, сколько весили ключи, резцы. Стружколоматели не выдерживали, и стружку приходилось отбивать стальным ломиком. Я по первости так уработывался, что в душевой падал на лавку: лягу, и отключался. Зато потом армия мне показалась лёгкой прогулкой с семечками.

Татьяна (Т. Слотина, сборкор «Звезды» по Нытвенскому району. – Авт.) мне позвонила 26 января утром. У меня не были вставлены зубные протезы. Наверное, приняла меня по голосу за глубокого старика. Предложила встретиться в Нытве. Видимо, раздумала ехать в Постановоги. Но, Гена, у меня и так есть портретная фотография, я тебе высылаю её на всякий случай. В Постановогах она могла бы сфотографировать, скажем, на фоне леса, калинового куста, в конце концов – на банном полке с гармошкой. А в Нытве что? Я ей предложил не встречаться в Нытве, но она настаивает. Как выйдет, не знаю.

За всё спасибо тебе!

Обнимаю – твой Валерий.

27 января 2009 года.

* * *

Здравствуй, Гена дорогой!

До тебя дозвониться не мог. Номер сотового телефона не знаю. Что хотел сказать? Усомнился в своей памяти. Позвонил В. Богомолу. Да, Миша Смородинов читал мои стихи наизусть при приёме меня в Союз писателей. Но Виталий утверждает, что там не было Быковой – тогдашнего секретаря обкома по идеологии. Говорила она обо мне, видимо, ещё до моего принятия на совместном совещании писателей и членов областного литобъединения. Было такое. Там и была Быкова, и Миша тоже там читал мои стихи. Вот такое уточнение. Потом, Гена, может, не стоит упоминать количество стихотворений, которые прочитал Миша. Никто точно не помнит, сколько их было прочитано.

Колёсные пары паровозные (бандажи, шётки) я обтачивал полностью – от обдирки до конечного стандарта... Это я для тебя, чтоб ты знал. В тексте просто употребить слово «обтачивал».

Гена, подредактируй мои уточнения, которые я тебе послал в предыдущем письме. Можешь оставить свой текст и в первоначальном варианте. Но с уточнениями – правдивее.

Татьяна Михайловна обещалась приехать ко мне в паре с тобой летом.

Тороплюсь на почту.

Успехов тебе всяческих!

Твой Валерий.

5 февраля 2009 года.

* * *

Дорогой Гена, здравствуй!

Надо бы давно тебе ответить, но сильно болел: упал с тумбочки так, что отбил печень, почку, повредил рёбра, а главное – сильно ударился головой. Может, я тебе об этом писал или говорил. Не помню. До сих пор не могу очухаться от того «полёта». Особенно даёт о себе знать голова... А ведь был трезвым в доску. Вот такие «шуточки» преподносит порой случай.

Большое спасибо за статью. Хотя к радости примешалась горечь: Пегас-то мой давно уже не бьёт копытами, а только скребёт ими, лёжа на боку.

Теперь о главном. Гена, я бы был последним подлезом, если б не сказал тебе о своём сомнении: тебя при приёме в СП, даже при положительных рекомендациях, могут «зарубить». А тебе это надо? А друзьям? В письме всего не опишешь. Нужен серьёзный разговор. Может, найдём способ уменьшить долю риска. Например, большая вероятность «зарубы» была у Игоря Тавдина. Это его псевдоним. «Девичья» фамилия – Захаров. Мы с Мишей Смородиновым еле убедили Игоря ещё раз перебрать, отсортировать все его стихи. Помогли в отборе. В результате получилась совсем другая книга – более поэтичная, впечатлительная. И ведь приняла Пермь, не зарубила и Москва. Гена, может, встретимся в Перми, желательно втроём (для большей объективности)? Возьмём в советчики ещё какого-нибудь поэта – Вострикова или Гребнева, или ещё кого. А рецензию я не отказываюсь написать. Буду пробовать. Постараюсь. Может, успею даже до встречи в Перми. А ты пока определяй время и место встречи. Можно и в Постановогах, если третье лицо согласится на это. Добираться желательно, если до меня, в пятницу. Согласуйся с дочерью моей Людой. Она тебе объяснит, с какой электричкой лучше добраться. 8-902-638-19-83 – её сотовый номер. Под вечер в 5 час.13 мин. местного, по-моему, отходит электричка в нашу сторону.

Короче, извещай о своём решении. Извини, ведь я не столько засомневался, сколько затревожился за тебя.

Обнимаю – твой Валерий.

12 марта 2009 года.

* * *

Рецензия на рукопись Геннадия Вершинина «Лесная вода».

Не столько смешно, сколько страшно слушать и смотреть на то, что делается на экране телевизора, за окном, а в конечном счёте – в душе человеческой.

В «Лесной воде» автор описывает будущее г. Лысьвы, её людей и окрестностей города (2060 год). Поднимает главный вопрос современности и всего мира: вырос ли человек нравственно? От этого вопроса зависит возрождение России. В своём труде Геннадий Васильевич убедительно доказывает, что это великое Возрождение всё-таки произойдет. И Отчизна возродится провинцией – городской и сельской.

Ещё до прочтения и у меня самого возникло мистическое предчувствие, что мир и душа человеческая изменятся в лучшую сторону. А мистику надо понимать правильно: «Тот, кто имеет мистический опыт, обладает чувством реальности более глубоким и более ясным, чем наше». Так сказал американский учёный – исследователь мозга Эндрю Ньюберг. К такому же выводу пришли Н. Бехтерева и другие учёные.

Коротко остановлюсь на литературно-художественных достоинствах рукописи. Как пишущего и наблюдательного человека, меня приятно удивило психологически точное описание характеров людей (простых и чиновных), образов природы, точность бытовых деталей. Также отмечу, что автор взял на себя смелость совместить жанры, без чего трудно было бы добиться убедительности, эмоцио-

нальности, а главное – решения вопросов, которые поставил перед собой и читателем писатель. А это не каждому пишущему по силам. Это, как говорят, уже высший пилотаж. В произведении и реальная мистика, публицистика и художественность, гармоническое смещение времени и пространства, и, конечно, лирика. Чего, например стоит: «Между двумя лилиями грациозно проплыли два лебедя». Эту редкую литературную особенность Геннадия Васильевича отмечали многие писатели и критики: Виктор Астафьев, Мария Астафьева-Корякина, Валентин Курбатов и другие мастера российской литературы.

Рукопись читается на одном дыхании. Причём возникает радостное чувство: как будто ты встаёшь с рабских колен и видишь с Верхотуровской горы сегодняшнюю и будущую провинциальную Лысьву, а точнее, нынешнюю и грядущую Россию.

Да, есть разбой, грабёж, наркомания... Но страшнее всего наши СМИ. На днях смотрел телепрограмму «Культурная революция». Тема: «Пьянство – как часть русской культуры». Вопросительного знака, заметил, в теме не было. Идиотизм, диверсия, если не терроризм. Хорошо, что под рукой была «Лесная вода». Прочитал – отлегло от сердца.

И простите меня ещё за одну цитату (они хороши, если к месту): «Самое худшее безумие – это видеть жизнь такой, какая она есть, ЗАБЫВАЯ, какой она должна быть». Сервантес, «Дон Кихот». Так вот, Геннадий Васильевич этого не забывает. Он не входит ногами ни в прошлое, ни в настоящее, ни в грядущее, а бережно отделяет Божьи зёрна от всякого сора и грязи. Дневник прадеда тому примером. Тому примером весь ход повествования.

А с какой любовью автор относится к природе родного края! А ведь это свойственно только истинным патриотам Отчизны.

Лысьва! Почти с юности помню строки: «И над каской Рейхстага в Берлине каску Лысьвы поднял паренёк». Сам уроженец Сивы, горжусь Лысьвой и её людьми, её неповторимой природой. Так же, как Геннадий Вершинин, считаю Лысьву островом Надежды... Такими островами и спасается Россия!

Считаю рукопись актуальнейшей. И каким это будет грехом для Лысьвы и всей России не издать рукопись «Лесная вода» отдельной книгой, доступным, но не малым тиражом.

С уважением и надеждой – Валерий Возженников, член Союза писателей России с 1990 года.

Пермь, Союз писателей.

19 июня 2010 года.

P.S. Гена, не подписался поэтом, а просто членом... Ведь могут подумать: при чём тут поэт, когда вещь написана прозой? Я ведь ещё и в ящик-то почтовый раз в неделю заглядываю (ещё время упущено). Ну и задержался: быстрее, быстрее... Могло бы лучше получиться, но очень спешил. Лишь бы пораньше пришла рецензия. Да я их и писать-то не умею. Извини, если что не так.

Твой Валерий.

Поклон жене и Лысьве.

Михаил ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДАРОВОЕ НА СВИДАНИЕ С ЮНЫМ ФЁДОРОМ ДОСТОЕВСКИМ. Очерк

Велика и необъятна Россия! Солнце всё время с любовью освещает её – едва опустившись за Калининградом, оно уже спешит подняться над Владивостоком.

Талантливый поэт и замечательный человек, председатель Пермского отделения Союза писателей России Владимир Викторovich Якушев не устает напоминать, что писателю нельзя замыкаться в своём узком мирке, он должен путешествовать, чтобы непрерывно познавать окружающий мир. Следуя его совету, летом 2023 года мы с 16-летним внуком Мишей уехали в Сибирь, чтобы бродить по тайге, ловить рыбу и купаться в великих сибирских реках Иртыш и Тобол, познавать характеры простых русских мужиков-работяг. Через 5 недель, вдоволь накормив своею кровью комаров, проехав на поезде через половину необъятной России, мы вдвоём уже созерцали Бородинское поле, прошагав по нему в солнечный день более 15 км; с иронией смотрели на вечно суетящихся москвичей, которые, запершись на пятачке земли, окольцованном МКАД, возмнили себя людьми, которые могут поучать всё население гигантской страны; восторгались картинами Левитана и Шишкина в Третьяковке, слушали малиновый перезвон колоколов в Сергиевом Посаде. И вдруг решили совершить поездку во всеми забытую деревеньку Даровое, которая затерялась в глуши на границе Московской и Рязанской областей.

Даровое тесно связано с жизнью Ф. М. Достоевского в детском и подростковом возрасте, оно во многом определило его последующее развитие, познакомив с тяготами и заботами простого русского человека, крестьянина, носящего в сердце своём любовь к Родине и веру в Бога. Но подавляющее большинство достоевсковедов, с которыми мне приходилось сталкиваться за 45 лет изучения жизни и творчества писателя, никогда не были в Даровом. Однако это совершенно не мешает им издавать толстые книги о жизни и произведениях писателя или с экрана телевизора с важным видом рассказывать о Достоевском, в том числе о его детстве и юности.

Михаил Иванович ОРДЫНСКИЙ-ДАВИДОВ родился 14 января 1954 года в селе Орда Пермского края. Служил в армии на Байконуре, работал врачом. Ныне заведующий кафедрой Пермского медицинского университета. Врач высшей категории, кандидат наук, доцент. Автор более 700 опубликованных научных работ. Помимо врачебной деятельности, 45 лет в свободное время занимается литературным творчеством. Автор 11 литературно-художественных книг, а также документальных повестей и очерков о жизни Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Некрасова, Льва Толстого, Маяковского, Вампилова, Багратиона, Алёхина, опубликованных в журналах «Москва», «Великороссь», «Урал», «Уральский следопыт», альманахе «Литературная Пермь» и других изданиях. Член Союза писателей России (2016). Лауреат литературной премии Лермонтова. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Перми.

Через Интернет мы с трудом достали билеты на ближайшую субботу на экскурсию по маршруту Зарайск – Даровое. Современных жителей Москвы больше волнуют магазины, рынки, дешёвые, но модные забегаловки типа KFC, пиво и гаджеты. Никто не жалеет ныне на поездку в провинциальную глушь тратить своё время (мы с внуком не спали с 4 часов утра до 1 часа следующей ночи, то есть 21 час). Поэтому экскурсионные бюро Москвы организуют лишь 2-3 поездки в месяц по указанному маршруту, а к 7 часам утра 12 августа возле станции метро «Кузьминки» в экскурсионный автобус собралось лишь 20 человек со всего 20-миллионного мегаполиса (ровно 1 человек с каждого миллиона жителей). Через несколько минут автобус с романтиками и фанатами Достоевского по Рязанскому шоссе отправился в 360-километровый путь (расстояние проверено мною по спидометру у водителя; оно оказалось значительно больше, чем прямой путь до Дарового и обратно, ибо мы часто делали «крюк», заезжая по пути в интересные туристические места). В 23 часа, немного уставшие, но невероятно счастливые, мы вернулись в Москву, к станции метро «Котельники».

Надо сказать, что накануне поездки в Даровое мы вместе с внуком посетили на Божедомке дом, где в Москве жила большая семья Михаила Андреевича и Марии Фёдоровны Достоевских, у которых было 8 детей. Фёдор Достоевский родился 30 октября 1821 года¹ в южном флигеле Мариинской больницы для бедных, в которой служил доктором Михаил Андреевич, но буквально через год семья врача получила более просторную квартиру в северном флигеле, на первом этаже 3-этажного здания. Здесь ныне (по адресу: ул. Достоевского, 2) расположен музей Ф. М. Достоевского, в котором мне раньше в течение 45 лет довелось десятки раз бывать, добывая по крупяцам сведения о жизни писателя. Увы! Нет сегодня в живых замечательного достоевскооведа Г. Б. Пономарёвой, бывшего директора музея, с которой я был хорошо знаком, однако остались прекрасные специалисты П. Е. Фокин (нынешний директор музея), О. В. Золотко, А. В. Петрова и другие.

Фёдор рос бойким, смелым и умным мальчиком. Уже в 4 года он выучился читать. Мама его очень любила и ласково называла «Федаша». В 1828 году Михаилу Андреевичу Достоевскому было восстановлено дворянское звание, утраченное предками. Это давало право владения именем. Родители будущего великого писателя не сказанно обрадовались такой возможности. Ведь у них было только ведомственное жильё – квартирка при Мариинской больнице для бедных. Рано или поздно (выход в отставку, болезнь или смерть главы семейства) с этой служебной квартирой пришлось бы расстаться. А ведь другого жилья у многодетной семьи не было.

Вот родители и надумали купить небольшое имение где-нибудь поблизости от Москвы. На квартиру Достоевских зачастили сводчики, предлагая различные варианты.

Наконец, в начале лета 1831 года родители приобрели очень небольшое имение – сельцо Даровое (11 бедных крестьянских дворов; 76 душ крестьян обоего пола). За имение заплатили 30 тыс. рублей ассигнациями, которые были скоплены за предыдущие годы и, частично, взяты взаймы у богатого родственника по линии жены, купца А. А. Куманина.

Сельцо Даровое Каширского уезда Тульской губернии (ныне Московской области) располагалось в 150 верстах от Москвы, в 40 верстах от Каширы и в 10 верстах от Зарайска. Имение было оформлено на имя жены, Марии Фёдоровны. При покупке имения, использовав перекупщицу О. А. Глаголевскую, предыдущий хозяин, И. П. Хотяинцев, родственник П. П. Хотяинцева – владельца соседнего села Моногарово, обманул честных и доверчивых Достоевских, завысив цену и удачно сбыв с рук явно убыточное хозяйство. Местность в Даровом и вокруг него была красивой, но домишки крестьян были убогими, земли – малоурожайными, изрезанными оврагами, почва – суглинистой.

Но для детей семьи Достоевских Даровое являлось большим благом, ибо, по образному выражению выдающегося литературоведа Игоря Волгина, стало «царством чистой свободы»; ведь строгий отец приезжал в усадьбу редко, мать не была сторонницей жёсткого домашнего режима и, «по сравнению с размеренной, до мелочей регламентированной жизнью на Божедомке, мальчики впервые оказались на воле»².

У историков литературы есть документальные основания считать, что уже летом 1831 года Фёдор (и, вероятно, его брат Михаил) побывали в Даровом. Ведь в рассказе «Мужик Марей» перо Фёдора Михайловича совершенно точно, черным по белому, выводит, что эпизод, случившийся с ним в лесу и на прилежащей пашне в имении Даровое (слуховая галлюцинация «Волк бежит!» и снятие испуга крепостным мужиком Мареем), произошёл «в августе», когда ему «было 9 лет от роду»³. Таким образом, Ф. М. Достоевский лично свидетельствует, что этот случай имел место в августе 1831 года. Эта дата после опубликования рассказа «Мужик Марей» не была опровергнута ни родственниками, в том числе младшим братом писателя Андреем, ни иными современниками.

Ниже будет приведено красочное описание выезда Марии Фёдоровны с частью детей в Даровое, совершённое весной 1832 года. Андрей, живописуя его, выдаёт за первый выезд семьи в имение, что не совсем верно, ибо Даровое было осмотрено и куплено почти за год до этого. Весной 1832 года состоялся первый выезд для Андрея, поэтому это путешествие так запомнилось ему.

Отцу нельзя было надолго оставлять врачебную практику, своих больных в Мариинской больнице. Поэтому между родителями было решено, что каждое лето с ранней весны и до поздней осени «маменька» (а она являлась официальной владелицей имения) будет жить в сельце и там лично хозяйствовать.

По воспоминаниям Андрея Достоевского, весной 1832 года, после Пасхи, настал желанный день отъезда мамы, сыновей Миши, Феди, Андрея и дочери Вари. Остальные дети должны были остаться в Москве с отцом и няней Алёной Фроловной.

Огромная кибитка, «вместительная, как целый дом», с тройкой лошадей приехала в Москву из сельца с крестьянином, опытным кучером Семёном Широкиным. Священник Иоанн (Баршев) отслужил напутственный молебен, и кибитка тронулась в далёкий путь.

Какое это было счастливое, полное приключений путешествие для Феди, его братьев и сестры! Более 150 вёрст по родным русским просторам, с переправой через разлившуюся, широченную Оку на

пароме. Фёдор Достоевский в этот и последующие годы во время всего пути всегда был неугомонен и весел.

В рукописи «Воспоминаний» А. М. Достоевского известный достоевсковед В. С. Нечаева обнаружила следующий текст Андрея Михайловича, который был сокращён при издании книги, но очень важен для описания поведения Феди во время путешествий в Даровое: «Поездка в деревню для нас, детей, составляла эпоху, которую мы дожидались с нетерпением. Ездили обыкновенно на своих деревенских же лошадях, которые нарочно приезжали за нами с крестьянином Семёном Широкиим. Совершали эту поездку обыкновенно в двое суток – на трети. Во время поездок этих брат Фёдор бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место для сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близлежащей местности или не повертелся бы с Семёном Широкиим около лошадей»⁴.

Итак, дорога из Москвы в Даровое, согласно воспоминаниям младшего брата писателя, у семьи занимала двое с половиной суток. Тройка деревенских лошадей, запряжённых в большую кибитку (величиной «с целый дом!»), управляемая кучером Семёном Широкиим, считавшимся «опытным наездником и большим знатоком лошадей», бойко бежала по столбовой, грунтовой, ухабистой (естественно, не асфальтированной) Рязанской дороге. Через каждые 30–35 вёрст Мария Фёдоровна просила кучера остановиться для отдыха детей и кормёжки лошадей. Дети выскакивали из кибитки, растирали затёкшие при утомительной езде ноги, играли, бегали, шумели. Фёдор частенько помогал кучеру кормить лошадей. Проехавши две дорожные станции, обязательно останавливались на ночлег. Проезжали через станции Люберцы, Чулково, Бронницы, Ульянино, Коломна, Злобино и Зарайск.

С тех пор прошло два века. К прежним «станциям» времён Достоевского, которые мы, туристы, непременно осматриваем, добавились современные города и посёлки: Чкалово, Раменское, Жуковский и другие, и в них тоже немало интересного для нас. Комфортабельный автобус везёт нашу туристическую группу по широкой, асфальтированной трассе. До Дарового ныне можно домчаться за 2,5 часа. Но наш туристический автобус, выехав в 7 часов утра, ползёт медленно: пробки на дорогах, остановки по пути почти в каждом городке. Дорожные тётки и полные мужики – любители пива, словно лошади Семёна Широкого, без конца «заправляются» почти на каждой станции. Порою мы ведём себя как дети, сродни детям семьи Достоевских, веселясь и шумя. Попробовав замечательные огурцы в Луховицах, долго фотографируемся у знаменитого местного памятника огурцу. Знакомый голос кричит прямо в ухо: «Есть три столицы: Москва, Орда и Луховицы!» И всё это под неодобрительные мысли и взгляды второй половины туристов, душа которых ждёт не дожждётся желанной встречи с Федашей Достоевским, жаждет быстрее ветра домчаться в милое сельцо Даровое – территорию детства писателя.

Когда по громадному шоссеиному мосту переезжали Оку у Коломны, сиявшей золотыми куполами восстановленных церквей, внук Миша через Интернет вполголоса зачитал строки из «Воспоминаний» Андрея Достоевского: «Проехав город Коломну, мы переезжали реку

Оку на пароме; в разлив она была довольно широка. Переправы этой мы всегда боялись и пригоняли так, чтобы совершать её в утреннее время, а никак не вечером»⁵. Внук добавил: «Я не верю, чтобы Фёдор боялся. Волновался кучер Семён, переживала озабоченная мать за своих детей, но уверен, что Фёдор, в первый раз в жизни увидев такую широченную реку, был смел и спокоен».

Наконец, в 11 часов приезжаем в Зарайск, последнюю станцию для отдыха и кормления лошадей Семёна Широкого. Многие туристы жаждали основательно осмотреть этот старинный русский город, и мы остановились в нём на целых 5 часов, чтобы погулять по узким, тихим улочкам, где как будто остановились часы ещё два века назад, рассмотреть величественный Зарайский кремль, хорошо сохранившийся с древних времён, и уникальный Зарайский историко-краеведческий музей.

Шагал я по Зарайску, и всем нутром своим чувствовал: в этом городке много раз бывал Федаша Достоевский, вот здесь, на Благовещенской площади, ступала его нога, а тут, на базаре, он с маменькой выбирал лошадей и коров, в этом старинном здании почты забирал письма отца.

У меня было ощущение, что Зарайск, пожалуй, ничуть не изменился за последние два века, с тех самых пор, как там бывал бойкий мальчуган Федя Достоевский. В городке с населением 25 тыс. жителей преобладают 1–2-этажные деревянные и каменные дома, изредка встретишь 3-этажные; современных предприятий нет; улицы узки, извилисты и тихи; асфальтированная центральная площадь города – Благовещенская – пустынна, а старинный базар заполнен народом, шумит и кипит, предлагая вам необыкновенные сыры, натуральные мясные продукты, мёд, овощи, меховые и кожаные изделия и другие вещи, которые насквозь пропитаны стариной и русским провинциальным духом. И всё отчётливее мне казалось: здесь время повернуло вспять, и вот сейчас навстречу мне выйдет настырный и смелый мальчуган Федя Достоевский.

Увы! Лошадей и коров на базаре уже не продают. Но именно здесь во время ярмарки почти два века назад хозяйственная Мария Фёдоровна Достоевская отбирала их для своего имения. Часто бывали на ярмарке в Зарайске вместе с матерью Фёдор и его братья. И непременно вместе с ними находился и уже упомянутый крепостной Марей (Марк Ефремов, по официальным документам). Этот красивый мужик средних лет, брюнет с солидной чёрною бородою, в которую уже пробивалась седина, считался в Даровом большим знатоком крупного рогатого скота. При выборе коров, племенных быков и лошадей на ярмарке маменька всегда чутко прислушивалась к его мнению.

Из воспоминаний Андрея, младшего брата Фёдора, известно, что маменька каждую неделю посылала кого-то из взрослых в Зарайск за письмами от папеньки, Михаила Андреевича, и покупками. Все лошади были заняты на полевых работах, а потому посылаемые в Зарайск проделывали весь путь пешком (10 вёрст в одну сторону). Чаше всего хаживала в город горничная Вера, «весёлая и разбитная девушка». Нередко с Верой в Зарайск ходили, когда чуть подросли, сыновья Марии Фёдоровны – Фёдор, Михаил и даже Андрей. С хольбою по городу этот променад составлял 23–24 версты, но, по воспоминаниям

Андрея, брата «очень мало уставали», возвращаясь с покупками и письмами в Даровое во второй половине дня⁶. Было «носилищику» и «письмоносцу» Феде, когда ему разрешали сопровождать Веру в Зарайск, от 11 до 14 лет. Таким образом, в детстве и отрочестве Фёдор был довольно сильным, крепким и очень выносливым мальчиком. Вот тебе и «барчук», «помещичий сын». А сможет ли современный парень такого возраста, с утра до вечера погружённый в мобильный телефон, совершать подобные «рабочие» прогулки по 24 версты?

Я размышлял об этом, когда мы, туристы, наконец, около 16 часов погрузились в автобус, который выехал из Зарайска, по небольшому мосточку перекатил через узкую реку Осётр и бодро и весело покатил по Астраханскому (Венёвскому) тракту на юг, чтобы через 10 вёрст доставить нас в усадьбу Достоевских. Автобус мчался по неширокой, но ровной и гладкой асфальтированной дороге, а я, признаюсь, вдруг представил, как почти два века назад именно по этой самой дороге, но тогда ещё грунтовой, неровной и пыльной, неутомимо шагал юный Федя Достоевский, неся поклажу в руках или на горбу и что-то весёлое рассказывая горничной Вере и братьям.

В Зарайске нас почти непрерывно мочил дождь, а по дороге в Даровое, как по мановению волшебной палочки, погода круто поменялась. Это боженька сжалился над нами, разогнал тучи, прояснил небо, и вскоре яркое солнце осветило и наши возбуждённые радостные лица, и живописную местность, представшую перед нашими глазами. И ожидание чего-то светлого, доброго и чистого поселилось в наших душах, наполненных у большинства любовью к великому писателю.

Надо признать, что местность по всему 10-километровому отрезку пути от Зарайска до деревни Даровое очень необычная и живописная. Во-первых, она местами, особенно вблизи Зарайска, сильно изрезана оврагами (любопытно, что жители города овраги называют словом «зараза», вследствие чего часть историков объясняет этим происхождение названия города). Во-вторых, по пути, да и в самом Даровом, перед взором открывается широкая панорама всей окружающей местности, глаза невольно восхищаются безграничностью этих русских просторов: бескрайние поля с посевами пшеницы (на некоторых участках она была уже сжата), как гигантское жёлтое пшеничное поле, на которое природой вкраплены островки зелёных рош и перелесков и восхитительных изумрудных лугов, усеянных яркими, разноцветными полевыми цветами. И эту невообразимую красоту ещё усиливали узенькие синие речушки и ручьи, которые, причудливо извиваясь, журчали в оврагах и лощинах.

Земли в Зарайском районе (ныне – Московской области) красивые, живописные, но средней или невысокой урожайности. В 1990-х годах по воле ельцинишек, чубайсиков и гайдарчиков колхозы распались, сельское хозяйство пришло в упадок, многие поля не распахивались и зарастали сорняками. Ныне ситуация изменилась. На смену колхозам пришли фермеры. Подавляющее большинство полей вновь распаханы, засеваются, на них частные хозяйства получают довольно неплохой урожай. Правда, сейчас, в отличие от XIX века, на полях широко используют минеральные удобрения, повышающие урожайность, недоступные во времена хозяйствования Михаила Андреевича и Марии Фёдоровны Достоевских.

Забегаю вперёд, подчеркну, что в районе деревни Даровое и вокруг неё почва суглинистая, недостаточно плодородная. Во время второй поездки в эти места, в конце августа 2023 года, я сделал пробные раскопки в разных местах вокруг Дарового – везде оказался малопродуктивный суглинок.

По воспоминаниям Андрея Достоевского, по пути от Зарайска в усадьбу дети едва-едва могли усидеть на месте, непрерывно выглядывая из кибитки и спрашивая у кучера Семёна Широкого, скоро ли они приедут.

Как и детей семейства Достоевских, меня и моего внука Мишу по мере приближения к Даровому также охватило необычайное волнение. Подъезжаем. Справа от дороги показался небольшой сворот на Моногарово. Село это, принадлежавшее в XIX веке помещику П. П. Хотяинцеву, недругу Достоевских, хорошо видно с шоссе, до окраины его не более 200 м.

И вот, ещё через 2 км пути по асфальтированной дороге, автобус плавно и медленно (ощущение, что торжественно!) въезжает в бывшее «сельцо» Даровое, которое ныне официально значится как деревня. Она имеет единственную улицу, по обеим сторонам которой задумчиво стоят не прежние убогие, крытые соломой, крестьянские домишки, а аккуратные, ухоженные дома, окружённые заборами и палисадниками. Позднее я насчитал в деревне 8 домов, преимущественно одноэтажных. В каждой усадьбе – огород, теплица, сад. Возле домов много деревьев (в основном тополей) и кусты сирени, акации, рябины. Деревня буквально утопает в зелени!

Увы! Деревня, в которой раньше, во времена Ф. М. Достоевского, проживало 76 жителей в 11 крестьянских дворах, а в конце XIX века насчитывалось уже более ста жителей, в годы Советской власти в результате урбанизации стала хиреть и значительно уменьшаться в размерах и числе жителей. Память моя живо воскресила впечатления от посещения Дарового поклонников писателя, добравшихся в эту невообразимую глухомань в XX веке.

А. Дроздов в 1924 году, совершив путь от Зарайска на гужевом транспорте, с трудом слез с телеги, потирая одно затекшее и разбитое место, но не утратил оптимизма и лирического вдохновения: «На девятой версте езды, в серебряной шапке тополей откроется вам смиренная усадьба, островок памяти о Достоевском, среди моря русских просторов. Деревенька крохотная – 20 дворов, 20 соломённых крыш, забурельных от солнца и ливней»⁷.

А вот А. Арцибашев, который в 1989 году большую часть пути преодолел уже на автомобильном транспорте, оказался отчаянным пессимистом. На страницах «Литературной России» он поведал читателям следующее:

«– Я ж говорил, – твердил своё провожатый. – Может, когда-то оно и было красивым, это самое Даровое, а сейчас-то, сами видите, чем тут любоваться? Заколоченными избами?»

Да, жизнь в знаменитом сельце и впрямь угасла. Редкие подворья, принадлежавшие, по всей видимости, дачникам, вызвали гнетущее состояние – ни одного следа у калиток, ни одного намёка на присутствие хозяев. Лишь у самого пруда, возле приземистого, невзрачного домишки, нас облаяла взлохмаченная дворняжка. На лай собаки в притворе сеней показалась старушка. Познакомились»⁸.

Полина Николаевна Макарова, коренная жительница деревни Даровое, оказалась пенсионеркой. Имела в доме икону, раньше посещала церковь в Моногарово, а когда её закрыли – пешком ходила в собор в Зарайск, 10 км в одну сторону. А сейчас ноги отказывают, нет мочи отправляться в дальний путь.

– Ничего нынче, похоже, не свято, – заключила жительница Дарового. – Вот и усадьба Достоевского никому оказалась не нужной.

Между прочим, дороги в деревню Даровое несколько десятилетий вообще не было. Восхваляющему социализм А. Арцибашеву пришлось шагать от Астраханского тракта до деревни через пашню. С трудом вытаскивая ноги из грязи, как он, наверное, завидовал Феде Достоевскому, которого на тройке лошадей в кибитке довозили прямо до усадьбы! С Астраханского (Венёвского) тракта в Даровое в XIX веке вела хорошая просёлочная дорога, начинавшаяся у деревянной часовни.

Самым стойким любителем Достоевского являлся Г. А. Фёдоров. Утерев слёзы и зло сверкнув глазами после очередных унижений от маститых достоевсковедов во главе с В. С. Нечаевой, он снова и снова преодолевал 160-километровое расстояние от Москвы, а затем через колхозное поле упрямо шагал по липкой грязи к Даровому, пытаясь разгадать тайну смерти отца писателя.

Вот что пишет Г. А. Фёдоров в 1981 году: «Теперь от шоссе Зарайск – Серебряные Пруды (бывшего Венёвского или Астраханского тракта) к Даровому дороги нет. Идёшь полем по мокрым комьям суглинка, липнувшего к ногам. Оглядываешься на Даровое. И выбравшись на шоссе, где некогда стояла часовня, долго всматриваешься в оправленное в «багрец и золото» пространство с чернеющей древней липовой рощей усадьбы, заслоняющей «Федину рощу» (более 150 лет как «Федина»), во всё то, что хранит и, хочется думать, будет хранить память об отроческих годах Фёдора Достоевского и дорогих ему людям»⁹.

В отличие от неугомонного Георгия Алексеевича, мы с внуком Мишей выйдем изнеженными барчуками. По прекрасному асфальтированному Астраханскому шоссе проехали в мягких креслах автобуса до сворота на Даровое, где асфальтированная дорога, проложенная в XXI веке, привела нас прямо в деревню, которая ныне, хотя и мала по числу жителей, но удивляет современными добротными и ухоженными домами. К сожалению, ныне в деревне имеется лишь два дома, где продолжают жить только две семьи коренных местных сельских жителей. А ещё в шести домах и коттеджах проживают люди «пришлые», которые недавно поселились и обжились в Даровом. Это дачники и более или менее состоятельные люди, которые проживают здесь, а на работу в Зарайск ежедневно ездят на личном транспорте.

Между прочим, расстояние от окраины Зарайска до Дарового (которое, по литературным данным, колеблется от 8 до 12 км^{7,9}), по современной дороге составляет 10,5 км, что я проверил по спидометру водителя.

Проехав по единственной улице деревни, наш автобус мягко вкатился в красивейшую въездную липовую аллею усадьбы Даровое и вскоре остановился на крошечной стоянке.

Шумно и весело вывалились мы из порядком надоевшего автобуса и, оглядевшись по сторонам, обомлели от удивительной красоты.

Мы стояли на ровном зелёном лугу; слева, на востоке, простиралось обширное жёлтое поле, засеянное пшеницей, которое плавно поднималось всё выше и выше и упиралось в большой тёмно-зелёный лесной массив, молчаливо застывший на возвышенности.

Справа от нас, на западе, окружённая невысоким ажурным металлическим забором, стояла удивительная липовая роща, в центре которой красовался чудесный жёлто-коричневый одноэтажный бревенчатый дом с железной крышей и печною трубою. Он выглядел нереальным, волшебным, словно вынырнувшим в наш земной мир из какой-то детской сказки.

А в центре луга, недалеко от нас, на постаменте просто и обыденно сидел изваянный из камня, умудрённый опытом, зрелый мужчина, который внимательным и зорким взглядом смотрел, как нам всем казалось, прямо на нас, мелких, ничтожных людишек XXI века, ворвавшихся в его обиталище, святое и чистое место, из нашего бестолкового, нездорового и несправедливого сегодняшнего мира. Словно замороженные, под гипнозом глаз сидящего каменного великана, мы подошли поближе к сооружению, которое многие достоевсковеды называют «лучшим в мире памятником Ф. М. Достоевскому».

Гипноз великана многократно усилился и вверг меня в настоящий транс. Вблизи я отчётливо осознал, что изваянный в камне Фёдор Михайлович смотрит сейчас уже совсем не на нас, ничтожных муравьёв-человечков, рабов, загнанных в мировую тюрьму – хитрую сеть всемирного Интернета. Пророк и мыслитель устремил свой взор на гигантское пшеничное поле, будто бы занятое работающими в поте лица простыми мужиками и бабами – крестьянами, на дальний лес, простирающийся за полем, и с высоты своих прожитых лет делал вывод и внушал нам, что нет ничего в мире лучше наших полей и лесов, нашей земли, наших простых русских людей-тружеников и нашей славной и Великой России.

Памятник Ф. М. Достоевскому в усадьбе Даровое создал скульптор Юрий Филиппович Иванов в 1993 году.

К нам подходит замечательный специалист-достоевсковед, старший научный сотрудник «Усадьбы Даровое» Альбина Станиславовна Бессонова. Она с любовью к великому писателю и большим знанием дела погружает нас в светлый мир детства Ф. М. Достоевского, которое в летние месяцы несколько лет подряд протекало в этом чудесном уголке России. На ходу, без запинки она цитирует многие произведения писателя и, рассказывая, словно перелистывает страницы жизни Фёдора Достоевского, связанные с его детством, отрочеством и юностью.

С учётом того, что первая поездка Фёдора Достоевского в Даровое состоялась в августе 1831 года³, он ежегодно с 1831 по 1836 год, то есть шесть лет подряд, проводил летние месяцы в имении. Семья во главе с маменькой приезжала сюда ранней весной, проводила всё лето и уезжала в Москву осенью, после окончания полевых работ. Когда Михаил и Фёдор в 1834 году начали учиться в пансионе Л. И. Чермака, их стали отправлять в Москву раньше, к началу сентября. Более короткой была и первая поездка, в 1831 году. Подсчёт показывает, что Фёдор Достоевский провёл в усадьбе Даровое суммарно 24 месяца, то есть ровно два года жизни. Г. А. Фёдоров¹⁰ насчитал 22 месяца, но он ошибочно считает, что

Фёдор Достоевский впервые появился в Даровом лишь весной 1832 года, игнорируя пребывание семейства Достоевских в имении летом 1831 года. Но предоставить, что купленное имение почти целый год оставалось без хозяев, бесхозным, невозможно.

Экскурсия по усадьбе Даровое 12 августа продлилась 3 часа. Но, естественно, мне этого было мало. И через несколько дней я вновь приехал сюда и поселился на неделю в частном доме в селе Моногарово, каждый день посещая Даровое и его окрестности, чтобы основательно погрузиться в мир детства Федаши Достоевского.

Здесь я должен прервать рассказ о своей ничтожной персоне и осветить те трудности и несчастья, которые испытала семья Достоевских в первые годы владения имением.

Сельцо Даровое, не имевшее большого дохода и владеть которым было невыгодно, составляло частицу целого гнезда селений, принадлежавших помещикам Хотяинцевым, состоявшим в родстве. Оно раньше, до перекупщицы О. А. Глаголевской, принадлежало Ивану Петровичу Хотяинцеву. В двух верстах на север от сельца Дарового находилось большое село Моногарово, принадлежавшее самому старшему и влиятельному в роде, отставному майору Павлу Петровичу Хотяинцеву, а в полтора верстах на юг от Дарового была деревня Черемошняя, которой владел ещё один родственник П. П. Хотяинцева. Черемошняя продавалась, о чём не знали родители, покупая Даровое.

Оказалось, что в сельце Даровое имелись 6 дворов, принадлежавших П. П. Хотяинцеву, владельцу Моногарова. Земли не были размежёваны. Возникли распри. Мария Фёдоровна принуждена была начать судебный иск о выселении из Дарового дворов П. П. Хотяинцева. Это взбесило хитрого и властного Павла Петровича. Он заявил, что купит Черемошню у своего родственника и возьмёт «в тиски» имение Достоевских. Достоевские вынуждены были срочно покупать соседнюю деревню Черемошню (8 дворов, 67 крестьянских душ). Для покупки Черемошни пришлось сразу же заложить Даровое, влезть в долги. Однако распри и тяжбы с П. П. Хотяинцевым продолжались много лет, практически до самой смерти Марии Фёдоровны и Михаила Андреевича.

Вскоре (по свидетельству А. М. Достоевского, весной 1833 года¹¹) в имении Даровое случилось несчастье, ещё больше подорвавшее материальное положение владельцев.

Крестьянин Архип в сильный ветер палил кабана во дворе. Начался страшный пожар, огонь переметнулся на другие дома. Сгорело всё сельцо, погиб сам Архип, а дочь его, Арина, осталась сиротой.

На 3-й день Пасхи на квартиру Достоевских в Москву добрался приказчик из Дарового Григорий Васильев. Лицо его было мрачнее тучи.

– Несчастье... вотчина сгорела! – промолвил он гробовым голосом.

Начался плач. Родители упали на колени и долго молились перед иконой.

Отец, Михаил Андреевич, оправился первым, отправил Григория назад, заявив:

– Я помогу, не оставляю вас в беде. Последнюю рубашку поделю с крестьянами.

Такое искреннее и сердечное отношение к горю крестьян отца

и матери и их желание безвозмездно помочь им стало большим жизненным уроком для Феди Достоевского.

Вскоре Федя, вместе с матерью и братьями Михаилом и Андреем, отправился в несчастное Даровое (отец был занят по службе).

Грустную картину увидел 11-летний Фёдор: из серой, в пепле, земли торчат обугленные столбы, печи, тоскуют обгоревшие стволы лип. Мужики смотрят с виноватыми и безысходными лицами. Матери плачут от горя, дети – от голода.

– Что с ними будет, мама? – спрашивает с состраданием в голосе Федя.

– Поможем им, Федаша! – отвечает бодрым голосом, как всегда оптимистично, маменька.

Каждому погорельцу мать выдала по 50 рублей – очень большие на то время суммы денег.

Через несколько дней по всем дворам начался веселый стук топоров. Заново выстроили сельцо. А долг родители всем погорельцам простили. Сироту Арину маменька пожалела и взяла себе в горничные. Добрые души и чистые сердца были у родителей Феди!

Между прочим, у полиции появилось подозрение, что это люди П. П. Хотяинцева с целью мести Достоевским подожгли их деревню. Однако будем справедливыми: проведённое полицейским исправником из Каширы расследование не обнаружило признаков умышленного поджога.

В 1831–1833 годах господский дом, доставшийся семье от предыдущих хозяев Дарового, был очень маленьким и убожеством своим мало отличался от крестьянских дворов. По сути, это была «мазанка», каковых до сих пор много в южных лесостепных районах России. Крыша домика «помещиков» была соломенной! Пол был не деревянным, а глинобитным.

Удивительно, но сильнейший пожар, случившийся весной 1833 года, словно в насмешку, пощадил эту мазанку, поскольку она была защищена со всех сторон вековыми липами, не давшими разгуляться огню.

Однако родители посчитали мазанку слишком тесной и этим же летом, на волне всеобщего энтузиазма послепожарного строительства, с помощью крестьян быстро построили господский флигель из брёвен, крытый первоначально тоже соломой, а затем – деревянным тёсом. Флигель был повместительней мазанки, имел три небольшие комнаты с деревянным полом, печное отопление. Конечно, этот флигель был более добротным, чем прежняя мазанка, особенно когда его покрыли деревянной тёсовой крышей. Однако и он не был похож на типичные помещичьи дома тех лет. Одноэтажный, деревянный, без украшений и излишеств, он особо не отличался от домов крепких, зажиточных крестьян.

После пожара, помимо господского флигеля, семья Достоевских выстроила в усадьбе, вблизи «мазанки», которую продолжала использовать, избу для дворни и скотный двор. Всеми этими строениями пользовалась в XIX веке наследница помещичьей усадьбы Даровое Вера Михайловна Иванова (урожд. Достоевская), младшая сестра писателя. При этом мазанка по-прежнему имела соломенную крышу и неприглядный вид, а вот господский флигель помещица ремонтировала и незначительно перестраивала.

В XX веке усадьба постепенно ветшала и, в конечном итоге, приобрела жалкий вид, а мазанка вообще была снесена.

Обратимся к воспоминаниям редких посетителей Дарового.

А. Дроздов, побывавший в усадьбе в 1924 году, негодовал по поводу сноса наследниками имения «мазанкового домика», попыток бесконтрольной вырубки деревьев в Фединой роще⁷.

А. Арцибашев в 1989 году пришёл просто в ярость. «И вот усадьба великого русского писателя спустя полтора века. Впрочем – усадьба ли? Скорей – её жалкие остатки, – писал он в «Литературной России». – Заглянув через окно внутрь, ужаснулся: стены ободраны, в полу – проломы, по углам кучи мусора. Нет, разумеется, и хозяйственных построек, скотного двора, сарая, амбара... Чахлые кусты акации, покосившийся забор»⁸. Пришел в запустение фруктовый сад, а в липовой роще Арцибашев не увидел аккуратных дорожек и других признаков приличного парка.

К концу XX века господский флигель, покосившийся, с почерневшими, полусгнившими брёвнами, заброшенный, никому не нужной развалиной сиротливо стоял в липовой роще. Но многих волновал вопрос: тот ли это флигель, который принадлежал родителям Фёдора Достоевского?

За дело взялись археологи, которые исследованием брёвен и другими методиками научно доказали, что флигель был построен в 1830-х годах. Таким образом, современными археологическими исследованиями установлено, что это строение – тот самый флигель семьи Достоевских, который «знал» отца, мать, братьев и сестёр великого писателя и «помнит» маленького Федашу Достоевского.

Реставраторы затем много лет кропотливо восстанавливали этот флигель, стараясь придать ему первоначальный облик.

По мнению А. С. Бессоновой, «Усадьба Даровое», как объект культурного наследия, пережившая в XX веке не лучшие времена, возродилась и чудесно преобразилась к ноябрю 2021 года, к 200-летию юбилею знаменитого писателя. Велика роль в возрождении усадьбы поклонника Достоевского, предпринимателя Бориса Васильевича Писарева, спонсировавшего работы по её коренной реконструкции.

Не могу до сих пор забыть первый день посещения усадьбы. Вот мы входим в оваянную памятью о детстве Феде Достоевского липовую рощу. Вековые липы задумчиво смотрят на нас. Подумать только – они знают и помнят Федашу Достоевского! Ведь в липовой роще, берёзовом лесу Брыково и на пруду за прошедшие два столетия фактически не произошло никаких особых изменений.

Помнит Федашу и восстановленный господский флигель. Перед флигелем – полянка с изумрудным газоном и две большие вековые липы, приветливо шелестящие листьями. По песчано-гравийной дорожке мы с внуком и остальными туристами подходим к красивому дому, окрашенному снаружи в желтовато-коричневые цвета.

Флигель не очень большой, длиной менее 20 м, одноэтажный, бревенчатый, покрытый тёсом. Поверх дерева – железная крыша с торчащей печной трубой. Парадная сторона флигеля имеет три небольших окна с красивыми наличниками, в Т-образные деревянные рамы вставлены обыкновенные стёкла, к зависти большинства туристов, живущих в духоте в квартирах с пластиковыми окнами.

Флигель имеет три небольшие комнаты и сени. Полы деревянные, крашенные.

Как я узнал от А. С. Бессоновой и других сотрудников усадьбы, флигель обставлен не подлинной мебелью семьи Достоевских, а типичной мебелью, которой обставляли свои господские дома мелкопоместные дворяне-помещики в середине XIX века. Как известно, часть подлинных вещей и мебели семьи родителей Фёдора Достоевского в начале XX века из Дарового была перемещена в музей-квартиру Достоевского в Москву, на Божедомку. Назову, к примеру, овальный стол, бронзовые канделябры для свечей, книжный шкаф. В усадьбе Даровое подобраны и экспонируются точно такие же предметы, имеющие полное сходство с подлинными, принадлежавшими семье. В Даровом также экспонируются фотокопии автографов Михаила Андреевича, Марии Фёдоровны, Михаила Михайловича и Фёдора Достоевских – их письма, деловые бумаги матери; фотокопии портретов отца, матери и юного Фёдора Михайловича.

По скрипящим ступеням деревенского крыльца с волнением поднимаемся в сени, из которых путь наш лежит в первую комнату. Это детская, где размещались на ночлег все дети, приехавшие на лето в Даровое.

Во второй комнате – гостиной, стены которой окрашены в тёмно-кобальтовый цвет, в левом углу примостился книжный шкаф, наполненный книгами – изданиями, которые вышли в свет в начале XIX века и были наиболее популярны в этой высококультурной семье, где по вечерам часто устраивались семейные чтения вслух. В детстве в деревне Федя Достоевский запоем читал книги В. Скотта, Ф. Купера и Д. Дефо. Произведения Фенимора Купера побуждали его организовывать игры «в диких» в липовой роще с участием крестьянских детей. Один из корреспондентов в письме спросил писателя в 1880 году, что бы он порекомендовал для чтения его подрастающей дочери. Ф. М. Достоевский ответил: «12-ти лет в деревне я прочёл всего Вальгер Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил её в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, странными и растлевающими»¹².

В правом дальнем углу гостиной на самом видном месте размещена старинная икона – семья была набожной, патриархальной. На столике поставлены старинный медный тульский самовар с фарфоровыми чашками и чайником. В правом ближнем углу – комод из красного дерева, на котором помещена копия известного портрета юноши Фёдора Достоевского, выполненного К. А. Трутовским. Это самый ранний портрет писателя. Предполагаю, что портрет выполнен не в 1847 году, а значительно раньше. Ведь тесное общение Константина Трутовского и Фёдора Достоевского происходило в 1839–1841 годах, когда они вместе жили в Михайловском замке, обучаясь в Инженерном училище. В дальнейшем их встречи были редкими и случайными. Кроме того, указанный «портрет» – есть набросок итальянским карандашом человека явно юношеского возраста; навряд ли заканчивающий Академию художеств К. А. Трутовский в 1847 году так небрежно отнёсся бы к написанию портрета возмужав-

шего и уже известного литератора Достоевского, прославившегося к тому времени романом «Бедные люди» на всю Россию.

Гостей принимали в этой гостиной, центральное место которой занимают большой овальный стол с расставленной посудой и широкий кожаный диван; старинные красивые часы глухо отстукивают время на комод. Над диваном висит картина, символизирующая мастерство пейзажной живописи юного Миши – старшего брата Фёдора. Хорошо известна акварель «Даровое», написанная в юности Михаилом Достоевским здесь, в имении, и экспонирующаяся в Московском музее Ф. М. Достоевского, на стене в зале.

К бедной семье помещиков Достоевских в Даровое гости приезжали не очень часто. Это были, к примеру, помещики Еропкины (пожилые муж и жена, две дочери-невесты и 17-летний сын), приезжавшие в гости раза три за лето. У Еропкиных были хорошие оранжереи и парники, и они, навешая, всегда привозили Достоевским то дыню, то арбуз. Из других гостей редко навешали Достоевских соседская помещица старушка Небольсина, обожавшая Марию Фёдоровну, приходской священник из Моногарово, дьякон, имеющий 12 взрослых дочерей и ни одного сына, и дьячок.

Самым неприятным из гостей был хитрый владелец Моногарово Павел Петрович Хотяинцев, который изредка приезжал с женой Феодосей Яковлевной и двумя сыновьями. Внешне соблюдающий приличия и правила дворянского этикета, Хотяинцев в душе ненавидел Михаила Андреевича, жаждал «оттяпать» у Достоевских часть земли, вёл с ними судебные тяжбы. Этот отставной майор, имеющий 500 душ крепостных в двух имениях, был известен не только в уезде, но и в губернии, до 1831 года избирался депутатом в Тульское дворянское собрание, располагал значительными связями. Человек лицемерный и беспринципный, он мог написать злую кляузу в Каширский земский суд на М. Ф. Достоевскую, а через 2 часа, увидев её с детьми в церкви в Моногарово, пригласить в свой огромный дом и с умиленным выражением лица вести непринуждённую светскую беседу. Мария Фёдоровна была слишком доверчива, но проницательный доктор М. А. Достоевский быстро «раскусил» подлую душу отставного майора, и тот не решался уже посещать усадьбу, когда дводец вышел в отставку и поселился в Даровом.

У П. П. Хотяинцева младший сын-баловень был очень странным: он с детского возраста обожал облачаться в одежды священников, но при этом нередко кривлялся и паясничал. Наблюдательный Федя понял сущность избалованного ребёнка, не только его скрытый атеизм, но и глумление над церковью. Ф. М. Достоевский странностями сына П. П. Хотяинцева наградил Смердякова в романе «Братья Карамазовы». Смердяков имел привычку подвергать казни через повешение кошек и потом хоронить их по христианскому обряду, облачась в подобие одежды священника и читая молитвы.

Из гостиной дверь ведёт в комнату родителей. Они редко бывали в Даровом вместе, не более 12–20 дней в году, ибо отпуск врача Мариинской больницы был короток. С весны до окончания осенних полевых работ в этой комнате обитала официальная владелица имения Мария Фёдоровна. После её смерти, выхода в отставку отца и переезда его в августе 1837 года из Москвы в Даровое в этой комнате жил и тихо угасал, тоскуя по жене, Михаил Андреевич.

На стене комнаты родителей висят фотокопии портретов отца и матери кисти художника А. Попова (1823).

В левой части комнаты, которую можно назвать уголком матери, стоит бюро с письменным столом, на котором разложены автографы – деловые бумаги матери по имению, копии писем матери и отца друг другу. Особенный интерес у посетителей Дарового вызывает уникальный автограф юного Феди Достоевского. Это письмо Михаила Андреевича Марии Фёдоровне из Москвы в Даровое от 23 августа 1833 года. Внизу, под строчками отца, рукой 11-летнего Феди собственноручно выведено:

«Любезнейшая маменька!

Мы уже приехали к папеньке,.. в добром здоровье. Папенька и Николенька [младший брат Феди. – Авт.] также находятся в добром здоровье... Приезжайте к нам, любезнейшая маменька, остальной хлеб и гречиху, я думаю, недолго убрать. Прощайте, любезная маменька, с почтением целую Ваши ручки. Ваш покорный сын Фёдор Достоевский»¹³.

На шкафу видны бронзовые канделябры со свечами – точные копии подлинных канделябров родителей, хранящихся в Московском музее Достоевского.

Разглядывая портрет матери писателя и поражаюсь чистоте души и доброте этой русской женщины. Большие выразительные глаза, тонкие ниточки бровей, высокий умный лоб, нежное, с чистейшим овалом лицо. Нежность, очарование и одухотворённость проступают в каждой черте матери, от неё исходит тёплый свет материнской любви и доброты. По характеру Мария Фёдоровна была очень жизнерадостной и весёлой.

Став по воле судьбы владелицей поместья, Мария Фёдоровна оказалась отменной хозяйкой. Она с первого дня самого первого приезда в Даровое энергично повела работы в имении. Распорядилась она самостоятельно и по полевым работам, и по скотному и птичьему двору, и по огороду. Муж, из-за напряжённой работы в Москве приезжавший в Даровое на короткий срок, был рад-радешенек от её сметливости и хозяйственности.

Жизнерадостность и весёлость Марии резко контрастировали с внешней угрюмостью и сосредоточенностью мужа. Но Мария его очень любила, и они взаимно дополняли друг друга, а брак их был очень счастливым.

Рядом с портретом матери размещён портрет отца писателя, которого литературоведы советского периода отчего-то невзлюбили и безосновательно приписали ему всевозможные пороки, которых у него совершенно не было.

На портрете я вижу темноволосого мужчину, с бакенбардами по тогдашней моде, в гражданском мундире с высоким стоячим воротником. Лицо его доброе и сосредоточенное. Две глубокие вертикальные складки пролегли между густых бровей. Умные глаза смотрят открыто и без всякой злости.

Михаил Андреевич имел высшее медицинское образование, являлся первоклассным врачом в крупной московской больнице, вылечив тысячи тяжёлых больных, считался очень просвещённым человеком, выписывая все литературные журналы, покупая и прочитывая абсолютно все художественные книги, издаваемые в России в то

время. Но литературоведы голословно приписывают ему хронический алкоголизм, жестокость и невероятную скупость. И это человеку, который до 1838 года принципиально совершенно не употреблял алкоголь; был строг, но добр к своим детям, ни разу за всю жизнь не наказав их телесно; тратил немислимо большие средства на обучение своих детей в пансионе, покупал для них горы книг. Вечерами доктор устраивал для детей семейные чтения, нередко сам читая им вслух книги. Не стоит забывать, что это Михаил Андреевич воспитал Фёдора Достоевского как человека и привил любовь к литературе величайшему писателю мира!

Фёдор всю жизнь любил и уважал своего отца. Вот что пишет Андрей Достоевский об этом: «Отец наш не был угрюмым и подозрительным. Напротив, он в семействе был всегда радушным, а подчас и весёлым... Я как-то разговорился с ним (Фёдором Михайловичем) и упомянул об отце. Брат Фёдор мгновенно воодушевился и горячо высказал: «Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... А уж такими семьянинами, такими отцами нам с тобою не быть, брат!»¹⁴

Всё это вспоминал я, находясь в правой стороне комнаты, которую можно было назвать «уголком отца». Здесь в глаза мне бросилась кушетка, символизирующая плохое состояние здоровья и духа отца в последние годы жизни в Даровом. Невозможно представить душевные муки Михаила Андреевича, потерявшего любимого человека – жену, скоропостижно скончавшуюся в 1837 году от чахотки (туберкулёза лёгких). По рассказам няни Алёны Фроловны, которая нянчила маленьких Колю и Сашу, он в первое время даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой, и отвечая себе её обычными словами. Временами в отчаянии он даже бился головой об стену. Психику Михаила Андреевича угнетало и тяжелейшее финансовое положение. Выйдя по болезни в отставку, он потерял жалованье в больнице. Земли же в Даровом и Черемошне были малоплодородными, имение стало убыточным. К весне 1839 года М. А. Достоевский испытывал катастрофическую нужду, так как два последних года из-за погодных условий были неурожайными. В письмах сыну Фёдору в Санкт-Петербург он высказал мысль о возможном полном разорении имения, если продолжится засуха.

В 1838–1839 годах М. А. Достоевский стал тяжело болеть, имея явные признаки атеросклероза сосудов головного мозга. У него наблюдались головокружения, нарушения чувствительности в руке и ноге, резкое снижение зрения, кратковременные потери сознания. Из Зарайска несколько раз приезжал фельдшер, назначал лекарства, проводил кровопускания, но эффекта от лечения не было.

Мы с внуком последними из туристов вышли из флигеля семьи Достоевских, погружённые в увиденное, долго ещё ходили по липовой роще, возле фруктового сада и по берегу пруда, делясь впечатлениями и внимая обстоятельному рассказу замечательного гида А. С. Бессоной. Но грустные мысли об отце Фёдора Достоевского не давали мне покоя весь обратный путь до суетливой и шумной Москвы.

В вагоне метро я внезапно ощутил суровый взгляд появившегося из небытия, словно выплывшего из густого тумана Ф. М. Достоевского, обращённый к беззаботной молодёжи, уткнувшейся глазами и мыслями в гаджеты. Философ и пророк, как мне казалось, громко, горячо и отчаянно шептал каждому молодому человеку прямо в ухо:

«Очнитесь же наконец, освободитесь от плена Интернета! Вырвитесь из этой жестокой всемирной паутины, которая опутала и калечит ваши души! Люди, оглянитесь вокруг, ощутите красоту нашей земли, дыхание и биение настоящей, живой жизни; любите друг друга, дружите, заботьтесь обо всех страждущих и цените жизнь, дарованную вам Богом. У вас ещё есть шанс превратиться из рабов в человека!»

Но никто не шевельнулся, никто не задумался, никто не пожелал освободиться от этого дурмана, отуманивающего мозг и подавляющего собственное «Я» и индивидуальность человека, никто не захотел вырваться из технократического всемирного рабства.

* * *

Через несколько дней я снова приехал в полюбившуюся мне усадьбу, поселился в соседнем селе Моногарово и целую неделю августа провёл в милых моему сердцу местах.

Незабываемые впечатления принесло мне погружение в мир детства Федаши Достоевского при посещениях Дарового, Черемошни и их окрестностей.

Я часами бродил по липовой роше, раскинувшейся вокруг господского жёлто-коричневого флигеля, восторгаясь вековыми липами, припадая к их стволам, вдыхая необыкновенный запах коры и слушая таинственный шелест листьев, которые что-то пытались прошептать мне о белокуром бойком мальчишке Феде. Липовая роша сохранилась в первозданном виде со времён Фёдора Достоевского, её пересекают в разных направлениях несколько едва заметных тропинок, почти заросших травой, и одна широкая тропа, по которой экскурсоводы водят по роше экскурсантов. Дивное пение птиц слышишь по утрам в роше. Ах, как счастлив тот, кто слышал трели соловья в усадьбе Даровое!

«Местность в нашей деревне была очень приятная и живописная, – вспоминает брат писателя Андрей. – Маленький плетнёвый, связанный глиною на манер южных построек, флигелёк для нашего приезда состоял из трёх небольших комнаток [речь идёт ещё о первом домике – мазанке. – Авт.] и был расположен в липовой роше, довольно большой и тенистой. Роша эта через небольшое поле примыкала к берёзовому леску, очень густому и с довольно мрачной и дикою местностью, изрытой оврагами. Лесок этот назывался Брыково. С другой стороны помянутого поля был расположен большой фруктовый сад десятинах на пяти. Вход в этот сад был тоже из липовой роши. Сад был кругом огорожен глубоким рвом, по насыпям густо были рассажены кусты крыжовника. Задняя часть этого сада примыкала тоже к берёзовому лесочку Брыково. Эти три местности: липовая роша, сад и Брыково – были самыми ближайшими местами к нашему домику, а потому и составляли место нашего постоянного пребывания и гулянья»¹⁵.

Метрах в тридцати от восстановленного господского флигеля расположен один из двух курганов, описанных Андреем. Это невысокая насыпь (высотой в 1–1,5 метра и диаметром 10–15 м), на которой до сих пор растут 4 высокие вековые липы. Этот курган, как и второй, поменьше, облюбовала семья Достоевских для обедов и чаепития на свежем воздухе, о чём свидетельствует Андрей в своих воспоминаниях: «Около помянутого выше нашего домика... были

расположены два кургана или две небольшие насыпи, на которых росло по четыре столетних липы, так что курганы эти, защищённые каждый четырьмя вековыми липами, были лучше всяких беседок и служили нам во всё лето столовыми, где мы постоянно обедали и пили утренний и вечерний чай»¹⁶.

Поблизости от курганов можно увидеть бережно сохраняемые ныне остатки фундамента, глинобитного пола и плетнёвых стен мазанки, безжалостно снесённой наследниками имения.

Гуляя по липовой роше, замечаю, что в одном месте, вблизи Брыково, она создает непроходимые дебри – сквозь лесную чашу здесь трудно пробраться. Ага! Несомненно, что именно на этом участке роши дети семьи Достоевских, по инициативе Федаши, играли в дикарей, строили шалаш, где обитали и ели руками пищу, приносимую из флигеля заботливой маменькой. Невдалеке, в Брыково, разрисованные старшим братом Мишей «дикари» ловили «пленных» (крестьянских детей), обменивая их затем за «приличный выкуп». Таким выкупом иногда служили зайчик или ёж, за которыми дети Достоевских затем заботливо ухаживали, держа в хозяйственных постройках недалеко от господского флигеля.

«В липовой роше, с перебегами через поле в Брыково, происходили все наши детские игры, – вспоминает Андрей. – Брат Федя, много читавший, ознакомился с описанием жизни дикарей. «Игра в диких» была любимой нашей игрою. Выбравши в липовой роше место наиболее густое, мы строили там шалаш, делали ход в него незаметным. Шалаш этот делался главным местопребыванием диких племён; раздевались донага и расписывали себе тело красками на манер татуировки, делали себе поясные и головные украшения из листьев и выкрашенных гусиных перьев и, вооружившись самодельными луками и стрелами, производили воображаемые набеги на Брыково, где были находимы нарочно помещённые там крестьянские мальчики и девочки. Их забирали в плен и держали, до приличного выкупа, в шалаше. Брат Фёдор, как выдумавший эту игру, был всегда главным предводителем племён»¹⁷.

Федя уже в раннем детском возрасте прочитал произведение Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». В этом же глухом участке липовой роши играли в «Робинзона». Фёдор всегда был Робинзоном, а Андрею чаще других приходилось изображать Пятницу. С энтузиазмом дети воспроизводили все те лишения, которые испытывал Робинзон на необитаемом острове.

Считается, что Ф. М. Достоевский – «городской писатель». А он признавался, что «ничего в жизни так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ёжиками и белками, с его столь любимым <им> сырым запахом перепревших листьев»¹⁸. О Даровом он с восторгом вспоминал всю жизнь. «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь»¹⁹, – признавался Достоевский в своем «Дневнике писателя» за три года до смерти. Удивительно, но Фёдор Михайлович всю жизнь помнил и периодически ощущал чудесный, своеобразный запах «нашего деревенского березняка».

Березняк этот местные жители называли Брыково, а в семье Достоевских его именовали Фединой рошей, ибо этого бойкого мальчика непонятно почему тянуло в эту мрачную, дикую местность,

обильно заросшую деревьями, преимущественно берёзами, и кустами, с густой чащей, изрезанную глубокими оврагами. Здесь водились змеи, а крестьяне иногда видали в Брыково волков. Из-за волков и змей маменька не позволяла детям гулять в этом лесу, но смелый Фёдор постоянно нарушал этот запрет. Он часто один бродил по этому густому берёзовому лесу, с его оврагами, слушая дивное пение птиц, наблюдая зайчиков, белок, ежей, с интересом рассматривая муравейники, восторгаясь цветами, лакомясь ягодами – земляникой и малиной, рассматривая и временами собирая грибы, которых здесь было всегда много.

Почему же Федю Достоевского неудержимо тянуло в Брыково? Желание познать незнакомое, загадочное место? Жажда уединения? А может быть, тайное стремление испытать жуткий страх?

Никто из историков литературы до сих пор не дал внятного объяснения.

Ответ на этот вопрос я нашёл во фрагменте «Бедных людей», исключённом Достоевским из окончательного текста. Словами героини романа Вареньки Добросёловой Достоевский описывает свою неудержимую страсть к посещению березняка Брыково: «Я с детства любила быть в уединении. Я помню, у нас в конце сада была роша, густая, зелёная, тенистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой! Эта роша была любимым гуляньем моим... Перебежишь лужайку как ветер... и вмиг очутишься в роше... Между кустами чернеют дикие, порубленные пни, тянутся высокие, неподвижные сосны, раскидывается берёзка с трепещущими, говорливыми листочками, стоит вековой вяз с сочными, тучными, далеко раскидывающимися ветвями, – трава так гармонически шелестит под ногой, так весело-весело звенят хоры вольных, радостных птичек – что и самой станет так хорошо, так радостно... Осторожно пробираешься в чашу; и как будто кто туда манит, туда, где деревья чаще, гуще, синее, чернее, где кустарник мельчает и мрачнее становится лес, где начинаются овраги, крутые, тёмные, заросшие лесом; и чем дальше, тем тише, темнее, беззвучнее становится. Сделается и жутко, и страшно, кругом тишина мёртвая; сердце дрожит от какого-то тёмного чувства, а идёшь всё дальше, осторожно, боязливо, тихо. Резко запечатлелся в памяти моей этот лес, эти прогулки потихоньку, и эти ощущения – странная смесь удовольствия, детского любопытства и страха»²⁰.

Название «Брыково» не раз встречается в произведениях Ф. М. Достоевского. Например, в «Бесах» так названа им местность, где происходила дуэль Ставрогина и Гаганова.

В те далекие времена между липовой рошей и леском Брыково располагалось небольшое распаханное поле, на котором выращивали пшеницу, ячмень, овёс и другие сельскохозяйственные культуры. За полем пролегал овраг, за которым, собственно, и начиналось Брыково (Федина роша), где среди стеной стоящих деревьев преобладали берёзы.

Вдоль и поперёк исходил я лес Брыково, который, если сравнивать увиденное мною с описаниями Андрея и Фёдора Достоевских, почти не изменился с тех пор. Только пашня, прежде разделявшая липовую рошу и березняк Брыково, уже давно не распаханная, заросла и превратилась в большой зелёный луг, на котором кое-где растут одинокие деревья. Увы, исчезли в России, в том числе

в Зарайском районе, мужики Марей, распахивающие поляны на опушке леса, пытающиеся вырастить на них пшеницу или картофель. Современные мужчинки больше любят пиво, баню и Интернет, чем женщину, лошадь, трактор и плуг.

С возвышенных мест в начале лесочка Брыково открывается прекрасный вид на усадьбу Даровое и окружающую местность. С интересом обзираю липовую рощу с прячущимся среди деревьев милым жёлто-коричневым домиком, узкую просёлочную дорогу, ведущую в Черемошню, остатки фруктового сада Достоевских, который ныне успешно восстанавливается путём посадки плодовых деревьев и кустов вдоль широкой тропы, ведущей от флигеля и липовой рощи к пруду. Ах, хорошо было бы по всему периметру сада высадить кусты крыжовника, как это было здесь в пору детства Федаши Достоевского! Но преобладали в саду яблони и груши, и эти фрукты всегда в избытке подавались к столу в семействе Достоевских. С возвышенных мест Брыково можно увидеть и сам «маменькин» пруд, в голубых водах которого отражаются деревья, кусты и белые облака, медленно и величаво плывущие по небу.

Ф. М. Достоевский с детства очень любил лес. Послушаем внимательно тихий, душевный голос его любимой жены Анны Григорьевны, который доносится до нас из далёкого прошлого: «Всегда мечтал об имении, но непременно спрашивал: есть ли лес. На пахоту и луга не обращал внимания, а лес, хотя бы небольшой, в его глазах составлял главное богатство имения... Не любил дуба, а любил лиственный лес, не расчищенный, а скорее запущенный, разросшийся»²¹.

Упомянув о лесе в Даровом, литературоведы все поголовно рассказывают и пишут только о лесочке Брыково. Но это был ближний берёзовый лес, который начинается в каких-то 300 м от господского флигеля и в сотне метров от края липовой рощи. Они не знают, что Федаша очень часто посещал и дальний лес, который расположен не на западе, как Брыково, а на востоке от усадьбы и деревни Даровое, на невысоком холме, хорошо видимом от современного памятника Достоевскому. До этого широкого и протяжённого леса от усадьбы около 1,5 км, а простирается он дальше на ещё большее расстояние. К этому лесу вплотную подходили поля имения Достоевских и крестьянские наделы. Между прочим, лес Брыково был чужим, не входя в границы имения семьи Достоевских⁹.

Вот как описывает свою детскую прогулку по дальнему лесу, расположенному на холме, повзрослевший Фёдор Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год: «Я весь погружён в моё дело, я занят: выламываю себе ореховый хлыст, чтоб стегать им лягушек; хлысты из орешника так красивы и так непрочны, куда против берёзовых. Занимают меня тоже букашки и жучки, я их собираю, есть очень нарядные; люблю я тоже маленьких, проворных красно-жёлтых ящериц, с чёрными пятнышками, но змеек боюсь. Впрочем, змеи попадаются гораздо реже ящериц. Грибов тут мало; за грибами надо идти в березняк [Брыково. – Авт.], и я собираюсь отправиться»²².

Было мальчугану, гуляющему по этому дальнему лесу в одиночку, тогда всего лишь 9 лет. Как следует из рассказа, попалась ему в лесу и ядовитые змеи, которых он с осторожностью и естественной опаской обходил, однако не кричал, не впадал в панику.

Вообще, Фёдор Достоевский был очень смелым, непоседливым и боевым мальчиком, в отличие от старшего брата Михаила – спокойного и уравновешенного ребёнка. Андрей вспоминал: «Брат Фёдор был слишком горяч, энергично отстаивал свои убеждения и вообще был довольно резок на слова. При таких проявлениях со стороны брата папенька неоднократно говаривал: «Эй, Федя, уймись, несдобровать тебе, быть тебе под красной шапкой!»²³ (Указанное русское выражение обозначает угрозу принудительной воинской службы, солдатчину, ибо стрельцы носили красные шапки и кафтаны.)

Смелость в характере юного Феди Достоевского отмечает и его сестра Вера: «Фёдор Михайлович ребёнком был чрезвычайно резв и слыл в семье «буяном». Он придумывал всевозможные шалости, первый же в них попадался, но, попавшись, никогда не отрекался от них»²⁴.

Таким образом, о какой-то житейской трусости Федаши Достоевского не может быть и речи.

И вдруг гуляющему по лесу маленькому, 9-летнему Феде ясно и отчётливо послышался человеческий возглас: «Волк бежит!» Рассматривая в целом всю историю болезни Достоевского, можно заключить, что это была слуховая галлюцинация, как первое бессудорожное проявление эпилепсии. Те голоса, которые слышал Федя Достоевский, являются достоверным эпилептическим признаком. У него наблюдался слуховой галлюцинаторный эпилептический припадок, являющийся результатом разряда нейронов (нервных клеток) височной области мозга²⁵. После слуховой галлюцинации у мальчика возникло состояние, которое в медицине называется фобией; важно понять, что фобия не является обыкновенным, банальным страхом, это особое патологическое (болезненное), навязчивое состояние, связанное с изменениями нервной системы. В 1839 году у Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге, после получения известия о смерти отца, случился первый в жизни большой судорожный припадок (*grand mal*). В дальнейшем припадки судорог с потерей сознания регулярно повторялись, но и бессудорожные эквиваленты эпилепсии (например, те же слуховые галлюцинации, фобии, ночные кошмарные сны, расстройства настроения – дисфории) не оставляли в покое писателя несколько десятилетий.

После слуховой галлюцинации «Волк бежит!» болезненно возбуждённый Фёдор бросился к пашущему землю мужику Марю (Марку Ефремову), который успокоил мальчика, что способствовало купированию его болезненного возбуждения. Простой деревенский мужик, не имеющий образования, сделал то, что широко используют современные психоневрологи, называя это психотерапией или суггестией (внушением).

Но где произошла эта встреча возбуждённого ребёнка, находящегося в состоянии фобии, и сельского пахаря?

Пребывая в Даровом, я нередко, стоя в сторонке, прислушивался к рассказам московских экскурсоводов, привезших сюда туристов из столицы. И почти все они без сомнения указывали на Брыково, поясняя, что Марей в тот день распахивал лесную поляну, идущую в гору в самом начале безрезняка.

Но, во-первых, лесных распаханных полей, на которых бы выращивали сельскохозяйственные культуры, в самом Брыково, где

поверхность сложно-пересечённая и земля совершенно непригодна для земледелия, никогда не было. Во-вторых, крепостной Марей не мог пахать землю в Брыково, ибо этот лес был чужим, не принадлежащим Достоевским. Крестьяне Дарового имели наделы земли на большом поле, которое располагалось между липовой рошей и дальним лесом, в противоположной стороне от Брыково. Значит, получается, что именно там, на опушке дальнего леса, расположенного на невысоком холме, и пахал в тот день пашню (свою или принадлежавшую помещице М. Ф. Достоевской) крестьянин Марк Ефремов, которого все в сельце и усадьбе величали Мареем. Именно там, у дальнего леса, произошла известная встреча подверженного фобии мальчика и этого крестьянина.

Для подтверждения этого обратимся к первоисточнику – рассказу «Мужик Марей».

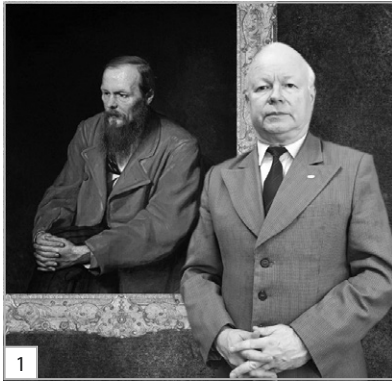
Достоевский так начинает рассказывать о том памятном для него дне: «Я прошёл за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск – так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой роши. И вот я забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик. Я знаю, что он пашет круто в гору и лошадь идёт трудно, и до меня изредка долетает его окрик: «Ну-ну!»²⁶. После того как Фёдору причудился крик «Волк бежит!», писатель так описывает последующие события: «Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, выбежал на поляну, прямо на пашущего мужика. Это был наш мужик Марей.

– Волк бежит! – прокричал я, задыхаясь»²⁷.

Когда крепостной Марк Ефремов успокоил мальчика, тот пошёл от леса по направлению к деревне и усадьбе. «Мне, признаться, было немножко перед ним стыдно, что я так испугался, но шёл я, всё ещё очень побаиваясь волка, пока не поднялся на косогор оврага, до первой риги; тут испуг соскочил совсем, и вдруг бросилась ко мне наша дворовая собака Волчок. С Волчком-то я уж вполне ободрился и обернулся в последний раз к Марее»²⁸.

В рассказе даны точные топографические ориентиры местности. Гумна и риги (овины), предназначенные для хранения жита, веяния и обмолота снопов, потеряв своё значение, не сохранились до настоящего времени. Но я узнал от старожилов, что они располагались восточнее деревни Даровое. Далее, если шагать от места, где были гумна и риги, в сторону дальнего леса, появляется овраг, а за ним начинается полоса густых зарослей орешника – этот участок местности называется Лоск. Последний примыкает непосредственно к дальнему лесу. По описанию Достоевского, Марк Ефремов пахал пашню, расположенную рядом с опушкой леса. Я убедился, что пашня здесь действительно идёт в гору, под углом около 10–15 градусов. Мне пришлось несколько раз проделать весь этот путь Феди Достоевского к дальнему лесу на холме и обратно, чтобы убедиться в своей правоте и точности найденного места.

Таким образом, эпизод встречи возбуждённого, находящегося в состоянии фобии, мальчика и мужика Мареем произошёл на участке большого поля, непосредственно расположенном возле дальнего леса. Любопытно и знаменательно, что именно туда устремлён взгляд увековеченного в камне Ф. М. Достоевского на памятнике скульптора Ю. Ф. Иванова.

1. Фото автора.
2. Вид на современный Зарайск и древний Зарайский кремль. Фото Е. А. Шелковникова
3. Зарайский рынок, на котором в начале XIX века часто бывал Фёдор Достоевский с матерью
4. Благовещенская площадь Зарайска с Троицким собором и старинными торговыми рядами. Фото автора
5. Дом в усадьбе Даровое, в котором жила семья Михаила Андреевича и Марии Фёдоровны Достоевских. Современный вид (2023)
6. Портрет Ф. М. Достоевского в юности. Худ. К. А. Трутовский, итальянский карандаш. Источник: Наука и жизнь, 2021. Т 12.
7. Памятник Ф. М. Достоевскому в усадьбе Даровое. Скульптор Ю. Ф. Иванов. (1993)

В пору хозяйствования помещиков Достоевских позади фруктового сада и Феединой роши находилась громадная ложбина, простирающаяся на несколько вёрст. В ложбине этой били ключи, а раньше здесь текла речушка, которая затем пересохла.

Сметливая, энергичная и хозяйственная маменька, новоиспечённая помещица Мария Фёдоровна, в первое же лето решила сделать в этой ложбине запруду, перегородив лог вблизи деревни. Крестьяне по её советам и приказаниям так и сделали: вырыли котлован для пруда, углубив лог у деревенской улицы, сделали запруду. Так, благодаря изобретательности Марии Фёдоровны, в первое же лето в селье образовался пруд, довольно глубокий, с очень хорошею, чистою водою. Крестьяне дивились уму и сметливости новой хозяйки, прежний затруднительный водопой скота упростился.

В ту же осень Михаил Андреевич прислал из Москвы бочонок с живыми маленькими карасиками, и карасики эти были пушены в новый пруд. Так было положено начало разведению рыбы в пруду. Через пару лет карасей в нём было видимо-невидимо. «В последующие годы в пруду этом была устроена купальня, и мы летом ежедневно по три, по четыре раза купались, – вспоминал Андрей. – Одним словом, летние пребывания наши в деревне были очень гигиеничны для нас, детей; мы, как дети природы, жили всё время на воздухе и в воде»²⁹.

Через пару лет дети своим зорким глазом увидели в пруду золотистых карасей внушительных размеров. «Это дало повод маменьке распорядиться закинуть невод, – продолжает свои воспоминания Андрей. – И можно себе представить нашу радость, когда неводом вытащили громадную массу карасей и всё золотистых. Маменька велела отобрать только несколько рыб для себя, сотню или более велела распределить между крестьянами, а остальную рыбу велела пустить опять в пруд. С этого времени мы начали усердно заниматься ловлею рыбы на удочки. Рыбы попадались иногда очень большие, и это занятие было одно из любимых нами»³⁰.

Рыбу ловили обычно ранним утром. У Андрея и Михаила были адъютанты – крестьянские мальчишки, которые должны были нарыть в земле червей и насаживать их на крючок удочки. Фёдор же отказался от такого «препротивного барства», сам откапывал червей, насаживал их на крючок, а большую часть выловленной рыбы отдавал крестьянским семьям.

Рядом с липовой рошей начинается и идёт дорога в деревню Черемошня, которую семья Достоевских была вынуждена прикупить вдобавок к Даровому. Дорога очень узкая, просёлочная. В сухую погоду шагать по ней – одно удовольствие. Но после дождя, вследствие того что почва здесь глинистая, дорога раскисает и становится грязной и неудобной. В голову невольно приходят строчки из мемуаров Андрея Достоевского, вспоминающего, что в Черемошню, которая располагается в полутора верстах от Дарового, вся семья во главе с маменькой часто хаживала по вечерам. Добросовестная Мария Фёдоровна вечером проверяла, как в этот день были выполнены сельскохозяйственные работы в соседней деревне. А каждую субботу по этой просёлочной дороге семейство с утра весело шагало в баню, которой в Даровом у них не было.

На этой дороге в Черемошню возле липовой роши ребята играли в лошадки. Воображаемыми «лошадками» были сами мальчишки или

крестьянские дети, играющие вместе с ними. Временами создавали «тройки лошадей», то есть три мальчика были в одной упряжке, бежали по полю, обвязанные и понукаемые бежавшим позади них и грозно кричавшим «кучером». По просёлочной дороге в Черемошню устраивали гонки этих троек. Задачей кучера было хорошо накормить своих «лошадок». Дети семьи экономили пищу во время обеда и часть своей еды приносили крестьянским детям – «лошадкам». Как видим, братья Достоевские не обособлялись от крестьянских детей, играли вместе с ними, разговаривали, веселились, общались с ребятами из сельца.

В раннем детстве впечатлительный Федаша испытал в Даровом несколько потрясений. В 10-летнем возрасте его психику потрясло событие, когда осенью на его глазах был зарезан на мясо телёночек, которого он очень любил. Сильно переживал Федя, когда вдруг увидел, как очень уважаемый им мужик Марей начал безжалостно бить свою любимую кобылёнку, которую прежде всегда ласково называли кормилицей. Он беспощадно и больно стегал её по морде и глазам, когда она завязла с возом в грязи. Этот случай, глубоко врезавшийся в его память, писатель использовал в романе «Преступление и наказание», описывая сон Раскольникова.

И всё же как разительно отличаются ребёнок гениальный и ребёнок обыкновенный!

Выдающийся достоевсковед Игорь Волгин подчёркивает: «Там, где у Андрея Михайловича – ребячий рай, игра «в диких», рыбалка, походы в лес за грибами, там у его старшего брата – иссечённая крестьянская лошадь и бьющий её по глазам добрый мужик Марей»³¹.

Проживая в Даровом и часто вместе с мамой бывая в Черемошне, дети семьи Достоевских были знакомы с бытом крестьян, знали и понимали крестьянские заботы, видели нужду простого народа.

В первом своём романе «Бедные люди» Ф. М. Достоевский устами героини восторженно отзывается о познании им нового – крестьянского – мира: «Бывало, с самого раннего утра убегу... на сенокос, или к жнецам – и нужды нет, что солнце печёт...»³².

«В деревне мы постоянно были на воздухе и, кроме игр, проводили целые дни на полях, присутствуя и приглядываясь к трудным полевым работам, – читаем мы вновь воспоминания Андрея. – Все крестьяне, в особенности женщины, нас очень любили и, не стесняясь нисколько, вступали с нами в разговоры. Мы со своей стороны старались тоже угодить им всевозможными средствами. Так, однажды брат Федя, увидев, что одна крестьянка пролила жбан с водой, вследствие чего ей нечем было напоить ребёнка, немедленно побежал версты за две домой и принёс воды, чем заслужил большую благодарность бедной матери. Да, крестьяне нас любили!»³³

Текст «Воспоминаний» Андрея Михайловича Достоевского был опубликован с сокращениями. Известный историк литературы В. С. Нечаева, которая ознакомилась с рукописью в подлиннике, приводит такие слова Андрея Михайловича: «Все крестьяне любили нас очень, и в особенности брата Фёдора. Он по своему живому характеру брался за всё: то просит водить лошадь с бороной, то погоняет лошадь, идущую в сохе. Любил он также вступать в разговоры с крестьянами, которые всегда охотно с ним говорили; но верхом удовольствия его было исполнить какое-либо поручение или сделать одолжение и быть чем-нибудь полезным»³⁴.

Как видим, Федя Достоевский имел распахнутое сердце, полное любви к людям. Всё существо этого беспокойного и бойкого мальчика пронизывала жажда сотворить добро, оказать посильную помощь окружающим людям, сделать их счастливыми.

Недолгое пребывание юного Фёдора Достоевского в Даровом (суммарно два года жизни) оказало на становление его личности мощнейшее воздействие.

П. П. Семёнов-Тян-Шанский писал: «...Всего менее я могу согласиться с мнением биографов, что Ф. М. Достоевский был “истерически нервным сыном города”. Стоит вспомнить показания Андрея Михайловича Достоевского о детстве брата, слышанное нами признание самого Достоевского о том, что деревня оставила на всю жизнь его неизгладимые впечатления, и его собственные рассказы о крестьянине Марее, и страстные сообщения на вечерах Петрашевского о том, что делают помещики со своими крестьянами, его идеалистическое отношение к освобождению крестьян с землёю и, наконец, его глубокую веру в русский народ, разумея под таковым сельское население – крестьян, чтобы убедиться в том, что Ф. М. Достоевский был сыном деревни, а не города»³⁵.

* * *

На просёлочной дороге из Дарового в Черемошню, примерно на половине пути, где дорога ещё более сужалась и с обеих сторон была окружена пашней, по сути превратившись в полевую, 6 июня 1839 года перестало биться сердце отца писателя, Михаила Андреевича Достоевского.

До сих пор поражаюсь рассказам о якобы насильственном характере смерти М. А. Достоевского, основанным лишь на домыслах и слухах, распускаемых его недругом, помещиком П. П. Хотяинцевым и «недоброй бабьёй» (так её называет А. М. Достоевский) О. Я. Нечаевой, ненавидевшей честного и принципиального Михаила Андреевича. Это они распустили слухи о «позорной» смерти М. А. Достоевского, якобы убитого собственными крестьянами, которые будто бы «не выдержали его жестокости». Эти слухи в дальнейшем некритично восприняли и приняли на веру А. М. Достоевский и дочь писателя, Любовь Фёдоровна Достоевская, а в последующем литературоведы советского периода Л. П. Гроссман³⁶, В. С. Нечаева³⁷ и их последователи.

Между тем насильственный характер смерти М. А. Достоевского не подтверждён ни одним документом! Он умер естественной смертью от апоплексического удара (острого нарушения мозгового кровообращения), который внезапно случился с ним на полевой дороге, когда он вместе с кучером ехал на дрожках из Дарового в Черемошню. Об этом свидетельствуют: а) медицинское заключение о смерти, выданное врачом И. Х. Шенроком, срочно доставленным из Зарайска к умирающему прямо в поле, однако спасти потерявшего сознание и находящегося в параличе больного ему не удалось; б) данные судебно-медицинского вскрытия, проведённого судебно-медицинским экспертом Х. Шенкнехтом, который нашёл у умершего тяжёлый атеросклероз сосудов головного мозга, осложнившийся апоплексическим ударом (острым нарушением мозгового кровообращения), и не обнаружил никаких следов удушья, ран и травм; в) и г) материалы

двух уголовных дел (1839 и 1840 годов), закрытых в связи с отсутствием состава преступления; при этом помещик А. И. Лейбрехт, по заявлению которого было заведено второе дело, судебными органами по окончании его был обвинён в лжесвидетельстве и признанся, что лживую версию об убийстве М. А. Достоевского крестьянами ему подсказали В. Ф. и П. П. Хотяинцевы, ненавидевшие покойного.

В материалах следствия чёрным по белому, ясно и чётко сказано: «Надворный советник М. А. Достоевский был в поле, скоропостижно умер. По произведённому... следствию, в насильственной смерти г-на Достоевского сомнения и подозрения никакого не оказалось, а последовала таковая, как свидетельством уездный штаб-лекарь Шенкнехт удостоверяет, от апоплексического удара вследствие сильных геморроидальных напряжений»³⁸.

Ненасильственный характер смерти М. А. Достоевского доказан Г. А. Фёдоровым³⁹, Л. И. Сараскиной⁴⁰ и некоторыми другими достоевскооведами, которые, не доверяя слухам и сплетням, исследовали судебные и медицинские документы по данному делу. И. П. Волгин⁴¹ ведёт настойчивые попытки обнаружения судебно-медицинских документов в московских архивах. Много лет изучая материалы по болезни и смерти М. А. Достоевского, я, как медицинский работник, врач высшей категории, с полной ответственностью утверждаю, что отец писателя умер естественной смертью от острого нарушения мозгового кровообращения (мозгового инсульта). На сегодняшний день «убийство М. А. Достоевского своими крестьянами» – миф, который, к огромному сожалению, в течение XX века растиражирован в тысячах книг и статей и поэтому ещё долго будет жить в умах любителей литературы.

К слову, в небольшом селе Моногарово, что в двух верстах к северу от Дарового, где мне разрешила пожить в своём сельском доме одна старушка, проводится основательная реставрация местной Святодуховской церкви, от которой к концу XX века остались только стены. В церковной ограде среди прочих православных в 1839 году и был похоронен отец писателя. Андрей Достоевский, бывавший в Даровом в зрелом и пожилом возрасте, в 1887 году, отстояв в церкви села Моногарово панихиду по папеньке, отметил, что на могиле отца лежит «камень без всякой надписи» и могила окружена очень ветхой деревянной решёткой. Он записал в своём дневнике: «Надо будет озаботиться возобновить ограду»⁴². Однако намерение своё Андрей Михайлович так и не исполнил.

Удивительно, но и младшая сестра писателя Вера Михайловна Иванова (Достоевская), владевшая после смерти отца именем Даровое, и её две дочери Мария и Ольга, жившие в старости в Даровом, не озаботились обозначением фамилии усопшего родителя и деда на могильном камне. Время шло, они друг за другом умерли, а могила осталась безымянной. В годы Советской власти в церкви сделали склад, а погост был в плачевном состоянии, часть его превратилась в пустырь с наваленным мусором, многие из непосещаемых, неухоженных могил попросту сравнялись с землёй. И сейчас, во время реставрации в Моногарово церкви и церковного кладбища, абсолютно никто не знает, в какой из сохранившихся могил покоятся останки отца великого писателя! На пустыре возле церкви соорудили кенотаф, пафосно возвещающий, что где-то тут похоронен Михаил

Андреевич Достоевский. И. Л. Волгин считает, что могила отца писателя навечно утрачена⁴³.

На мой взгляд, что-то дикое и кощунственное творится и с могилами (их целых две!) и останками Марии Фёдоровны Достоевской. Мать писателя в 1837 году была погребена на Лазаревском кладбище в Москве. В 1936 году на кладбище не осталось земли для новых захоронений, и его закрыли. Но могилы уже похороненных, а среди них много известных людей, сохранили и, с помощью общины действующего Собора Сошествия Святого Духа, поддерживают. Между тем останки Марии Фёдоровны по какой-то непонятной причине были эксгумированы и переданы в НИИ антропологии при Московском университете, где М. М. Герасимов пытался сделать реконструкцию портрета М. Ф. Достоевской по черепу. В результате этого «научного эксперимента» нет ни портрета, ни черепа! Последний исчез и до сих пор не найден. Безобразия и несогласованные действия продолжались. В 2012 году прах Марии Фёдоровны без черепа из МГУ был передан в Иоанно-Предтеченский собор Зарайска, а в дальнейшем захоронен на кладбище этого городка. Сейчас это старое провинциальное кладбище основательно обветшало, а могила Марии Фёдоровны выглядит убогой и запущенной. В 2017 году, благодаря усилиям И. Л. Волгина, В. Н. Захарова и П. Е. Фокина, на месте первичного погребения М. Ф. Достоевской на Лазаревском московском кладбище восстановили могилу и установили тот самый первоначальный, имеющий культурно-историческое значение, замечательный памятник, надпись на котором была сочинена юным Фёдором Достоевским и его братом Михаилом. Могила и памятник матери Ф. М. Достоевского восстановлены, а её останки находятся в Зарайске. Странная история!

Горячие головы носятся с идеей перезахоронить останки Марии Фёдоровны Достоевской из Зарайска, где плохо следят за её могилой, на церковное кладбище в Моногарово. Глупая затея! Чтобы они там затерялись так же, как и прах её мужа, Михаила Андреевича? По моему мнению, останки матери великого писателя требуют упокоения на своём законном изначальном месте, именно там, куда её проводили в последний путь, простились с ней и где её тело с почестями предали земле по церковному обряду отец и дети, в том числе писатель Фёдор Достоевский. Могила и памятник на Лазаревском кладбище в Москве должны обрести наконец прах Марии Фёдоровны Достоевской!

* * *

Накануне отъезда из Дарового, вечером я пришел проститься с пророком и мыслителем к его скульптуре, установленной перед входом в липовую рощу.

Прошедший через тысячи испытаний, глубоко познавший жизнь, её короткие минуты счастья и долгие годы мучений и лишений, раскрывший тайну человека, обогативший мировую литературу непревзойдёнными шедеврами, которые есть не просто романы, а некие тайные знаки, путеводные огни, по которым должно дальше двигаться человечество, этот каменный идол, словно живой человек, скромно сидел передо мною, молчал и задумчиво и мечтательно смотрел вдаль. Перед ним раскинулось бескрайнее русское поле. Сейчас он, на высоте прожитых лет, как будто вспоминал своё беспокойное, но

счастливым детством, проведённое в этом милом и чудесном краю. Достоевский хранил память о Даровом в своём сердце, но долго никак не мог вернуться сюда, до предела загруженный литературной работой.

Внезапно летом 1866 года, работая в Люблино в окружении своих любимых родственников, он узнаёт, что прекрасный юноша, Н. Фон-Фохт, вместе с частью семейства сестры, В. М. Ивановой-Достоевской, уезжает погостить в Даровое. Как загорелись глаза писателя, как ему захотелось поехать вместе с ними, чтобы окунуться в своё далёкое детство. Но напряжённая работа над романом «Преступление и наказание» не позволила ему этого. И тогда он попросил доброго юношу вести для него в усадьбе подробный дневник, а когда тот вернулся в Люблино, в доме сестры стал громко, с упоением зачитывать его содержание родственникам и гостям.

Как Достоевский умилялся каждой мелочью, записанной юношей, какая радость светилась в его сияющих глазах, когда он жадно перечитывал сельские события и упоминания милых для него мест – липовой роши, пруда, березняка Брыково! Добрый смех вызывали у него «гастрономические» подробности дневника, когда каждый день юноша старательно перечислял, что они ели в «старинном господском доме», заехав в «такую большую глушь». «Мы с раннего утра принимались за уничтожение превосходных яблок и груш, коими изобилует фруктовый сад при господском доме. Другим лакомым блюдом были грибы, мы их уничтожали почти ежедневно с неменьшим усердием»⁴⁴, – писал позднее Н. Фон-Фохт в своих воспоминаниях о незабываемых встречах с великим писателем.

Мысль посетить свою Малую Родину внезапно озарила писателя в самом конце короткой жизни.

В июле 1877 года Ф. М. Достоевский съездил в Даровое и погостил у своей сестры Веры Михайловны. Он посетил любимые места в липовой роше, лесу Брыково, на берегу пруда, сходил в деревню Черемошню и поклонился могиле отца на церковном кладбище в селе Моногарово. В деревне Даровое ему были особенно рады. «Заходил Фёдор Михайлович в избы мужиков, своих сверстников, из которых многих помнил. Старики и старухи, сверстники, помнившие его с детства, радостно его приветствовали, зазывали в избы и угощали чаем»⁴⁵, – повествует о поездке мужа его жена, Анна Григорьевна Достоевская.

Наступил последний день моего пребывания в усадьбе Даровое. С утра я долго бродил по живописным и милым моему сердцу местам, связанным с детством Феди Достоевского. И в этот солнечный, погожий день, не унимаясь, пела душа моя, когда я неспешно ходил по усадьбе, заглядывая в каждый уголок её и прощаясь с ним. Всё же какое это счастье – побывать в усадьбе Даровое, на Малой Родине писателя, погружаться в светлый мир детства Достоевского! Здесь всё вокруг – липовая роша, флигель, пруд, леса, пашни, луга, даже сам воздух – пропитаны духом Федаши Достоевского! Здесь, в краю детства Достоевского, душа очищается, дурное тает как весенний снег, и хочется жить на свете с чистой совестью, творя только добрые дела.

По дорожке мимо фруктового сада, который был основательно заброшен в XX веке, но сейчас возрождается, благодаря усердным сотрудникам усадьбы Даровое, спонсоров и волонтеров, высаживающих фруктовые деревья, медленно приближаюсь к «маменькину»

пруду. Очутившись на берегу, я с восхищением окидываю взором изумительный по красоте водоём – детище Марии Фёдоровны Достоевской, которая его задумала и организовала крестьян на сооружение плотины в широкой ложине, простирающейся на несколько вёрст.

Подумать только – «маменькин» пруд, возникший благодаря сметливости Марии Фёдоровны, узнавшей, что в логу много ключей, существует уже почти два века! И приносит большую пользу людям, являясь источником воды для питья и полива садов, огородов, местом для купания, катания на лодках, рыбной ловли.

Стройные белые берёзки, плакучие ивы и густые зелёные кусты разрослись на живописных берегах. В пруду много рыбы, которую ловят удочками местные жители и приезжие рыболовы. Вижу милую девушку с мечтательным выражением лица, прекрасными распущенными волосами цвета спелой ржи, которая, держа в руках букетик полевых ромашек, плывёт в лодке с рослым и сильным деревенским парнем, ловко загребаящим воду вёслами. Лицо его – курносое, с веснушками, простоватое – сияет от счастья и любви. На берегу – группа туристов, состоящая из одних только женщин, утомлённых долгой дорогой из Москвы или Рязани. Усталые, они с трудом внимают подробному рассказу слишком старательного гида и украдкой бросают завистливые взгляды на влюблённую пару, рассекающую на лодке водную гладь пруда. Невдалеке в середине августа ещё купались – шумно, беззаботно, с визгом и хохотом – деревенские ребята из Дарового и Моногарово, но сегодня холодная вода отпугнула их, и они на берегу с увлечением строят замок из кирпично-красного песка.

– Не может быть! – восклицает повстречавшийся мне местный юноша, с удивлением смотря на меня голубыми глазами, когда я общаю ему, что именно в этом самом пруду, в его родной деревне Даровое, ловил на удочку золотистых карасей сам Фёдор Михайлович Достоевский.

– А я уже практически не житель Дарового. Приезжаю сюда только на лето, – сообщает 16-летний юноша. – А в остальное время живу в городке около Москвы и хочу после школы выучиться на прокурора. В крайнем случае, на судью.

– А «Записки из Мертвого дома» Вы читали? – спросил я у него.

– Читал, – сообщает потомок крестьян Дарового, к немалому моему удивлению, ибо я знаю, что современная молодёжь книги не жалуется. – Вы не думайте, что я буду вторым плац-майором Кривцовым, «восьмиглазым» мерзавцем.

– Почему же ты идёшь в эту систему? Там всё непросто, – помолчав, спросил я.

– Я не хочу, чтобы Россия превращалась в страну мошенников. Они сейчас повсюду: снимают у доверчивых людей деньги с банковских карт, строят финансовые пирамиды, путём хитрых комбинаций перекачивают деньги государства и граждан в свои карманы... В нашем Зарайском районе фермеры едва-едва сводят концы с концами, а перекупщики, незаконно взвинчивая цены, жируют, ничего не производя.

Мы ещё долго разговаривали по душам, сидя на бережку и рассеянно созерцая водную гладь. Я отечески предостерегал его от безрассудных поступков, свойственных юности.

– Добро должно быть с кулаками! – и он потряс своим кулачищем.
 – Я вижу – ты и Куняева читал... Но скажи честно: если все хорошие перебыют всех плохих – на земле будет рай?

– Нет, – улынулся он. – На Земле останутся одни убийцы...

В конце разговора юноша, чуть повысив голос, эмоционально произнёс:

– Мне противны обман и ложь. Я хочу, чтобы все жили по совести и всегда побеждала правда. Но у нас, в России, ещё очень далеко до этого.

Голубые глаза его были чисты и светлы, как вода пруда, но в голосе уже звучала сталь, которой ещё предстояло закалиться в булдушей российской действительности.

– Спасибо за откровенность. Правда для правды, а не для красоты, – повторил я слова Ф. М. Достоевского потомку крестьян Малой Родины писателя.

Вечером я уезжал из усадьбы Даровое. Малиновое солнце медленно уплывало за дальний зубчатый лес. За длинный трудовой день небесное светило уже порядком устало, но своими закатными лучами каким-то необыкновенно тёплым оранжевым светом с любовью освещало зарайскую землю, которая учила добру и жизни по совести и юного Фёдора Достоевского, и много безвестных русских людей-тружеников. За окном автомобиля проплывали полюбившиеся мне зарайские просторные поля со сжатой пшеницей, зелёные роши, чёрно-коричневые квадратики пашни, сочные луга, а также небольшие пространства бурой, непригодной для земледелия и потому тоскующей земли, беспощадно изрезанной и израненной оврагами.

А в глазах моих всё стоял и стоял этот русский голубоглазый юноша со стальным характером – потомок крестьян Дарового. Он мечтает, чтобы в мире не было лжи и обмана, а всегда торжествовала правда. Символично, что об этом же мечтал и всю жизнь боролся за правду Фёдор Михайлович Достоевский.

Литература и примечания:

- 1 До 1918 года все даты даны по старому стилю.
- 2 Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Академический проект, 2018. 749 с. Цит. С. 160 (Далее сокр. – Волгин И. Л.).
- 3 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (Далее сокр. – Достоевский Ф. М. ПСС). Цит. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Мужик Марей. С. 47–48.
- 4 Цит. по: Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с. Цит. С. 34.
- 5 Достоевский А. М. Воспоминания. М.: Аграф, 1999. 432 с. Цит. С. 55 (Далее сокр. – Достоевский А. М.).
- 6 Там же. С. 59.
- 7 Дроздов А. Усадьба Достоевского // Известия. 1924, 4 ноября.
- 8 Аршибашев А. Святыни для души // Литературная Россия. 1989, 21 апреля.
- 9 Фёдоров Г. А. Сельцо Даровое // Газета «За новую жизнь». Зарайск, 1981.
- 10 Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с. Цит. С. 136 (Далее сокр. – Фёдоров Г. А. Моск. мир Достоевского).
- 11 Достоевский А. М. С. 55, 60.

- 12 Письмо Ф. М. Достоевского Н. Л. Озмидову, 18 августа 1880 г. // Достоевский Ф. М. ПСС. Т.30, кн. 1. С. 212.
- 13 Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 28, Кн. 1. Письма. С. 30.
- 14 Достоевский А. М. С. 94.
- 15 Там же. С. 55-56.
- 16 Там же. С. 56.
- 17 Там же. С. 57.
- 18 Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 22. С. 47.
- 19 Из «Дневника писателя». 1877 г. В кн.: Достоевский без глянца. Сост. П. Фокин. СПб.: Пальмира, 2017. С. 163.
- 20 Достоевский Ф. М. Бедные люди. Варианты прижизненных изданий // Достоевский Ф. М. ПСС. Т.1 . С. 443.
- 21 Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года. В кн.: Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 281.
- 22 Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 22. С. 47.
- 23 Достоевский А. М. С. 72.
- 24 Достоевская-Иванова В. М. Воспоминания. В кн.: Гроссман Л. П. Достоевский на жизненном пути. Вып. 1. М., 1928. С. 27.
- 25 Давидов М. И. «Чувствую полную гармонию...» История болезни Достоевского // Наука и жизнь. 2022. N 10. С. 53-62.
- 26 Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 22. Дневник писателя за 1876 год. Мужик Марей. С. 47.
- 27 Там же. С. 47-48.
- 28 Там же. С. 48-49.
- 29 Достоевский А. М. С. 56-57.
- 30 Там же. С. 57.
- 31 Волгин И. Л. С.163.
- 32 Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф. М. ПСС. Т. 1. С. 27.
- 33 Достоевский А. М. С. 59.
- 34 Цит. по: Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 34-35.
- 35 Семёнов-Тян-Шанский П. П. Из «мемуаров» // Достоевский Ф. М. Воспоминания современников. М.: Худож.лит., 1990. Т. 1. С. 299.
- 36 Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л., 1935.
- 37 Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939.
- 38 Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф.90. Оп. 1. Т. 20. Ед. хр. 15246. Л. 35–35 об.
- 39 Федоров Г. А. Был ли убит отец Достоевского? // Литературная газета. 1975, 18 июня. N 25. С. 7; Федоров Г. А. Моск.мир Достоевского. С. 140–193.
- 40 Сараскина Л. И. Достоевский. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2013. С. 96–112.
- 41 Волгин И. Л. С. 296–317.
- 42 Достоевский А. М. С. 63, 402.
- 43 Волгин И. Л. С. 723.
- 44 Фон-Фохт Н. К биографии Ф. М. Достоевского // Исторический вестник. 1901. N 12. С. 55.
- 45 Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: «Захаров», 2023. С. 309–310.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

№ 34

Автор проекта,
редактор-составитель
Художественный редактор
Корректор

В. В. Якушев
С. Э. Неведомская
Н. Н. Семукова

Подписано в печать 10.10.2024. Формат 70x100¹/₁₆.
Гарнитура Souvenir. Бумага ВХИ.
Заказ N 156241. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание авторами ФИО, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе – обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнение может не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-6048219-9-2

9 785604 821992

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8-951-959-00-93.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

